

Университет «Туран»

УДК 327(091) (477+575.2)

На правах рукописи

ГАЛИЕВ АНДРЕЙ ГРИГОРЬЕВИЧ

**Межрегиональные противоречия в рамках государств СНГ (на примере
Украины и Кыргызстана): историческая ретроспектива и современные
проблемы**

6D020200 – Международные отношения

Диссертация на соискание ученой степени
доктора философии (PhD)

Научные консультанты
доктор исторических наук, профессор
Абылхожин Ж.Б.
доктор исторических наук, профессор
Алимова Д.А.

Республика Казахстан
Алматы, 2011

СОДЕРЖАНИЕ

ОБОЗНАЧЕНИЯ И СОКРАЩЕНИЯ	3
ВВЕДЕНИЕ	4
1 ИСТОРИЧЕСКАЯ ДИНАМИКА ФОРМИРОВАНИЯ ФАКТОРОВ РЕГИОНАЛЬНЫХ ПРОТИВОРЕЧИЙ	
1.1 Геоэкономические факторы формирования региональных противоречий	21
1.2 Историко-социальные и политические факторы внутрирегиональной дифференциации в Украине и Кыргызстане	24
2 СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ РЕГИОНАЛЬНЫЕ РАЗЛИЧИЯ В УКРАИНЕ И КЫРГЫЗСТАНЕ	63
2.1 Вопрос национальной идентичности в Украине и его влияние на региональное сотрудничество	64
2.2 Геополитические последствия неравномерного культурно-локального развития Кыргызстана по линии «Север-Юг»	87
3 СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ МЕЖРЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ В РАМКАХ ГОСУДАРСТВ СНГ: УКРАИНА И КЫРГЫЗСТАН	
3.1 Деятельность Содружества Независимых Государств и его основные направления	110
3.2 Влияние социально-экономического развития Украины на региональные противоречия	119
3.3 Проблемы социально-экономического развития Кыргызстана как фактор региональной нестабильности	137
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	155
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ	160

ОБОЗНАЧЕНИЯ И СОКРАЩЕНИЯ

ВБ	Всемирный банк
ВВП	Валовой внутренний продукт
ЕврАзЭС	Евразийское экономическое сотрудничество
ЕС	Европейский союз
КНР	Китайская Народная Республика
КОР	Комплексные основы развития
КР	Кыргызская Республика
МАР	Международная Ассоциация развития
МБРР	Международный банк реконструкции и развития
МВФ	Международный валютный фонд
НПО	неправительственная организация
ОБСЕ	Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе
ООН	Организация объединенных наций
ОЭСР	Организация экономического сотрудничества и развития
ПРООН	Программа развития ООН
ПИИ	Прямые иностранные инвестиции
РФ	Российская Федерация
ССПС	Совместная стратегия помощи стране
СНГ	Содружество независимых государств
США	Соединенные Штаты Америки
ШОС	Шанхайская организация сотрудничества

ВВЕДЕНИЕ

Общая характеристика диссертационного исследования

Разрешение межрегиональных противоречий в рамках отдельного государства сегодня должно быть выдвинуто в число проблем, которые являются ключевыми в сфере сохранения национальной и региональной безопасности, а также непосредственно влияют на его внешнюю политику и строительство международных отношений в рамках СНГ. В диссертационном исследовании осуществлен анализ межрегиональных противоречий в странах постсоветского пространства (на примере Украины и Кыргызстана), который представлен как в исторической ретроспективе, так и в контексте, и в условиях политической трансформации в период обретения и укрепления независимости и строительства новой парадигмы международного сотрудничества. На основе комплексного изучения широкого круга источников, в том числе - статистических материалов, экспертных оценок, аналитических обзоров рассмотрены теоретико-методологические проблемы региональной политики, межрегионального взаимодействия, исследованы причины порождения и воспроизводства социально-экономических, политических и социокультурных межрегиональных противоречий в Украине и Кыргызстане.

Актуальность темы исследования заключается в том, что за период после распада Советского Союза страны постсоветского пространства вынуждены были приступить к строительству суверенной государственности и своих внешнеполитических связей в сложных условиях, которые сопровождалась поиском уникальной идентичности, формированием новых экономических укладов, трансформацией политических систем, развитием инфраструктурных компонент всех сфер жизнедеятельности общества.

Период трансформации в странах СНГ, их переход в новое качественное состояние не только меняют старые основания новыми, но и порождают противоречия, затрудняющие динамичное или хотя бы устойчиво-стабильное развитие и требуют исследования и разработки эффективных методов их разрешения. Во всех странах СНГ существуют противоречия между государством и обществом, властью и народом, центром и регионами, интересами отдельных олигархических групп и национальными интересами, между отдельными ветвями власти, между конфессиями, этническими группами, между новыми реалиями жизни и прежними стереотипами в сознании и поведении людей в целом.

Философский смысл понятия «противоречие» в условиях осмысления новых реалий общественного развития становится важным инструментом и «ключом» к пониманию сложности новейших особенностей и тенденций развития экономики, межрегиональных отношений, внутренней и внешней политики, их как позитивных, так и негативных проявлений и последствий. В последние годы наблюдается тенденция высокой динамичности противоречивых процессов в межрегиональных отношениях как внутри новых независимых государств, так и в развитых странах, что требует постоянного их изучения, мониторинга и анализа. Э Гидденс указывал: «Надо будет обратить

более пристальное внимание на процесс внутренней регионализации даже самых непротиворечивых из современных государств, а также взаимосвязи этого процесса с теми формами социальной организации и социальных связей, которые выходят за национально-государственные рамки» [1, с.67]. Межрегиональные внутривостановые противоречия в новых независимых государствах представляют реальную угрозу национальной безопасности, наряду с коррупцией, внутривостановыми конфликтами, религиозным экстремизмом, социальным расслоением и этническими конфликтами. Так как межрегиональные противоречия могут быть питательной средой для их проявления.

В свою очередь нестабильность в странах – субъектах международных отношениях в постсоветском пространстве способно создать серьезные угрозы и риски процессам их интеграции. Поэтому в этом аспекте требуются серьезные многосторонние экспертные обсуждения всего комплекса внутривостановых проблем, имеющих, так или иначе, проекцию на межгосударственные связи, и перспективу их развития. Будут ли развиваться позитивные тенденции или напротив устремления негативного порядка.

В этой связи следует признать, что никакие позитивные процессы не могут развиваться в условиях отсутствия внутренней стабильности [2], и становится все более очевидным, что устойчивый и постепенный рост обеспечивают те страны, которые добились существенных успехов в устранении межрегиональных противоречий, межрегиональных диспропорций развития. На протяжении многих лет территориальное развитие оценивалось преимущественно экономическими показателями, такими как ВНП, ВВП на душу населения, индексы промышленного производства и т.д. Однако современное развитие стран и регионов включает в себя, не менее важную, а зачастую более значимую сферу - социальную и социокультурную и соответствующие им индикаторы.

В рамках процесса глобализации для стран СНГ главным является одновременное соблюдение требований интегрирования в мировую экономику, конкурентоспособности на международной арене и обеспечения того, чтобы этот процесс привел к значимым и соразмерным изменениям внутри стран [3]. Достижение целевых задач становится проблематичным без участия в этом процессе каждого региона той или иной страны, поскольку экономика государства в целом зависит от экономики ее административно-территориальных единиц. Глобализация, как интернационализация хозяйственной жизни в целом – достаточно противоречивый процесс, в ходе которого сталкиваются экономические интересы не только разных стран, но и регионов, как в пределах одной страны, так и групп стран и при этом возникают и принимают различные формы противоречия между национальными и интернациональными интересами.

Дальнейшее развитие отношений с Украиной и Кыргызстаном для Казахстана, вызывает необходимость крайне тщательной проработки политического и экономического курсов в региональном масштабе и продвижения новых подходов в целях «контролируемости» обеспечения

национальных интересов и избежание нежелательных последствий, возможных при их достижении.

С нашей точки зрения важнейшим элементом понимания процесса развития межгосударственных отношений необходимо считать тесную привязку изучения двусторонних отношений к исследованию комплекса изменений, происходящих в глобальном масштабе. В контексте этих целеполаганий нами и видится смысл и стимулы, актуализирующие данную проблему.

Объективная тенденция регионализации территориального пространства всегда находится в противоречии с интересами государства, которые в данной системе отношений выступают достаточно субъективным явлением, стремящимся регулировать объективные процессы регионализации. Средством разрешения данного противоречия выступает региональная политика, понимаемая как двухсторонний акт политики государства по отношению к своему государству [4, с. 37].

Межрегиональные противоречия – это, прежде всего расколотое общество, которое не восприимчиво к универсальным правовым нормам, без чего нет полноценного развития и становления демократии. Разделение стран постсоветского пространства на три категории показывает степень зависимости их намерений суверенного socioэкономического развития в условиях глобализационных взаимодействий:

1) страны, которые изначально определили, что они могут вступить в чужой интеграционный проект, не затевая свой, и, таким образом, обеспечить свое будущее (государства Балтии – небольшие страны, находящиеся в западноевропейском ареале)

2) страны, которые могут позволить себе роскошь не определять до конца свою идентичность в данный момент – то ли вступать в чужой проект, то ли создавать свой (Россия, Казахстан, Узбекистан как государства, которые в нынешней ситуации высокой стоимости энергетических ресурсов могут позволить себе пока не определяться в геоэкономическом пространстве);

3) страны, которым необходимо определяться геополитически с вхождением в какой-то модернизационный проект (пример – Украина, которая не может войти в Европу, которая после волны расширения и финансового кризиса просто не готова принять такую большую страну [5].

К третьей группе можно отнести Молдову, Кыргызстан и Таджикистан, как – наиболее бедные страны Содружества с перманентными внутренними конфликтами.

Исходя из выделенной проблематики диссертационного исследования, выбор среди стран СНГ Украины и Кыргызстана сделан по ряду причин:

Во-первых, эти страны имеют исторически сложившееся полярное региональное разделение – по линии «Запад-Восток» (Украина) и по линии «Север-Юг» (Кыргызстан), и, исходя, из этого, имеют разное цивилизационное измерение. Если цивилизационно западные украинцы тяготеют к Европе, восточные – к России, то кыргызы (особенно северные) тяготеют к Казахстану, а узбеки южных регионов страны – к Узбекистану.

Во-вторых, в этих странах существует кланово-региональное деление (в Украине важнейшую роль в политике и бизнесе играют промышленно-олигархические группы), что вносит свою специфику в изучение внутренних межрегиональных противоречий.

В-третьих, географически они располагаются в разных частях огромного пространства СНГ, что вызывает определенный интерес для сравнительного анализа.

В-четвертых, эти два государства имеют определенный «революционный» опыт (да и перманентный потенциал разного рода «революций»), с той большой разницей, что если в Украине «оранжевая революция» прошла бескровно, то «цветные революции» в Кыргызстане отмечены кровавыми трагическими столкновениями.

В-пятых, в обоих государствах происходит пугающе нарастающая тенденция к усилению крайних националистических проявлений и эскалации межэтнической напряженности, что непосредственно отражается на их отношениях с некоторыми странами СНГ, прежде всего с Россией.

В-шестых, по мнению довольно большого числа западных экспертов, оба государства относятся к так называемым «несостоявшимся странам» (failed states). При этом у Кыргызстана – «красный цвет» (критический уровень), он занимает 31 место среди самых нестабильных государств мира, где замыкает, перечень нестабильных стран – Иран (35 место). Положение Украины лучше – «оранжевый цвет» (опасный уровень), но, однако, далеко до хорошего, стабильного уровня.

В-седьмых, на территории обеих стран имеются иностранные военные базы, на Украине – это Севастополь (база ЧВМФ РФ), в Кыргызстане – это, одновременно и российская база (г. Кант), и американская авиабаза (центр транзитных перевозок в аэропорту «Манас»).

В-восьмых, данные государства чрезвычайно важны и играют большую роль в геополитической игре для основных мировых глобальных игроков - России, США, ЕС, Китая, а также региональных - Турции и Ирана.

В-девятых, в этих странах огромное количество населения вынуждено работать за границей, и существует большой процент внутренних мигрантов, что дополнительно обостряет межрегиональные противоречия, при этом оба государства - единственные в СНГ являются членами ВТО.

В-десятых, исторически сложилось так, что в них проживает определенный процент русского населения, что определенным образом влияет на двусторонние отношения с крупнейшим субъектом СНГ.

Гражданам Украины и Кыргызстана сегодня приходится иметь дело не только с общими для всего человечества – глобальными проблемами XXI века, но и с проблемами, перешедшими к ним из исторических глубин. Важнейшей причиной сложных нравственно-психологических, социально-экономических и социокультурных противоречий является растянувшиеся на несколько столетий трудности в создании государственности этих стран, которые провоцировали определенные «перекося» в прошлом развитии и таят в себе потенциал будущих конфликтов.

Актуальность темы исследования также обуславливается потребностью осмысления жизненных задач, которые необходимо решать при формировании государственной внешней и региональной политики на современном этапе. Без осуществления целенаправленной государственной региональной политики противоречия, которые были накоплены в предыдущие годы, будут все больше углубляться. В конечном итоге, они могут трансформироваться в кризисные ситуации, которые не желательны не только для изучаемых государств, но и для всего пространства СНГ. Возможное нарастание нестабильности может отпугивать инвесторов, а без инвестиций невозможно развитие все более глобализирующейся экономики стран, и, как следствие, вероятны новые социально-экономические и межнациональные потрясения, и ухудшения отношений с соседними странами.

Таким образом, важной составляющей изучения историко-демографических и социокультурных проблем становится выделение регионального аспекта, который, представляя специфические черты развития, вместе с тем, дополняет и глубже раскрывает общую картину происходящего.

Анализ научной литературы показывает, что термин «регион», многозначен, и феномен региона приобретает синтезирующие, интеграционные характеристики [6, с. 6-7].

Историко-культурное пространство региона является многофакторной величиной, складывающейся постепенно на определенной территории в условиях конкретного климата и ландшафта. При этом природная среда определяет не только естественные границы региона, его конфигурацию, в значительной мере она определяет основные характеристики регионального социума. Сходные географические условия жизнедеятельности этнокультурных общностей органически создают и сходные предпосылки формирования их социальных качеств [7, с. 55].

Указанные аспекты определяют возникновение объективной, настоятельной необходимости корректирования и углубления существующих взглядов на прослеживаемые в Украине и Кыргызстане процессы в целом, с учетом их тесной взаимосвязи с изменением миросистемы, определения новых закономерностей развития и последствий как можно более широкого комплекса явлений и аспектов эволюционирования межгосударственного взаимодействия с ними. Учитывая, что исследуемая тематика как взаимосвязанный комплекс давно перестала быть чисто академической проблемой, созрела настоятельная необходимость проведения ее системного исследования в том числе, с точки зрения стратегических интересов Казахстана

Вместе с тем, несмотря на наличие существенного числа теоретических разработок, проблема территориальной неконсолидированности некоторых стран постсоветского пространства как проблема региональной безопасности рассматривается ограниченным числом специалистов, что сохраняет актуальность ее изучения.

Цель и задачи исследования. Цель диссертации заключается в комплексном изучении, обобщении, представлении современного состояния и анализе причин межрегиональных противоречий в странах СНГ на примере

Украины и Кыргызстана и их влияния на межгосударственные отношения со странами СНГ.

В рамках поставленной цели определены следующие основные задачи:

- посредством анализа работ, посвященных истории регионов, изданных в досоветский, советский периоды, и в годы независимости проследить и проанализировать историческую динамику формирования факторов межрегиональных противоречий в Украине и Кыргызстане;

- провести анализ социально-экономических и социокультурных процессов регионов с точки зрения прогноза дальнейшего развития и состояния политической ситуации в исследуемых странах в целом;

- изучить основные особенности и тенденции процесса трансформации глобальных отношений в рамках СНГ, выделение ее ключевых характеристик и последствий для Украины и Кыргызстана

- определить источники, факторы и движущие силы современных межрегиональных противоречий стран СНГ на примере Украины и Кыргызстана;

- выяснить, влияют ли межрегиональные противоречия на состояние международных отношений в рамках СНГ;

- провести анализ способов разрешения этноконфессиональных противоречий с учетом накопленного опыта в разных конфликтогенных регионах СНГ;

- выявить наиболее оптимальные направления и форматы взаимодействия на межрегиональном уровне с точки зрения национальных интересов стран;

- определить места и роли Украины и Кыргызстана в складывающейся системе глобального межгосударственного взаимодействия с точки зрения долгосрочных стратегических интересов Республики Казахстан.

Объектом исследования являются межрегиональные противоречия на примере Украины и Кыргызстана в их разнообразных проявлениях, как в исторической динамике, так и на современном этапе развития. При этом межрегиональные противоречия предстают как многофакторные и поливекторные явления, развертывание которых приводит общество к неоднозначным и вероятно детерминированным последствиям.

Предметом исследования являются количественные и качественные изменения межрегиональных противоречий в истории изучаемых государств и на современном этапе, их сущностная специфика и роль как детерминантов развития современных обществ.

Степень изученности проблемы. Тема диссертации относится к междисциплинарным исследованиям. Центральное место в развитии истории, международных отношений и регионоведения на современном этапе заняли междисциплинарные подходы. Планомерный системный анализ отечественной и зарубежной научной литературы показывает, что изучение современных социально-экономических и особенно - социокультурных противоречий на межрегиональном уровне в рассматриваемых нами государствах еще не было предметом специального исследования в Казахстане. При этом историография исследуемой проблемы достаточно разнопланова, что обусловлено различными

теоретико-методологическими подходами и исследовательскими задачами. Многообразие и разнохарактерность подходов к исследованию данной проблемы свидетельствуют об отсутствии общепринятых установок, избираемых исследователями в качестве основания для взаимосвязи причин и характера изучаемой нами проблемы. Многие проблемы межрегиональных противоречий еще не нашли своего отражения ни в нормативных документах, ни в проводимой региональной политике рассматриваемых государств.

Цивилизации, сформированные, в процессе исторического развития не остаются неизменными: они подвержены динамике внутренних процессов, мощному воздействию внешней среды, особенно в условиях глобализации. Теоретико-методологическими основаниями настоящей работы стали труды в области концепции глобалистики, которая включает изучение комплексных географических, климатических, демографических и иных характеристик. Э. Хантингтон среди основных факторов, определяющих цивилизационное и культурное развитие современного общества, рассматривал географические, климатические, биологические, демографические, физиологические и др [8]. О факторах расы и окружающей среды в контексте ретроспективы писал в работе А.Дж. Тойнби [9, с.108-110]. Влияние географического и природного факторов на развитие обществ анализируют Е.А.Анучин, Ю.В.Бромлей, Л.Н.Гумилев, В.Н. Солнцев. Различные аспекты географических факторов исследуют Н.Н. Баранский, А. Геттнер, Я.Г. Машбиц, Н.С. Мироненко, Х. Дарби, Дж. Паттерсон и др. Теории культурной географии посвящены работы М.В. Рагулина, В.Н. Стрелецкий, Р.Ф. Туровский, М. Майкселл, Л. Роунтри и других.

Теоретико-методологический уровень политической регионалистики исследован в трудах В.А. Колосова [10], Н.П. Медведева [11]; А.П. Овчинникова [12]; Р.Ф. Туровского [13]. Этими авторами предпринят поиск концептуальных основ регионалистики с позиций синтеза исходных традиций политической географии, конституционно-правовых исследований, историко-культурного регионоведения. В контексте политологического ракурса теоретические основы анализа разработаны в рамках конкурирующих научных подходов, таких, как институционализм (С. Хантингтон) [14]; бихевиоризм (Ч. Мерриам, Г. Лассуэл); структурно-функциональный подход (Д. Аптер, Ш. Эйзенштадт) [15]; системный анализ (Т. Парсонс) [16]; теория политических изменений Д. Ростоу. Особого теоретического акцента заслуживает неoinституционализм в исследованиях постсоциалистических трансформаций, осуществленных Г.О Доннеллом, Ф. Шмиттером, Т. Карлом. Региональный уровень политического процесса осмыслен в концепциях «многосоставных обществ» А. Лейпхарта [17], где был создан инструментарий анализа территориально расколотых систем. Важной выступает идея континуитета форм государственного устройства по П. Кингу, что разрушает схему «унитарное государство – федерация – конфедерация» и облегчает анализ гибридных форм. Значительный интерес представляют исследования институтов региональной власти. Модели их анализа в русле неoinституционализма предложили Ф. Шарпф, В. Меркель, А. Круассан [18].

Вопросы влияния глобализационных процессов на постсоветские государства исследовали российские ученые Г. Дилигенский, В. Коллонтай, К. Костюк, Назарчук А., М. Чешков, Ю. Яковец. Теоретико-методологические основы политической регионалистики в разрезе политических институтов и политического процесса рассматриваются Н.П. Медведевым. Различные методы регионального анализа представлены в трудах У. Изару [19]. Вопросам региональной диагностики уделено значительное внимание в работах В.Н. Лексина и А.Н. Швецова [20]. Изучение межрегиональной конкуренции и управления конкурентоспособностью региона в современных условиях анализируется в работах О.Н. Вороновой, Ю.В. Савельева.

Вопрос консолидированности государств (в том числе – территориальной) уже в 1990-е годы стал одним из центральных в исследовании безопасности стран Третьего мира в ее национальном и международном измерениях, эта проблема исследуется в работах таких специалистов-международников как Barry Buzan, Mohammed Ayoub и Brian Job. При этом было показано, что слабость одного государства может серьезно влиять на безопасность соседних с ним государств и региона, в котором оно входит, в целом.

Сравнительный анализ тенденций регионального развития России и Украины проводится Р.Ф. Туровским, а общие парадигмы региональной политики Украины исследованы Н.Г. Чумаченко. Проблемы формирования конкурентоспособности региона, его основных экономических противоречий с позиций позитивных и негативных факторов рассматриваются С.В. Дохолян. Изучением социально-экономических проблем и регионов Украины с позиций концептуализма занимаются В.Н. Василенко [21], А.Г. Гранберг, В. Гайдук, Т. Кучеренко, М. Михальченко, Е.Г. Пугачева, В. Семиноженко, К.Н. Соловьяненко, І.З. Сторонянська и других.

Исследовательские работы об Украине, которые правомерно можно отнести к разряду явлений научной историографии появились сравнительно недавно. Придерживаясь хронологического порядка, назовем сборники статей «Украина: вектор перемен» (под ред. Е. Кожокина. Москва, 1997), «Украина и Россия: общества и государства» (под ред. Д. Фурмана. Москва, 1997), совместный российско-германский труд «Национальные истории в советских и постсоветских государствах» (под ред. К. Аймермахера и Г. Бордюгова), монографии Р. Евзерова «Украина: с Россией вместе или врозь?», опубликованной в 2000 году и А. Миллера «Украинский вопрос» в политике властей и русском общественном мнении (вторая половина XIX века), опубликованная также в 2000 году.

В новейшей украинской историографии стала формироваться «новая» концепция истории Украины, основные положения которой, впрочем, были разработаны в трудах крупнейших украинских историков конца XIX – начала XX веков Н. Костомарова, М. Драгоманова, Д. Дорошенко и, в первую очередь, - М. Грушевского (Грушевский М.С. Очерк истории украинского народа. – Киев, 1911. 3-е изд; Грушевский М.С. История України-Русі: в 11 т., 12 кн./ Редкол: П.С. Сохань (голова) та ін. – Київ: Наукова Думка, 1991; Грушевский М.С. Хто такі українці і чого вони хочуть. Київ, 1992).

Исторические труды М.С. Грушевского, политически заостренные исторические теории М. Драгоманова, С. Подолинского, В. Липинского, В. Винниченко, идеи И. Франко, О. Терлецкого стали исходной историко-философской базой, на которой стала создаваться национальная история Украины после провозглашения ее независимости. В основу была положена идея культурной и исторической самобытности украинского народа. В том же, что касается украинской государственности, обоснованием которой многие украинские историки занимаются в первую очередь и спустя 20 лет после обретения независимости, то научная объективность и методологическая состоятельность нередко приносятся в жертву патриотическому чувству.

В середине 90-х годов XX века российский политолог Е. Морозов предложил любопытную теорию, которую сегодня вполне можно приложить к объяснению конфликта, так называемых «Двух Украин». Согласно его концепции лидирующая роль в развитии большой «русской цивилизации» принадлежала в разное время различным субэтническим группам [22]. В 1997 году крымский исследователь В.А. Темненко предложил положить в основу «естественной регионализации» Украины так называемый «языковой индекс украинцев, то есть, процент украинцев, считающих украинский язык родным» [23]. Канадский историк украинского происхождения Орест Субтельный считает, что история Украины – это история безгосударственной нации, Украина почти никогда не имела государственности. При этом влияние внешних факторов на Украину всегда было существенным. Все, что происходило в Украине, так или иначе, зависело от Польши, Австро-Венгрии, России или Турции [24].

Нельзя обойти стороной исследования видного американского геополитика С. Хантингтона, которые представляются объективными и научными. Составляя картину мира, С. Хантингтон предложил популярную теорию о «столкновении цивилизаций», доказывая, что все локальные и мировые конфликты проходят по «линиям цивилизационного разлома», что является закономерностью. При анализе положения на постсоветском пространстве американский ученый уделяет большое внимание российско-украинским отношениям, указывая, что Украина является вековым полем противостояния между Западом и славянством, и западный регион Украины всегда использовался как инструмент раскола и подчинения [25].

Американский советолог японского происхождения Гироаки Куромия полагает, что украинский национализм пришел из западной Украины и стал мощным дезинтегрирующим компонентом в истории современной Украины [26].

Вопросами социально-экономического развития и прогнозирования Украины занимается академик НАН Украины, директор Института экономического прогнозирования НАН Украины Валерий Геец. Он полагает, что Украине необходимо вести здравую, взвешенную политику в отношении ЕС и России, так как исторически сложилось, что разные регионы Украины тяготеют или к Европе, или к России. И граждане страны «расколоты» этим выбором [27].

Усилиями исследователей-международников, историков, политологов, регионоведов за 1990-е – 2000-е годы вокруг проблематики международно-политических процессов в Центральной Азии сформировалось обширное и многослойное поле научной литературы. Прежде всего, обращают на себя очерковедческие труды, в которых дается общий обзор международных отношений в регионе, анализируется внешняя политика Центрально-азиатских государств, выявляются основные игроки региональной политики.

С середины 1990-х годов получает широкое распространение тезис о превращении Центральной Азии в арену стратегического соперничества и экономической конкуренции внерегиональных государств [28]. Среди обобщающих трудов западных исследователей постсоветского пространства выделяются работы М. Олкотт, попытавшейся в монографиях, изданных в 1997 и 2005 годах, свести в единую картину внутривнутриполитические и социально-экономические трансформации, переживаемые Центрально-азиатскими государствами и региональный «срез» международно-политической динамики [29].

В трудах ученых Кыргызстана даются методологические и эмпирические подходы к изучению проблем региональных поселений, бедности, качества жизни, народонаселения, предпринимательства, среднего класса, регионального неравенства в образовании, социальной структуры, приватизации, культуры, миграции, общественного развития и социальных сдвигов. В этом ракурсе необходимо отметить труды: К.И. Исаева [30], А.Б. Элебаевой [31], А.Х. Бугазова [32], Т.Ж. Эркинбекова [33].

Серьезное исследование о проблемах Центральной Азии проделано авторским коллективом КИСИ под редакцией Б.К. Султанова. Эта монография вышла в свет в 2010 году. В работе показано, что Центральная Азия неуклонно превращается в зону распространения терроризма, религиозного экстремизма и наркотрафика, приобретших в регионе долгосрочный характер. Причины этого, по мнению авторов монографии, заключаются в незавершенности политического процесса реформирования и сложной социально-экономической ситуации в странах региона, с одной стороны, и географическом соседстве с зонами нестабильности, латентных и локальных конфликтов (Афганистан, Пакистан, Кавказ, Синьцзянский и Тибетский регионы Китая) – с другой.

В числе российских подходов, призванных воссоздать целостную картину происходящих событий в Центральной Азии, обращают на себя внимание исследования О.В. Зотова, А.А. Казанцева, Е.М. Кузьминой, С.А. Панарина, А.И. Фурсова и др. Российские авторы подробно описывают исторический контекст развития Центральной Азии и предпринимают попытки экстраполировать исторические данные на современные реалии в этом регионе, особенно в сфере безопасности.

Казахстанские исследователи У.Касенов и К.Токаев рассматривали сходные процессы применительно к региональной специфике Центральной Азии, учитывая факторы национальной безопасности и внешней политики. Вопросы геополитики, национальной безопасности и международных отношений исследует казахстанский ученый М. Шайхутдинов. Председатель

Национальной комиссии по вопросам демократии и гражданского общества при президенте РК, секретарь Совета безопасности РК Б. Утемуратов считает, что в Украине и Кыргызстане происходят сложные внутривластные процессы, которые сопровождаются жесткой борьбой за власть между различными политическими силами [34].

Вопросами противоречий в Кыргызской истории занимается политолог А. Князев [35], который считает, что этноцентричность в трактовании и преподавании истории Киргизии является по большому счету результатом соглашательной, непринципиальной позиции научного сообщества. Заслуживает внимания работа Г.Б. Акказиевой [36], в которой автор рассматривает состояние и тенденции развития политического сотрудничества элит в процессе становления единой политической элиты.

Динамика социального развития в прошлом веке привела к востребованности конфликтологической объяснительной парадигмы, и со второй половины 50-х и в 60-х годах XX века в социогуманитарных науках предпринимаются попытки разработки общей теории конфликта. Методологические подходы К. Боулдинга, Р. Дарендорфа, М. Дойча, Л. Козера, Д. Локвуда становятся базовыми для исследования природы этнических конфликтов. Труды Г. Кона, Д. Кэмпбелла, М. Бентона и др., где этноконфликты рассматриваются как самостоятельный предмет научного анализа, а также работы Э. Геллнера и Д. Хоровица становятся основополагающими для формирования этноконфликтологического направления научного знания в странах СНГ. Теоретические и эмпирические основы конфликтологии представленные в фундаментальных исследованиях А.Г. Здравомыслова, В.А. Тишкова, Э.В. Крыловой, помогают лучше понять специфику регионального взаимодействия, изучить систему факторов риска угроз внутренней нестабильности и утраты суверенной идентичности в условиях глобализации, лучше понять важность внутри и межстрановых интеграционных взаимодействий.

Значительный вклад в разработку концепции интеграции постсоветских государств внесли исследователи стран СНГ: Исингарин Н.К., Лаумулин М.Т., С. Акимбеков (Казахстан); Макагон Ю.В., Орехова Т. В., Парахонский Б.О., Ковалко О., Витренко Ю. (Украина); Хачиев Г., Файзуллаев Дж. (Узбекистан); Нармания Д. (Грузия); Кудабаев З. (Кыргызстан); Назим Музаффарли (Азербайджан); Манасерян Т., Теванян А. (Армения); Горбач Б., Шевцов Ю., Шумский Н.Н. (Беларусь); Язмуратов А.П. (Туркменистан) и др.

Источниковая база исследования. Для решения поставленных задач в диссертационной работе был привлечен широкий круг источников, которые можно классифицировать по следующим группам:

Первую группу источников составляют документы законодательного, нормативно-правового характера. Прежде всего, это конституции Украины [37], Кыргызской Республики [38], Указы и Постановления правительств Украины [39] и Кыргызстана [40], Законодательные акты Украины [41], Законодательные акты Кыргызской Республики [42]. К этой же группе источников отнесены нормативно-правовые акты, обуславливающие механизм

взаимодействия и сотрудничества на межрегиональном уровне, программные документы стран, обозначающие приоритеты развития страны, такие как Комплексная основа развития Кыргызской Республики на период до 2010 года [43], Стратегия развития Кыргызской Республики на 2007-2010 годы [44], Стратегия преодоления угроз национальной безопасности Украины в начале XXI века [45] и др.

Вторую группу источников, как важный корпус, составляют архивные материалы, которые содержат богатый фактологический материал по истории, социально-экономическому и культурному развитию рассматриваемых стран.

Третья группа источников представлена дипломатическими документами, межгосударственными соглашениями и договорами, а также стратегическими документами международных организаций, обозначающих основные направления предоставления помощи на ближайшие годы. Среди таких документов: Стратегии помощи и Стратегии партнерства Всемирного банка для Казахстана, Кыргызстана и Таджикистана [46], Региональный стратегический документ ЕС для Центральной Азии 2007-2010 годы [47], и Региональные стратегии оказания помощи ЕС в Центральной Азии [48]. Рамочные программы сотрудничества ПРООН и Страновые программы в Кыргызстане [49]. Совместная стратегия ЕС относительно Украины [50]. Данная группа документов является договорно-правовой базой межгосударственного сотрудничества и деятельности международных организаций в регионах, а также предоставляет информацию о приоритетах их деятельности.

Следующую, четвертую, группу источников составляют официальные речи, выступления, интервью глав государств, премьер-министров, официальных лиц, ведущих государственных деятелей, общественных деятелей, представителей международных организаций, раскрывающие приоритетные направления сотрудничества, актуализирующие значимость и указывающие на существующие проблемы в оказании содействия развитию международным сообществом.

Отдельная пятая группа источников представлена статистическими материалами, данными о социально-экономическом положении в изучаемых странах, которые позволили проанализировать как деятельность СНГ в целом, так и отдельных стран-участников, в том числе - Украины и Кыргызстана с позиций представления факторов их развития.

К шестой группе относятся материалы журналов по международным отношениям и мировой экономики, такие как «Analytic» (издаваемый в КИСИ), «Международные процессы», «Журнал международного права и международных отношений», «Мировая экономика и международные отношения», «Дипломатическая служба», «Стратегическое обозрение».

К седьмой группе относятся материалы периодической печати Казахстана, России, Украины, Кыргызстана и стран дальнего зарубежья за исследуемый период, информационные материалы о состоянии и перспективах развития СНГ. В частности, это такие казахстанские издания, как «Казахстанская правда», «Панорама», «Континент», «Экспресс К», «Литер», российские издания, как «Аргументы и Факты», «Российская газета», «Независимая

газета», «Коммерсантъ», «Комсомольская правда», «Общая газета», «Известия», «Петербургский международник», украинские издания, как «Газета по-украински», «День», «Инвестгазета», «Голос Украины», «Сегодня», «Газета Выборчей», «Столичные новости», «Крымская правда», «Украина молода», «Киевские ведомости», «Днепровская правда», такие кыргызские информационные ресурсы как «Аналитика», «Эркинтоо» «Лица», «Вечерний Бишкек», «Новости-kg», «Кабар» и др. В работу активно вовлекались материалы западных средств массовой информации и западной публицистики. Таких, например, известных изданий как «Financial Times», «Independent», «International Herald Tribune», «The Times», «The Christian Science Monitor», «The New York Times», «The Economist» «La Stampa» и др.

Помимо этого большое внимание уделялось зарубежным журналам по международным отношениям, таким как «Foreign Policy in focus», «Foreign Affairs», «Foreign Policy», «International Organisation», «International studies perspectives», «Past&Present», «Центральная Азия и Кавказ» и др.

Теоретико-методологической основой исследования является система классических и неклассических подходов и методов изучения, в частности диалектический подход к анализу явлений и процессов их детерминированности в природе и обществе, так и исторический, и структурно-функциональный анализ. Изучение общества как динамической структуры связано также с комплексным использованием важнейших методологических подходов современной социальной философии понимания общества как социальной системы и толкование его на основе социального действия. Современные взгляды на построение демократического государства и основами гражданского общества, положения о возрождении духовных ценностей и исторической памяти в исследуемых государствах послужили теоретической основой для исследования.

В исследовании проблемы диссертант опирается на такие общеметодологические принципы, имеющие философское основание, как принцип развития, принцип всеобщей связи, принцип противоречия, принцип детерминизма, принцип всесторонности.

Специфика и многоаспектность объекта исследования обусловили применение междисциплинарного подхода, в частности, использование подходов и методов социальной истории, культурологи, этнологии, исторической антропологии. Одной из особенностей современной новой социальной и культурной истории является практика микроанализа. Его специфика заключается в изучении отдельных ситуаций, явлений, отказ от исследования длительных социокультурных процессов и поиска единых механизмов социального прогресса, а также осторожное отношение к идеи неизбежного прогресса. Микроанализ позволил рассмотреть образование локальных сообществ земледельческих и степных этносов.

Диссертационное исследование выполнено в рамках парадигмы регионалистики. Особенность ракурса и сложность заявленной проблемы потребовали применения общенаучных **методов и подходов**, в том числе: исторического, ретроспективного взгляда на проблемы регионализма; методов

описания и анализа действий конкретных международных акторов, метода экономико-географического исследования, метода сравнительного анализа, проблемно-хронологического метода, метода экспертных оценок, контент-анализа доступных документов и материалов, инвент-анализа событийных данных, метода построения прогнозного сценария, перспективного метода, мониторинга общественно-политической ситуации для определения социального самочувствия жителей регионов, измерения их реакции на решения властей для выявления текущих предпочтений, мнений и оценочных суждений по актуальным вопросам и др.

Логика применения системно-структурного и структурно-функционального анализа связана с необходимостью учета того, что эволюция межгосударственных отношений Украины и Кыргызстана в условиях становления нового мирового порядка обусловлено факторами, находящимися в различных сферах межгосударственного и общественного взаимодействия, изменения в данных сферах находятся в тесной взаимосвязи.

Сравнительный метод представляет возможность проследить развитие проблемных моментов, наряду со стратегическими интересами вовлеченных международных субъектов, что позволяет более полно определить общие тенденции, и, в частности, консолидировать возможные варианты развития обстановки. В диссертационном исследовании автором были использованы прогностические методы с целью определения общих контуров перспектив развития отношений Украины и Кыргызстана в рамках СНГ.

Научная новизна исследования состоит в комплексном подходе к определению межрегиональных противоречий и обоснованию существующих направлений политики государств по сглаживанию межрегиональной асимметрии социально-экономического и социокультурного развития регионов и показывает, что:

- придерживаясь атрибутики дисциплины «Международные отношения», происходит углубление в историко-генетические горизонты, социально-экономические и социокультурные мотивы прошлого, усматривая в них во многом деструктивные проекции на современные реалии;

- на базе основополагающих принципов исторической науки исследуется динамика появления и становления межрегиональных противоречий в Украине и Кыргызстане в рамках глубокой исторической ретроспективе, где диапазон формировавших их предпосылок предельно расширен, а также в современном развитии;

- исследуется экономическая составляющая генезиса территориального позиционирования западных, центральных и восточных областей Украины, и южных и северных регионов Кыргызстана в последовательной исторической динамике, а не на каком-то отдельно взятом временном срезе;

- явления так называемой «ползучей», то есть подавленной и моментной (скоротечной) пауперизации и маргинализации в регионах Украины и, особенно, Кыргызстана, в казахстанской научной литературе отдельно не исследовался;

- факторы, определяющие социокультурную асимметрию по линии «Восток-Центр-Запад» (Украина) и «Юг-Север» (Кыргызстан), а именно – несовпадение процессов интернационализации общественной жизни, слабая интенсивность урбанизации и, наоборот, нарастающая рурализация городов в депрессивных регионах Украины и Кыргызстана впервые в нашей литературе исследуется специально;

- хотя глубинные предпосылки массового экстремизма, ксенофобии, вульгарного этницизма, регионального местничества и квазитрайбализма, религиозного этноцентризма и так далее получали освещение в казахстанской аналитике в том или ином контексте. Однако впервые они рассматриваются в контексте их влияния на двусторонние связи и, в целом, на международные отношения в СНГ;

- исторические корни межрегиональных противоречий, точнее даже будет сказать, их «корневая система» (т.е. такие факторы, как геоэкономические, хозяйственно-культурные, социально-экономические, общественно-политические, социокультурные, собственно, исторические и прочие) впервые получают в работе специально монографическое исследование;

- влияние межрегиональных противоречий в Украине и Кыргызстане на ситуативное развитие в СНГ, в плане достижения здесь стабильности и гражданского мира, как императивных условий социально-экономической, общественно-политической и социокультурной модернизации большей части постсоветского пространства исследовалось подчас фрагментарно и узко контекстуально. В диссертационном исследовании эта проблема рассматривается более глубоко и системно;

- прослежена взаимосвязь общего ухудшения в странах (на примере изучаемых государств) с обострением межрегиональных противоречий;

- доказано, что несмотря на многие исторические, институциональные, геополитические, социокультурные различия, межрегиональные противоречия в Украине и Кыргызстане имеют схожие процессы. Общество в этих государствах СНГ не консолидировано, и не готово ни к формированию единой национально-украинской, национально-кыргызстанской идентичности, ни к стабилизации внутривосточных диспропорций.

Теоретическая и практическая значимость диссертационного исследования обусловлена главным образом реальной степенью приращения исторических знаний по вопросам зарождения и развития межрегиональных противоречий на постсоветском пространстве и заключается в том, что его основные выводы могут быть использованы органами государственной власти, негосударственными учреждениями и международными организациями для диагностики и анализа противоречивых процессов, происходящих в изучаемых странах СНГ. Для разработки системы предупреждающих мер и алгоритмов соответствующего реагирования для предотвращения рисков нестабильности регионального развития самими государствами и центрами сил в регионе.

Исследование межрегиональных противоречий и способов их разрешения имеет научно-практическое значение в социально-политическом, социально-экономическом, социокультурном взаимодействии не только регионов, но

также и во взаимодействии стран Содружества. Анализ факторов, влияющих на противоречия регионального развития, позволяет лучше понять суть происходящих событий и избавиться от стереотипов и мифов, выстраивать эффективную политику управления, расширять сферы межгосударственного сотрудничества и способствовать интеграционному процессу.

Разработанные в исследовании концептуальные подходы к разрешению межрегиональных противоречий имеют не только теоретическое, но и практическое значение для государств-участников Содружества. Материалы диссертации позволяют разрабатывать прогнозные оценки в отношении функционирования не только различных регионов государств СНГ, но и всего Содружества в целом.

Фактологические данные, теоретические обобщения могут использоваться в разработке содержания учебных и методических пособий по истории, регионоведению, международным отношениям, политологии.

Основные положения, выносимые на защиту

- современный этап развития СНГ предполагает рассмотрение этой организации как процесса двухуровневой интеграции: внутрирегиональной и межгосударственной;

- сопоставительный анализ работ исследователей досоветского, советского и периода независимости указывает на комплекс объективных предпосылок эффективной региональной интеграции, которая предопределена географической, историко-цивилизационной и социокультурной общностью регионов изучаемых стран, однако при всем при этом в настоящее время происходит очевидная тенденция усиления межрегиональных противоречий и диспропорций в их развитии;

- место Украины и Кыргызстана в мировом геополитическом контексте детерминируются их географическими, политическими, социальными, культурными особенностями и показывает, что в глобальном развитии статус этих стран будет предопределяться успешностью участия в международных интеграционных процессах только при условии разрешения межрегиональных противоречий;

- региональная и глобальная социокультурная интеграция Украины и Кыргызстана на современном этапе непосредственно связаны с участием государств в международных тенденциях социально-экономического развития, в частности, в массовой трудовой миграции населения за пределы республик, являющейся одним из важнейших элементов развития экономики данных стран, что предъявляет определенные требования к культурно-образовательным характеристикам и профессиональному уровню населения;

- отсутствие должного внимания руководства этих стран к насущным нуждам населения разных регионов, привело к глубокой депрессии базовых отраслей хозяйственной деятельности, что явилось причиной существенного обострения социально-экономической и социально-культурной ситуации в регионах. Межрегиональная диспропорция усугубилась. Данное обстоятельство актуализирует проблему учета внутренних и внешних факторов,

воздействующих на нестабильность в регионах изучаемых государств, и обостряющих вопросы национальной безопасности;

- анализ условий и выявление факторов регионального развития Украины и Кыргызстана на современном этапе показывает на необходимость вовлечения экономик этих стран в интеграционные проекты, в первую очередь – с новыми независимыми государствами, появившимися после распада СССР, так как такая интеграция учитывает исторические, социокультурные, экономические предпосылки предыдущего этапа развития и наиболее соответствует логике суверенизации в условиях глобализационных трансформаций;

- Казахстан, как один из инициаторов ЕврАзЭС и Евразийского Союза не может оставаться здесь только абстрактным созерцателем.

Апробация результатов исследования. Основные материалы исследования нашли отражение в публикациях в научных изданиях профильного характера, а также докладывались и обсуждались на международных, республиканских конференциях, форумах и круглых столах.

Структура и объем диссертационного исследования. Диссертация состоит из введения, трех разделов, заключения и списка использованных источников. Общий объем работы – 185 страниц.

1 ИСТОРИЧЕСКАЯ ДИНАМИКА ФОРМИРОВАНИЯ ФАКТОРОВ РЕГИОНАЛЬНЫХ ПРОТИВОРЕЧИЙ

1.1 Геоэкономические факторы формирования региональных противоречий

Многоликая и уникальная природа мира существенно повлияла на становление и развитие мировых цивилизаций, формирование различных геокультур. Базисным стало положение цивилизационной концепции о роли природного фактора в развитии социокультурных (цивилизационных) систем, согласно которым пространство, определенную экологическую нишу как детерминационный фактор цивилизационного развития нельзя сбрасывать со счетов. Природный фактор выступает здесь детерминирующим началом [51, с.69], подкрепляет единство пространства единством политико-государственной системы, которая его занимает. Специфика монолитного евразийского пространства заключена в отсутствии внутренних природных границ, в удаленности многих государств от морских коммуникационных путей, большой протяженности континентального пространства и суровости климатических условий. В работе Ю.В. Бромлея показано, что влияние географического фактора на культуру, цивилизацию, политику, несомненно, а идея преимущественной зависимости хозяйственно-культурной дифференциации земледельческих и скотоводческих обществ от физико-географических условий, ослабевающей по мере развития городов и промышленности, была высказана давно. Ретроспективное обращение данной идеи показывает нарастание зависимости человеческих обществ от природных условий на стадии доиндустриального развития. В данный период постепенно складывался субстрат региона – первичные отношения экономического характера, обусловленные сменой природных зон, на которые «наслаивались» все последующие пространственные структуры, созданные деятельностью последующих обществ [52, с.51].

Генезис формирования социокультурного механизма освоения людьми природного энергетического потенциала описывал Л. Гумилев: «К использованию ресурсов ландшафта надо приспособиться, а для этого требуется время, и немалое. Адаптация идет поколениями, постепенно поколениями усваивается и воспроизводится набор традиций, необходимых для благополучного существования людей в условиях этого ландшафта» [53, с.77]. В евразийском ландшафтном пространстве возникли и существуют Украина и Кыргызстан, историко-политическое развитие которых в прошлом столетии было связано в основном с советским периодом и в последние два десятилетия – с независимым развитием как самостоятельных государств.

Украина – государство в Восточной Европе, которое на юге омывается Черным и Азовским морями, на востоке, северо-востоке и севере граничит с Россией, на севере – с Белоруссией, на западе – с Польшей, Словакией и Венгрией, на юго-западе – с Румынией и Молдавией (включая непризнанную республику Приднестровье). Протяженность территории Украины составляет 1316 км с запада на восток и 893 км с севера на юг. Общая площадь Украины –

603,7 тыс. км², что составляет 5,7% территории Европы и 0,44% территории мира. Так как Украина – самое протяженное государство Европы, то и «фактор географии» играет своеобразную роль индикатора, определяющего социальное развитие через конфликт Севера и Юга, Запада и Востока. С географическим положением Украины связано разнообразие естественных условий и природных ресурсов, а также условия хозяйственной деятельности [54, с.15-16]. Украина характеризуется преимущественно равнинным рельефом, высококачественными грунтами, в частности черноземами (разновидности черноземов занимают 68% всех пахотных земель, в том числе самые плодородные черноземы – 46%) и относится к числу стран наиболее обеспеченных черноземами, а, следовательно, качественными земельными ресурсами. Почва представляет собой основной источник продовольствия, обеспечивающий 95-97% продовольственных ресурсов для населения [55, с. 12-14], и не случайно В. Докучаев определил почву как самостоятельное естественноисторическое тело, «продукт совокупной деятельности» пород, климата, растительных и животных организмов, возраста и рельефа местности [56, с.11].

В пределах Украины находятся относительно невысокие и доступные горные массивы Украинских Карпат и Крыма, много полноводных и судоходных рек, а также около 73 тысяч малых рек и речек, около 20 тысяч озер [57, с. 47]. Значительными являются запасы пресных, поверхностных и подземных вод. Территория Украины расположена в умеренном поясе Северного полушария, что определяет главные свойства ее физико-географических условий и, прежде всего, сравнительно теплый умеренно-континентальный климат [58, с.85-90]. Почти 95% территории страны – равнины, 5% – горы. Равнинный ландшафт страны делится на три пояса: смешанные леса, лесостепь и степь, которые расположены в двух климатических зонах: умеренные широты и субтропики средиземноморского типа (южный берег Крыма). Климат горных районов специфичен в силу их вертикальной расчлененности, наличия склонов разной крутизны, местных атмосферных циркуляций.

В масштабах Украины выделяются четыре агроклиматические зоны, постепенно переходящие одна в другую. В северо-западной части расположена теплая зона с достаточной увлажненностью. На юго-восток от нее протягивается теплая зона со средней увлажненностью. Далее в юго-восточном направлении находится очень теплая засушливая зона, а вся южная часть страны размещена в умеренно жаркой засушливой зоне [58, с.93-95]. Географические условия Украины характеризуются умеренным мягким климатом, равнинным рельефом, высококачественными почвами (черноземы), достаточными водными ресурсами и атмосферными осадками. Данные благоприятные агроклиматические условия, выражающиеся в оптимальном сочетании тепла и влаги, исторически способствовали развитию земледельческого хозяйства на территории страны.

Кыргызстан - государство на северо-востоке Средней Азии, главным образом в пределах западной и центральной части Тянь-Шаня. Граничит на

севере с Казахстаном, на западе – с Узбекистаном, на юго-западе – с Таджикистаном, на юго-востоке и востоке – с Китаем. Кыргызстан расположен в центре Евразийского континента, вдали от океанов и морей, в окружении обширных пустынь и обладает чрезвычайным разнообразием природных условий. Это обстоятельство и расположение на стыке контрастных биогеографических провинций (Джунгарской, Афгано-Туркестанской, Памиро-Алайской, Кашгарской) обусловили сложность его структуры [59, с.31-33]. Кыргызстан – высокогорная страна. Почти 90% ее территории лежит выше 1500 м над уровнем моря, средняя высота 2750 м, наибольшая – 7439 м (пик Победы), самая низкая 401 м (Лейлекский район). В семи самых больших речных бассейнах располагается более 28000 рек и истоков, 90% которых имеют длину 10 км. Насчитывается более 2000 озер и искусственных водохранилищ. При этом озера занимают 3,4% территории страны, 90% из них являются высокогорными запрудами и закрытыми озерами. Наибольшее количество осадков появляется в основном в горах, на склонах Ферганской долины в виде снега, с максимальным уровнем 1000 мм. Уровень осадков в Таласской области колеблется в пределах от 250 мм до 500 мм, на озере Иссык-Куль – от 200 мм на западе до 600 мм на востоке. Дождь и снег выпадают обычно осенью, зимой и весной, иногда снег может выпадать и в мае [60, с.38]. Кыргызстан – один из крупнейших регионов оледенения. Ледники Тянь-Шаня являются не только элементом ландшафта, но и значительными аккумуляторами влаги. Запасы пресной воды, законсервированные в горных ледниках, оцениваются в 650 млрд. куб. м, что более чем в 12 раз превышает ресурсы стока рек республики.

Представление о ценности территории Кыргызстана с точки зрения биологического разнообразия, дает сопоставление ее с мировыми показателями. На сравнительно небольшой территории – 0,13% площади суши планеты – представлены практически все систематические группы высших и низших растений [61, с.172-200.]. На территории страны сформировались пустыни и полупустыни, степи и полустепи, лугостепи, луга и леса, высокогорные пустоши. Распространение их по территории республики подчиняется закону высотной поясности. Пустынные и полупустынные участки можно встретить почти в каждой долине и котловине (Ферганская, Чуйская, Таласская долины). Таким образом, географические и климатические условия Кыргызстана характеризуются большим разнообразием природных условий. Из-за различия агроклиматических условий на севере и юге исторически сложились два основных типа хозяйственной деятельности человека – скотоводство и земледелие (как правило, орошаемое).

1.2 Историко-социальные и политические факторы формирования региональных противоречий

В 50-е годы XX века этнографы М.Г. Левин и Н.М. Чебоксаров ввели понятие «хозяйственно-культурный тип» как комплекс особенностей хозяйства и культуры, складывающийся у различных народов, находящихся на одном уровне социально-экономического развития и в сходных естественно-

географических условиях [62, с.95]. Как писал немецкий философ В. Шубарт (1897-1942), экстенсивная или интенсивная ориентированность общества, его тип хозяйствования определяются, прежде всего, природно-климатическими условиями территории проживания этноса. Он называл эти условия духом ландшафта или земли. «Из духа земли вырастает душа народа. Этот дух определяет его постоянные национальные качества» [63, с.19, 21]. Непосредственно действующим на становление и развитие государственности является природно-этнический фактор. «Для любого народа, - отмечает Л. Гумилев, - крайне важны связи с родным ландшафтом, который определяет систему хозяйства. Если же ландшафт изменяется радикально, то радикально меняется и этнос [64, с.99-101]. Хозяйственно-культурные типы подчинены законам действия и развития времени и пространства. Данный процесс можно назвать «хозяйственно-культурной конвергенцией» (сращивание, систематизация). Чем сложнее структура хозяйственно-культурного типа, тем меньше ее зависимость от климата и ландшафта. В этнографии хозяйственная деятельность народа – этноса является началом начал, так как от ее характера зависит формирование всех сторон культуры и социальной жизни [65, с.87-99].

С развитием пашенного земледелия и скотоводства произошло второе крупное разделение труда, в самостоятельную хозяйственную отрасль выделилось ремесло. По мере развития классового общества, которое могло возникнуть только на основе хозяйственной деятельности, дающей прибавочный продукт – материальную основу имущественного и затем классового неравенства, - выделились торговля (купечество), а в эпоху капитализма – промышленное производство [66, с.98].

Для классификации народов по хозяйственно-культурным типам можно воспользоваться данными, изложенными в работах Н.Н. Чебоксарова и И.А. Чебоксаровой [67, с.95]. Животноводство развивалось либо в связи с ручным земледелием, либо при сохранении видов хозяйства первого типа. Обособление животноводства от земледелия и превращение его в основную отрасль, т.е. выделение на этнической карте мира пастушеских племен, стало возможным при одомашнивании не только крупного рогатого скота, но и лошади, верблюда [68, с. 85]. Такое событие, положившее начало первому крупному разделению труда, могло произойти лишь в тех зонах, где первоначально обитали дикие предки этих животных и где были необходимые условия для содержания значительного поголовья стада [69, с. 73]. Кочевники – люди, добывающие себе пропитание за счет подвижного скотоводства и передвигающиеся вместе со скотом с пастбища на пастбище семьями, родами, племенами, словом, всем народом или большей его частью [70, с. 33-39]. Кочевой тип хозяйства складывается в условиях резко-континентального климата, слабой обеспеченности атмосферными осадками (до 200 мм в год) и другими водными ресурсами. Такие территории называют аридными зонами [71, с.55]. Чтобы кочевой образ жизни состоялся, необходим ряд условий. Во-первых, большие или более-менее безлесные пространства. Во-вторых, отсутствие постоянного покрова или чтобы его толщина составляла не более 40 см. В-третьих, наличие по соседству более или менее оседлых поселений [72, с.37]. Особенность

кочевничества заключается в непрерывном обозрении – освоении социализированного мирового пространства через призму неподвижности социального времени. Это пространственно-временное соотношение было обусловлено принципом природопользования, выраженного в пастбищеобороте, который, в свою очередь, обусловил кочевой образ жизни. Кочевники тысячелетия почти ничего не меняли, ни в укладе жизни, ни в языке, ни в культуре, за исключением социализированного пространства биосферы. Скотоводческие объединения исходно менее устойчивы, нежели земледельческие. Развитое скотоводство требует постоянного передвижения скота на новые пастбища. Поэтому у кочевников слабо оформляются центры объединений и ремесел. Да и само ремесло ограничено нуждами скромного быта, приспособленного для перемещений, а также – потребностям ведения войн, изготовления оружия. Частная собственность на землю является антиподом кочевой модели использования пастбищ. Они принадлежат общине, а не конкретному лицу.

Как указывает Е.И. Кычанов, рост кочевой экономики не мог идти по пути интенсификации и концентрации, вел к «перевыпасу» - увеличению нагрузки на пастбища, ведущему к снижению урожайности травостоя. Кочевой тип хозяйствования не мог быть беспредельно экстенсивным – в целом он был весьма ограничен в передвижениях и различного рода перекочевках и базировался, прежде всего, на разумном использовании продуктивных качеств различных видов скота [73, с.283-286]. Возникновение земледелия связано с неолитической революцией, представляющей собой переход от присваивающего хозяйства к производящему (земледелие и животноводство).

Термин «неолитическая революция» был введен английским исследователем Г. Чайльдом в 30-х годах XX века для характеристики процесса перехода от присваивающей экономики к производящей [74, с.57]. Этот термин употребляется многими историками. Академик Б.А. Рыбаков в 1968 г. отмечал огромные изменения в развитии человеческого общества, вызванные неолитической революцией [75, с.54-62].

Исторически наиболее распространенным хозяйственно-культурным типом на Украине является – земледелие. Земледелие в Украине зародилось в междуречье Буга и Днестра, в Северном Прикарпатье и на юге Волыни [76, с.73]. На территории Украины в VI-III тысячелетии была распространена трипольская культура – неолитическая археологическая культура, расположенная в Дунайско-Днепровском междуречье. Она также присутствовала и на территории современной Молдавии, в восточной Румынии (поселение Кукутень), а также в Венгрии [77, с.80].

Ряд современных украинских историков, таких как Відейко М.Ю., Черняков Н.К. [78, с.48-49] и другие, являются сторонниками культурной и генетической преемственности между населением Трипольской культуры и современными украинцами. Подобные взгляды часто подвергаются критике. Исследователь Украины О.С. Стражний пишет: «В ранних исторических периодах все объявляется украинским – начиная от триполья и до Киевской Руси. К примеру, что Киевскую Русь создали украинцы» [79, с.79-80].

Орошаемое земледелие в южных районах Украины имеет свою большую и еще не полностью уточненную историю. Принято считать, что отдельные очаги орошения были заложены в Крыму во время владычества здесь гетуэцев в XIII-XIV веках н.э. Вероятно, что оно проникло сюда раньше, вслед за культурой винограда, возделываемого еще в греческих колониях крымского побережья – Херсонесе, Феодосии, Пантикапее (VII – II вв. до н.э.) [80, с.97]. Археолог А.И. Тереножкин указывает на то, что к западу от Днепра в I тысячелетии до н.э. селились земледельцы, которых греческие авторы именовали скифами-пахарями, не будучи в силах отличить скотоводов-скифов от родственных им земледельцев – славян. Культура пахарей-славян называется в литературе скифообразной славянской культурой. Этот ученый относит уже сложившуюся славянскую культуру к началу I тысячелетия до н.э. [81, с.65]. Славянские поселения VI-VII веков н.э. хорошо известны и изучены. Они расположены в южной части лесостепи, почти на границе степей. Обстановка здесь в то время была достаточно спокойной, и можно было не опасаться враждебных нападений, вначале многие славянские поселения строились неукрепленными. Позже обстановка резко изменилась: в степях появились враждебные кочевые племена, и здесь стали сооружаться укрепленные города.

Исследователь М.Н. Межевич утверждает, что появление городов стало следствием успехов восточной торговли славян, завязавшейся в VIII веке. Города служили торговыми и ремесленными центрами, где исчезает поглощенность личности родом, ее статус не растворяется в статусе группы в той мере, как в варварском обществе. Город более интенсивно осваивает территорию, так как городское производство само создает предпосылки для своего функционирования. Оно концентрирует производственные процессы на ограниченной территории [82, с.79].

Киевская Русь была самым большим государством средневековой Европы. Фактически это была империя, в которой жило по разным подсчетам от 3 до 12 млн. человек [83, с.89]. Важной особенностью Руси стало ее срединное в географическом и культурном плане положение – между Востоком и Западом. В конце X- начале XI веков Русь вступает в полосу завершения распада родоплеменного строя. Установление верховной собственности государства на землю – основное средство производства и «всеобщий предмет человеческого труда». Земледелие стало основным занятием населения. В Киевской Руси оно продолжало развиваться, приобретая новые организационные формы. В районе самого Киева уже в X-XI веках пашенная система превратилась в ведущую систему земледелия [84, с.73]. Стало развитым ремесленничество. Так, в Киеве было представлено от 40 до 60 различных видов ремесленной деятельности.

Таким образом, этноприродные рубежи явились важным фактором объединения восточнославянских племен и консолидации Киевской Руси вдоль торговой коммуникации «из варяг в греки», которая в Черноморье пересекалась с Великим Шелковым путем. Однако междоусобицы и потеря контроля над торговыми путями, подрывали экономику государства, и страна распалась на несколько княжеств. По мнению Л. Гумилева, Киевская Русь погибла из-за

эгоизма и «шкурных интересов» правящей элиты, неспособной к самопожертвованию ради бескорыстного патриотизма [85, с.157]. По мнению М.Н. Тихомирова, в результате дезинтеграции восточных славян Киевская Русь распалась на Залескую, Поднепровскую, Червонную, Черную и Белую Украину [86, с.162].

На территории Кыргызстана с эпохи бронзы развивались две формы хозяйства, обусловившие возникновение и развитие двух хозяйственно-культурных типов: пастушеско-скотоводческого в горах Тянь-Шаня и Алая, и оседло-земледельческого на юге Кыргызстана [87, с.55]. Основным типом ведения хозяйства кыргызов было кочевое скотоводство, что обусловлено своеобразными природно-экономическими условиями, связанными с горно-степным характером рельефа. Традиционный способ хозяйствования оказал влияние на формирование специфической лексики – терминов, определяющих пастбища.

Земледелие у кыргызов имело главным образом поливной характер, оно занимает второе место в структуре хозяйственных занятий. Земледелие главным образом на орошаемых площадях привело к применению искусно разработанных приемов орошения [88, с.65]. Земледелие вынужденно распространялось вверх и вниз по течению рек, для чего уже приходилось осваивать некоторые приемы искусственного орошения – рыть каналы, возводить всевозможные ирригационные сооружения. Примером тому служат археологические находки Маргилансайского оазиса [89, с.98]. Активное заселение юго-западных предгорий Ферганы началось примерно в I тысячелетии до н.э., во время становления Даваньского государства, когда происходило массовое переселение скотоводов из долины в предгорья. С древнейших времен характерным типом расселения здесь были отдельные укрепленные дома (дома-крепости), усадьбы и укрепленные поселки.

Ошское городище – одно из самых древних и уникальных свидетельств жизни и быта земледельцев эпохи бронзы на территории Кыргызстана, которое является оазисом. По данным археологических исследований, заселение Ошского оазиса началось в глубокой древности - 6-7 тысяч лет назад. Но подлинное хозяйственное и культурное освоение произошло в конце бронзового – начале железного веков [90, с.46-48]. Развитие ремесла, торговли, металлургии и горного дела, подъем производительных сил в земледелии и животноводстве и ряд важных социально-политических и военных процессов обусловили возникновение на территории нынешнего южного Кыргызстан новых городов и целого ряда сельских стационарных поселений. Древнерусское государство сложилось на территории, которая с древнейших времен объединялась в единое этнокультурное пространство. Киевская Русь сформировалась в середине IX века, благодаря интеграции мировой экономики между прибалтийскими народами и Византийской империей. Расчленение единого древнерусского государства на отдельные княжества в период феодальной раздробленности, татаро-монгольского нашествия и ряд других обстоятельств создали определенные предпосылки образованию трем

народностям – русской, украинской и белорусской, где каждая из народностей имела свое специфическое развитие.

Время с начала XII в. до конца XV в. называют удельным периодом. На основе киевской Руси к середине XII в. сложилось примерно 15 княжеств и земель и около 50 княжеств к началу XIII в. [91, с.87]. Рост населения и, соответственно, военного потенциала различных областей Руси стал основой для образования ряда суверенных княжеств. После падения Киевской Руси восточнославянские земли становятся рубежом противостояния католического Запада и православного Востока. Данное усиливающееся противостояние Запада и Востока привело не только к этноконфессиональным конфликтам на суперэтническом уровне, но и к расколу в восточнославянских землях, где наряду с католичеством и православием со временем образовалась маргинальная униатская или Греко-католическая церковь. Православно-католическая конфронтация послужила углублению культурно-исторических различий между восточными и западными украинцами.

Как полагает Ю. Пивоваров, «Русь не пошла по пути других религий, хотя на нее претендовали и ислам, и иудаизм, и иные. Мы приняли христианство из Византии, а не с Запада, не из Рима. И это сразу отгородило нас от общеевропейского пути. Потому что латынь – язык западного католицизма – оказалась для древних русичей, наших предков, недоступной. С одной стороны, приняв христианство, мы сделали шаг в круг европейских христианских народов. А с другой – шагнули в изоляцию. Как бы в гетто. Такое двойное влияние христианства во многом определило наше дальнейшее развитие [92, с. 6-7]. Между княжествами непрерывной чередой идут войны, которые только все больше ослабляют их. По этой причине монгольско-татарское нашествие имело победоносный успех.

Со времен Чингисхана монгольские ханы старались покровительствовать Русской православной церкви. Золотая Орда давала особые ярлыки, по которым поругание православной веры каралось смертной казнью. Золотая Орда не могла допустить католицизма на Руси, как по религиозным, так и по политическим мотивам. Историк Г.В. Вернадский писал: «Два подвига Александра Невского – подвиг брани на Западе и подвиг смирения на Востоке – имели единственную цель – сбережения православия как источника нравственной и политической силы русского народа» [93, с. 57].

В период удельной раздробленности Польша соседствовала с двумя русскими княжествами – Галицким и Владимиро-Волынским. По мнению большинства российских и довольно большого количества украинских ученых-историков, со времен Киевской Руси на всей ее территории (и на юго-западе, и на северо-востоке) существовал один русский язык, который стал разделяться на наречия (малорусское, великорусское и белорусское) после распада единого государства, захвата отдельных его частей иноземными поработителями. Язык – есть важнейшее средство манипулирования людьми, изменения их сознания. Языковая политика – это сильнейшая технология влияния на целые народы. И не случайно Золотой Орде даже в течение нескольких столетий так и не удалось

изменить сознание русичей, благодаря чему Русь все-таки освободилась от татаро-монгольского ига.

Намного дальновиднее оказался польский король Казимир III Великий. После захвата в 1349 г. Польшей Галиции, самой западной земли Руси (западной части малой Руси в составе Русско-литовского княжества), а затем передачи ее Ольгердом (литовским князем) в 1352 г. Польше по договору Казимир III Великий на сейме объявил: «Отныне Галиция – земля польская, а русские, живущие на этой земле, должны забыть, что они русские, и говорить по-польски. А также велю не именовать их русскими, а обзывать их «россами» [94, с. 94-95].

В 1323 г. умер последний владыка Галича, передав престол своему племяннику, Маковецкому князю Ежи Болеславу. Вступив на престол, он вынужден был усмирять своих противников – мятежных бояр не согласных с его властью. Он заключил договор с Казимиром Великим, и за помощь польского короля провозгласил его своим наследником [95, с.101]. Присоединение Галицкой Руси имело для Польского королевства важные последствия. Во-первых, страна оказалась выгодно расположенной на перекрестке двух больших торговых путей, ведущих к Балтийскому и Черному морям. Во-вторых, возложило на Польшу бремя защиты Руси от нападений литовцев и татар.

В пятидесятые годы XIV в. король Казимир приступил к культурному и экономическому объединению Галицкой Руси с Польшей. Он перенес столицу княжества из Галича во Львов, которому предоставил новые городские права и превратил в крупнейший ремесленно-торговый центр этой провинции, переселив туда мещан из Кракова, Силезии и Германии.

Большинство польских историков полагают, что Западная Украина с XIV в. была связана преимущественно с Польшей, и именно здесь была создана та классическая версия украинского национализма, которую попытались распространить в последние годы на всю страну [96, с.84]. «Русская народность сразу же попала в тяжкую зависимость от польской народности. Русь подчинилась польским законам, а, следовательно, и влиянию польской культуры. Объединение с Польшей вызвало глубокие изменения в жизненном укладе южнорусского общества. Южнорусское население края почти полностью превратилось в зависимых, крепостных земледельцев. [97, с. 103]. Самым характерным было то, что из Польши на Украину настежь распахнулись двери, и сюда хлынула польская шляхта. На начало XVII столетия заселение Украины так усилилось, что польские писатели называют ее «добычей польского плуга» [98, с.39,45,73,82,83]. Как пишет известный исследователь Д. Дорошенко, «нахлынула масса мелкой шляхты в роли панских администраторов, управителей поместий, арендаторов» [99, с.87-91]. Профессор Гарвардского университета США, украинец по происхождению, О. Прицак писал: «Когда нет письменности, люди скорее меняют язык, чем когда она есть» [100, с.16]. Русский крестьянин тех времен ни читать, ни писать не умел. Польский землевладелец общался с ним через свою многочисленную челядь на польском языке. Именно русскому крестьянину невольно

приходилось приспособливаться к языку своих новых польских хозяев, от которых целиком зависело его существование. Практическая насущная необходимость употребления польского языка способствовала его усвоению и, в конце концов, подсознательному смешиванию со своим славянорусским языком. Так постепенно формировался украинский язык [101, с. 57-59].

Название «Украина» впервые появилось в Ипатьевской летописи 1187 г. применительно к Переяславлю и Галиции, в смысловом значении «окраина». В дальнейшем название «Украина» также использовалось для именовании приграничных земель Королевства Польского и Северо-Восточной Руси.

Наступление польского правительства и польской шляхты на украинские земли для окатоличивания и полонизации, с одной стороны, экономического и социального давления с другой стороны, вызывало сопротивление украинского народа.

Римская католическая церковь, а также польская королевская власть пытались привлечь православных на свою сторону. Кроме религиозных мотивов, речь шла о более тесном сплочении Украины и Польши против экспансии Московского государства. Идея религиозной Унии нашла своих сторонников среди части православного духовенства. По Брестской Унии 1596 г. православная церковь на территории Речи Посполитой была объединена с католической церковью в так называемую униатскую [102, с.30-31]. Уния была провозглашена, несмотря на протест большинства украинского народа, и украинского духовенства. По Украине распространилось антиуниатское движение. Большую роль в нем сыграли украинские города, где возникали культурно-религиозные организации – братства, которые учреждали школы и типографии, выпускали литературу, направленную против унии и католицизма. Постепенно православно-католическая конфронтация послужила углублению культурно-исторического различия между восточными и западными украинцами.

Польское правительство делало все, чтобы организационное существование православия сделать невозможным. В 1676 г. Сейм под страхом смертной казни запретил православным выезжать за границу, приезжать из-за границы и иметь какое-либо общение с Православным Патриархом (в Константинополе), в юрисдикции которого были православные Галиции. В 1699 г. не униатам, было запрещено занимать какие бы то ни было должности, а в некоторых городах православным вообще запрещалось жить, например, в городе Каменце. Униатские епископы при помощи солдат насильно входили в православные церкви и провозглашали их униатскими [103]. Митрополит Литовский и Виленский Иосиф Семашко в 1832 г. так определил смысл униатства: «Уния никогда не имела собственной самостоятельности – это была лишь мера для перерождения русских православных в римляно-поляков» [104]

Возрождение Украинской государственности связано с возникновением Запорожской Сечи, казачеством и национально-освободительной войной 1648-1654 гг. под предводительством Богдана Хмельницкого. Запорожская Сечь была военной организацией: казаки жили в куренях (военное подразделение), ими руководил атаман или гетман, который возглавлял Сечь при помощи

казацкой верхушки – старшин. Противоречивым моментом является тот факт, что с одной стороны, Запорожская Сечь несла определенную угрозу Речи Посполитой и была противником для нее, а с другой стороны, в XV-XVII вв. турецкая и татарская угроза была очень сильна, и поэтому для многих государств (в том числе и для Речи Посполитой) действия казаков были выгодны, так как они ослабляли татар и турок, не давая им проводить широкомасштабные набеги [105, с. 113].

Украинское казачество – значительное явление в европейской истории. Слово «казак» - тюркского происхождения. В переводе оно означает «свободный человек». Главное историческое условие возникновения украинского казачества как общественного сословия и вооруженной силы – подневольное положение Украины, находившейся под властью соседних государств, отсутствие собственной этнической государственности, социальное угнетение, а также национальные и религиозные притеснения, которые претерпевал украинский народ от чужеземных властителей [106, с.211].

Идеология казачьего народа имеет довольно давнюю историю. Концепция отдельного «казачьего народа» имеет давние корни и довольно богатую интеллектуальную и политическую традицию. В 1648 г. вспыхнуло большое восстание, которое превратилось в настоящую освободительную войну против Польши. Понимая, что для победы над Польшей нужны союзники, Богдан Хмельницкий начал вести активные переговоры с соседними государствами. Он хотел построить новую Речь Посполитую, в которую на равных правах вошли бы Польша, Литва и Украина. Но его планы меняются, и тогда Богдан Хмельницкий начинает думать о союзе с Московским царем Алексеем Михайловичем. Царь согласился помочь Хмельницкому, надеясь вернуть потерянные Московские земли [107, с.114-116]. Государственно-военные образования периода казачества способствовали формированию национального сознания, отстаивали политические, этнокультурные, религиозные традиции украинского народа. Стремление сохранить государственность (а, по мнению современных украинских историков, личную выгоду и власть) заставило Богдана Хмельницкого заключить соглашение в 1654 г. в Переяславе (Переяславская Рада) с Московским царством для совместных действий против Польши. Однако этот договор был весьма противоречивым. Воспользовавшись выгодной для себя ситуацией, Московский царь нарушил договор и заключил с Польшей в 1667 г. Андрусовское перемирие, по которому Левобережная Украина с Киевом вошла в Московское государство, а Правобережная – отошла к Польше. Турецкое присутствие заметно ощущалось на юге. И здесь, надо заметить, все казацкие гетманы стали в той или иной степени зависеть от внешних сил [108, с.120-122]. Есть в истории любого народа те переломные моменты, которые затем на долгие времена определяют его судьбу. Вне всякого сомнения, одним из таких судьбоносных моментов в истории Украины стала Переяславская Рада.

С 1783 г. указом Екатерины II было введено крепостное право на всей территории Левобережной Украины. В это время появляется ярко выраженная дворянская прослойка, которая произошла из числа бывшей казацкой верхушки

– старшин. Для того, чтобы обеспечить себе их поддержку, царское правительство даровало им все те права, которые имели российские дворяне. Постепенно большая их часть подвергается русификации и начинает считать себя россиянами. Власть России на Украине в это время становится неограниченной. Царское правительство старалось всячески доказать, что украинский народ – это всего лишь небольшая часть российского народа, которая только немного отличается от всего российского народа.

Во время царствования Александра I (1801-1825 гг.) российское присутствие обеспечивали армия и администрация. В 1830-х гг., во время царствования Николая I (1825-1855 гг.), российская централизованная административная система охватила всю Украину. В 1831 г. было упразднено магдебургское право украинских городов. С 1840 г. прекращено использование Литовского статута – исконного украинского источника права. Даже сам термин «Украина» практически прекращают использовать. Левобережную Украину называют Малороссией, Правобережную Украину – Юго-Западным краем, а южную Украину – Новороссией. В 1830 г. на Правобережной Украине вспыхнуло антироссийское восстание, возглавляемое польской шляхтой. После его подавления в 1831 г. царизм усилил русификацию Правобережья. К концу XIX в. резко ухудшилось состояние украинского села. Слишком высокий выкуп за землю, подати, нехватка земли – все это разрушало украинское крестьянство. Многие крестьяне были вынуждены эмигрировать в Сибирь и Казахстан.

Западная Украина, которая входила в состав Австрийской империи, была отсталой в социально-экономическом отношении: это был один из самых бедных районов Европы. Галичина вошла в состав Габсбургской империи во время правления императора Иосифа II, который использовал Галичину как область для испытания своих социально-экономических и образовательных реформ. Вследствие вхождения западноукраинских земель в состав империи Габсбургов здесь стал распространяться немецкий язык. Он считался государственным языком, употреблялся в правительственных учреждениях и был непонятен для украинцев.

Печальным наследием предыдущих времен было то, что украинской элиты на Западной Украине фактически не существовало. Габсбурги по своему привычному имперскому принципу «разделяй и властвуй» стали привлекать на свою сторону правящие польские (Галиция), венгерские (Закарпатье), румынские (Буковина) элиты с целью усиления позиций в крае. Их языки по статусу постепенно стали вторыми по значению (после немецкого). Вследствие этого украинцы наряду с германизацией почувствовали усиление ранее начатых процессов полонизации в Восточной Галиции, мадьяризации в Закарпатье, румынизации в Северной Буковине. Перед украинским населением предстала реальная угроза денационализации – потери собственной национальной идентичности и поглощение другими культурами. Поэтому борьба за сохранение народной культуры и единство со всем украинским народом становилось здесь вопросом чрезвычайной важности [109, с.267]. Данный регион являлся самым большим по площади «коронным краем» и занимал около 26% территории австрийской части монархии Габсбургов. К началу XX

в. численность населения провинции превышала 8 млн. человек [110, с.109]. Многие исследователи считают, что впервые украинский национализм был сформулирован в Галичине, находившейся под властью Австрии, и лишь затем постепенно распространился на восток, в российскую часть Украины. Действительно, австрийское влияние было очень сильным – ведь именно австрийским рутенцам представились уникальные возможности приобщения к современным формам государственного и правового устройства, и им относительно легко было добиться международного признания как особой составной части славянского мира.

В 1848-1849 гг. в Австро-Венгрии произошла революция, в результате которой было отменено крепостное право, было создано парламентское представительство. Однако поляки, проживающие в Галичине, попытались добиться того, чтобы все делегаты от Галичины были поляками. Против этого выступили украинские представители. Они потребовали права автономии для украинского населения. Начал издаваться украинский журнал Зоря Галиции. Открылось образовательное литературное товарищество Галицко-Русская матица [111, с.109]. В 1830 году крупнейший Галицкий историк Дионисий Зубрицкий (его значение для Галиции сопоставимо со значением Н. Карамзина для России) опубликовал в Львове оду Гавриила Державина «Бог» и отметил, что язык Державина и есть тот самый литературный, на который стоит равняться Галицким писателям.

В 1834 г. другой Галицкий ученый Николай Кмицкевич в статье «О национальном и языковом единстве Руси» писал, что и в великорусских, и в малорусских, и в белорусских землях коренные жители «говорят одним и тем же языком, разделяющимся на разные наречия». При этом говоры галичан Кмицкевич считал сильно засоренными полонизмами, а говоры великорусов наиболее чистыми и приближенными к разговорному языку древней Руси. Стремление к русскому литературному языку особенно сильно проявилось в «подъяремной» Руси с 1848 г., после начавшегося национального возрождения народов, входивших в Австрийскую империю. Собравшийся в том году съезд галицко-русских ученых постановил ввести преподавание в школах русского литературного языка и постепенно сближать с ним галицкие говоры. «Пускай россияне начали от головы, а мы начнем от ног, то мы раньше или позже встретим, друг друга и сойдемся в сердце» - говорил на съезде видный галицкий историк Антоний Петрушевич. Известный галицкий филолог, профессор Львовского университета Яков Головацкий подчеркивал, что русский литературный язык – «не московский, а общерусский». Этот язык «возник в южной Руси и только усовершенствован великороссами». К началу XX века в Западной Украине на русском языке выходили газеты и журналы, издавались книги. Австрийские власти запретили изучать русский язык в государственных школах, но население собирало средства и основывало частные русскоязычные гимназии. По свидетельству галицкого писателя Стефана Медвецкого, когда такую гимназию собрались открывать в городе Бучач (ныне райцентр Тернопольской области), «наплыв учеников был настолько велик, что пришлось построить два больших здания – для гимназии и

общежития» [112, с.249-251]. Эти процессы усиливали межнациональную напряженность в регионе, тем более, что и поляки, и украинцы воспринимали Галицию в качестве своего «Пьемонта» по собиранию национальных земель. Именно между этими народами разворачивалось основное межнациональное противостояние [113, с. 58-59]. На Западной Украине крайне не хватало земли для обработки, особенно в Карпатах.

В конце XIX – начале XX вв. в Украине начался довольно быстрый экономический подъем. Географическое положение Украины способствовало этому. Через ее территорию шло развитие торговли между Россией и Европой. Строительство железных дорог в связи с этим увеличивало спрос на уголь. Цены на уголь быстро росли. В угольную промышленность Донбасса стал притекать иностранный капитал, поэтому добыча угля быстро поднималась. Встал вопрос о расширении возможностей для сбыта угля не только в различных районах Российской империи, но и на важнейших европейских рынках. В связи с этим в 1889 г. был открыт Мариупольский порт, начало развиваться судостроение [114,с.97-99] Увеличение добычи угля сопровождалось усилением концентрации производства в Донбассе. Так, в 1890 г. в Донбассе было 768 шахт, в 1898 г. – уже 860 шахт. Росла численность рабочих на шахтах. На протяжении 6 лет (1895-1900) количество рабочих, занятых в каменноугольной промышленности Донбасса, увеличивалось с 32523 до 82420 человек, т.е. более чем в 2,5 раза [115, с.103-105]. С конца XIX в. начинается разработка месторождений железных руд Криворожья. Постепенно центр добычи железных руд перемещается с Урала на Украину. На протяжении 8 лет общеимперская добыча руды выросла в 8 раз, в частности на Урале в 4 раза, на Украине – в 158 раз [116, с. 49-58]. В связи с этим стали создаваться металлургические заводы, основываются различные общества и товарищества. Например, в 1895 г. было основано Русско-Бельгийское металлургическое общество, построившее Петровский металлургический завод.

К началу 1900 г. в Донбассе и Криворожье было уже 17 крупных чугунолитейных заводов. Вокруг них строилось много мелких и средних рудников и заводов, которых в 1895 г. на Украине насчитывалось не менее 100 [117, с.88]. Таким образом, к концу XIX в. основная масса чугуна производилась на территории Украины, вдвое больше, чем на железном Урале. К множеству причин этого можно добавить благоприятные природные условия, а также более развитую сеть железных дорог.

Поворотным моментом в истории Украины стало развитие машиностроения начала 90-х гг. XIX в., когда начала быстро развиваться металлургическая база машиностроения, обусловившая рост сельскохозяйственных машин и орудий труда. Перемещение центра сельскохозяйственного машиностроения из северо-западного промышленного района на Украину сопровождалось усилением концентрации промышленных предприятий. Но промышленный переворот и капиталистическая индустриализация на Украине в последней трети XIX в. носили противоречивый характер и происходили в неординарной обстановке, так как

производство средств производства развивалось быстрее, чем производство предметов потребления.

1 августа 1914 г. началась Первая мировая война. Все украинские земли стали объектом территориальных притязаний со стороны воюющих сторон – тройственного союза (Германия, Австро-Венгрия, Италия) и Антанты (Россия, Англия, Франция) [118, с.81-83]. Наиболее агрессивные планы по отношению к Украине вынашивала Германия. Германское военно-политическое руководство планировало разгромить Россию, отторгнуть от нее Украину и вместе с Прибалтикой, Белоруссией, Польшей и Кавказом включить ее в состав будущей Великогерманской империи. Один из богатейших немецких капиталистов, «стальной король» А. Тиссен заявил, что под полную власть немецких монополий должны перейти, прежде всего, Донецкий бассейн, Одесса, Крым и Приазовье. При германском генеральном штабе задолго до Первой мировой войны было организовано отделение, занимавшееся «украинскими» делами. Это отделение «научно обосновало» и организовало раскол внутри русской нации.

Как писал один из исследователей «украинства» князь А.М. Волконский, Германии «надо было порвать лингвистическую связь малоросса и великоросса, ибо, оторвав культурный класс юга России от русского литературного и научного языка, легче будет навязать стране свою германскую культуру. Так германцы стали поддерживать искусственную «украинскую мову». Действовали по-немецки, систематично и не теряя времени. С первого года войны пленные малороссы были выделены в отдельные лагеря и там подвергались «украинизированию»; для наиболее восприимчивых из них было устроено в Кенигсберге нечто вроде «Академии украинизации». Сотни тысяч распропагандированных пленных, вернувшись в 1918 г. в Малороссию, стали главным орудием распространения украинской идеи в крестьянской среде» [119, с.84]. То есть делалось все возможное, чтобы усилить украинский сепаратизм. При этом Австро-Венгрия стремилась на вечно сохранить свое господство в Галиции, Буковине и Закарпатье, но и претендовала также на Волынь и Подолье.

Россия стремилась силой продвинуть границы своей империи до Карпат, прикрываясь лозунгом объединения «братьев – русинов», т.е. украинцев Восточной Галиции и Северной Буковины. Кроме того, и Австро-Венгрия, и Россия стремились использовать войну для подавления национально-освободительного движения украинского народа. Российское правительство, воспользовавшись введением военного положения, запретило газеты и журналы, выходившие на украинском языке, закрыло все украинские издательства, запретило деятельность общественных культурно-просветительских организаций. Были репрессированы многие активные участники украинского национального движения. Австро-Венгерские власти в «своих» украинцах видели врагов империи, поскольку они стремились к объединению с большей частью своего народа, который пребывал под властью Российской империи. Как только началась война, тысячи украинцев без суда и следствия оказались в тюрьмах и лагерях.

В итоге, украинцы, разделенные между двумя империями, вынуждены были воевать друг с другом: в русской армии насчитывалось около 4 млн. украинцев, а в австрийской – более 300 тысяч человек. Украина оказалась в эпицентре мировой политики, которую всем политически активным силам украинского общества необходимо было осмыслить и найти верный путь национального спасения. Группа политических эмигрантов из Надднепрянской Украины 4 августа 1914 г. создала в Львове союз освобождения Украины (союз визволения Украины – СВУ) как беспартийную политическую организацию для пропаганды идеи независимости Украины. СВУ сделал ставку на поражение войск Антанты и прежде всего России. Его представители вступили в контакт с Германией и ее союзниками, чтобы при их помощи добиться независимости Украины.

Было организовано «Товарищество Украинских поступовцев» (ТУП – «поступ» - прогресс) в 1908 г. Рада ТУПа приняла решение о нейтралитете украинцев в ходе Первой Мировой войны. Несколько позднее лидеры ТУПа выступили за установление конституционной монархии в России и автономию Украины. Значительно активизировали свою деятельность партии социалистического направления. Один из лидеров УСДРП С. Петлюра выступил с заявлением о поддержке действий царского правительства в этой войне, поскольку был уверен в победе Антанты. Он считал, что такая позиция будет способствовать присоединению Галиции и Буковины к России и усилит возможности украинцев вести дальнейшую борьбу за автономию Украины.

Основной движущей силой украинского национального движения в этот период была национальная интеллигенция и учащаяся молодежь [120, с.65]. Вообще XX столетие было веком масштабных экспериментов в национальном строительстве на всем пространстве бывшей Российской империи, причем это было свойственно не только ее окраинным народам, но и «титульному» восточнославянскому (русскому) большинству. Один из самых ярких примеров успешного этносепаратистского движения, начатого с поиска небольшой группой интеллектуалов нового названия для будущей нации, а закончившегося уже через сотню лет появлением на карте Европы нового независимого и весьма обширного государства, – это украинство. Существовали глубокие идейные противоречия в украинском национальном движении. Их объединяло только желание видеть Украину независимой.

После Октябрьской революции в России и окончания Первой мировой войны территория Украины снова была включена в эпицентр геополитических действий Европейских государств. Как пишет О. Субтельный, «единственной нацией в Восточной Европе, не сумевшей добиться независимости после Первой мировой войны, были 7 миллионов западных украинцев, бывших подданных империи Габсбургов. Большая их часть входила в состав Польши, остальные компактно размещались в Чехословакии и Румынии. Будучи всюду, особенно в Польше и Румынии, объектом дискриминационной национальной политики, западные украинцы избрали своей главной задачей достижение самоуправления, которое, по их мнению, должно быть гарантом нормального разрешения политических, социально-экономических и культурных проблем.

Эти устремления натыкались на глухую стену ассимиляторской политики государств, где жили западные украинцы, поэтому доминирующей чертой их политического бытия стала национальная конфронтация» [121, с.223]. Распад Австро-Венгрии в результате ее поражения в войне привел к созданию в ноябре 1918 г. Западно-Украинской Народной Республики (ЗУНР), руководство и население которой выступали за создание единого украинского государства.

Западный исследователь Ж. Борус пишет, что в 1917 г. Центральная Рада Украины требовала у Временного Правительства всего лишь автономии в пределах Средней Украины – без нынешних Донецкой, Одесской, Херсонской, Николаевской областей и Крым, без Галичины, входившей еще пока в Австро-Венгрию. Через три года Петлюра легко признал за Польшей Западную Украину и Волынь, чтобы сохранить еще хоть на пару месяцев свою эфемерную власть над несколькими губерниями Правобережья, где он гарантировал Пилсудскому (правителю Польши) права собственности на землю дореволюционных польских помещиков [122, с.112-114].

Процесс формирования украинской нации в ее классическом понимании начинает складываться с XVII века. В то же время проходило существенное расширение территории, на которой создавались основы украинской государственности. В мире очень сложно найти страну, в которой фактически без ее участия так интенсивно расширялись границы. Только в XX веке Советская власть включила в состав Украины Западную Украину, Северную Буковину, Закарпатье, Бессарабию и Крым. С 1667 г. территория Украины увеличилась более чем в пять раз.

После победы Октябрьской революции поддержка Советской власти нерусскими народами была довольна слабой. Партия большевиков оставалась преимущественно русской и городской организацией, которая не имела серьезной поддержки в крестьянских и нерусских массах. Поэтому в 1923 г. на XII съезде РКП (б) большевистское руководство положило начало так называемой политике «украинизации» в республике под руководством первого секретаря УККП (б) Л.М. Кагановича [123, с.81-82]. Как говорит киевский политолог Андрей Ваджра: «Украина» - это сугубо советский проект. Если бы не железная воля большевистской партии, ни «Украины», ни «украинцев» просто не было бы, а были бы малороссийские губернии России и малороссы» [124, с.92]. Это была политика большевистского руководства, направленная на привлечение в государственный партийный аппарат местных национальных кадров, использование служащими украинского языка, расширение сферы применения украинского языка в обществе, пробуждение интереса к национальной культуре. Иными словами это была осознанная политика привнесения «украинского элемента» в социальную и культурную жизнь УССР. Все рабочие и служащие предприятий и учреждений были обязаны выучить украинский язык под угрозой увольнения с работы [125, с.72]. Понимая всю сложность поставленных задач по переделке юго-западной ветви русского народа в «украинцев», большевики, начиная с 1925-го года, принялись завозить в центральные регионы Малороссии десятки тысяч «свидомых галыцийцев», размещая их ровным слоем на руководящих постах в

Киеве и поручая им промывку мозгов населения [126, с.111]. Особенно усердствовал в 1927-1933 гг. руководитель Наркомпроса, большевик Скрынник. «Свидомыми янычарами» Франца Иосифа большевики также заменяли русскую профессуру, ученых, не желавших украинизироваться [127, с. 14-45]. В одном из своих писем М. Грушевский сообщил, что из Галиции переехало около 50 тысяч человек, некоторые с женами и семьями, молодые люди [128, с.85]. Очевидно, что без привлечения идейных «украинцев» Австро-Венгрии, взлелеянных на польской пропаганде, украинизация Малороссии была бы просто невозможна. Один из галицких переселенцев писал о том, как их воспринимали в Малороссии: «Мое несчастье в том, что я – галичанин. Тут галичан никто не любит. Старшая русская публика относится к галичанам враждебно как к большевистскому орудию украинизации (вечные разговоры о «Галицийской мове»). Старшие местные украинцы относятся еще хуже, считая галичан «предателями» и большевистскими «наймитами» [129, с.40]. В июле 1930 г. президиум сталинского окрисполкома принял решение «привлекать к уголовной ответственности руководителей организаций, формально относящихся к «украинизации» и не нашедших способов украинизировать подчиненных...» [130, с.63-65]. Украинизировались газеты, школы, вузы, театры, учреждения, надписи, вывески и т.д. Усилиями Наркомпроса к концу 20-х гг. более 90% украинских детей обучались на украинском языке. К 1927 г. на украинском языке публиковалось более половины книг, а в 1933 г. из 426 газет Украины – 373 выходили на украинском языке. Политика государственной поддержки украинского языка не прекращалась все советские годы, хотя популярность украиноязычных изданий и образования была ниже, чем русскоязычных. Никто во властных кругах не помышлял о том, чтобы «отменить» украинскую нацию и УССР. Более того, их украинский характер неизменно подчеркивался. Это следует помнить всем, кто обвиняет большевиков в стремлении ассимилировать или уничтожить украинцев [131, с.148].

Индустриализация Украины проходила за счет крайнего перенапряжения трудовых и промышленных ресурсов. Украина определялась как основной плацдарм проведения индустриализации в СССР, поскольку именно здесь находились основные угольные месторождения и предприятия металлургии. В первой пятилетке 400 из 1500 промышленных предприятий предполагалось соорудить именно в УССР. Украинская экономика изначально создавалась не как сырьевой, а как перерабатывающий компонент единого комплекса «сырьевая база – переработка – рынок сбыта» включавшего в себя сибирские энергетические ресурсы и рынки сбыта всего Союза. Уже в конце первой пятилетки в Украине предприятия союзного подчинения производили 69,8% продукции. С середины 1930-х годов все больше проявлялся курс на милитаризацию народного хозяйства, создание ВПК. Украине отводилась ведущая роль в этом действии. По объемам производства тяжелой промышленности Украина обогнала ряд европейских стран, заняв второе место в Европе по выпуску машин (после Великобритании) и второе место по производству чугуна (после Германии) [132, с.71-73]. Созданные в годы

индустриализации предприятия вывели Украину на уровень промышленно развитых стран мира, развернулся процесс урбанизации. В 1940 г. городское население в Украине составило 35% (в 1926 г. – 20%). Это способствовало в какой-то мере украинизации городов, так как из сельской местности переезжало много украинцев в поисках работы на промышленных предприятиях. Украина, где имелись квалифицированные кадры и необходимая инфраструктура, получала 1/5 всех капиталовложений. Строилось много новых электростанций для ввода все новых предприятий. Процесс индустриализации был также противоречивым и имел как положительные, так и отрицательные стороны.

К положительным факторам можно отнести: достижение экономической независимости; превращение СССР в мощную индустриально-аграрную державу; укрепление обороноспособности страны, путем создания военно-промышленного комплекса; создание технической базы сельского хозяйства; развитие новых отраслей промышленности, строительства новых заводов и фабрик. К отрицательным можно отнести: формирование командно-административной экономики; создание возможностей для военно-политической экспансии СССР; милитаризация экономики; замедление развития производства предметов потребления, ведь запросы людей постепенно росли и вступали во все более острое противоречие с возможностями отечественной экономики, результатом этого стал хронический дефицит промышленных и продовольственных товаров; сплошная коллективизация сельского хозяйства; стимулирование экстенсивного развития экономики; возрастание экологических проблем; порождение жестокого конфликта с ценностями предыдущего, земледельческого уровня цивилизации.

Жизнь украинцев в западных регионах протекала в других, но также сложных условиях. Никакой индустриализации и насильственной коллективизации не было. Однако имела место ожесточенная политическая борьба, в которой участвовали различные слои населения [133, с.104]. Польские оккупанты превратили Западную Украину в свою внутреннюю колонию. Западную Украину они официально называли Польшей «Б» в отличие от коренной Польши «А», в которую входили центральные и западные воеводства. Польское государство способствовало развитию промышленности, транспорта, сельского хозяйства Польши «А», а промышленное развитие Западной Украины всячески тормозилось [134, с.91-93.]. К началу 1939 г. по всей Западной Украине было всего лишь 21 промышленное предприятие, где насчитывалось больше тысячи работающих, а предприятия с числом до 4-х рабочих составляли 87,3% от общего числа [135, с.69]. Начавшийся в 1929 г. мировой экономический кризис привел к сокращению доходов крестьян почти в два раза. В 1930 г. они совершили тысячи нападений на имения польских помещиков. Западные государства поддерживали Польшу. Комитет Лиги Наций в социально-национальном конфликте виновной объявил украинскую сторону. Правительство Польши направило войска в 800 сел. Эти репрессии называли пацификацией (умиротворением). Помимо этого в Западную Украину польское правительство переселило более 300 тысяч поляков.

В таких условиях влияние умеренных легальных украинских партий быстро падало, особенно среди молодежи. Многие жители Западной Украины после поражения в национально-освободительной борьбе потеряли веру в возможности мирного достижения независимости. Стала нарастать нетерпимость и склонность к крайним мерам. В 1929 г. в Вене на съезде украинской военной организации при участии представителей радикальных студенческих групп была создана Организация Украинских Националистов (ОУН). Численность ОУН в 40-х гг. доходила до 20 тысяч человек. Националисты использовали разные методы борьбы за национальное освобождение Украины. Но наиболее действенными считались – саботаж, экспроприация и террор [136, с.62]. С 1938 г. начинаются погромы украинского населения польскими шовинистами. Также преследовалась православная церковь. В ответ на эти репрессии боевики ОУН проводят террористические акции. В восточной Украине процесс коллективизации проходил одинаковым образом, как и по всей территории СССР. На Украине в период коллективизации было экспроприровано более 200 тысяч крестьянских хозяйств, от чего пострадало около 1,4 млн. человек. Большинство из них было выслано в Сибирь, Казахстан, Среднюю Азию. Насильственная коллективизация и как следствие - голодомор привели к разрушению производительных сил на селе, что обусловило глубокий кризис в сельском хозяйстве Украины и многим другим страданиям народа.

С началом боевых действий Второй мировой войны и Великой Отечественной украинцы оказались по разные стороны фронта. Одни пошли служить к фашистам, однако их нельзя огульно считать изменниками и предателями. Многими двигало желание отомстить советской власти за те преследования, которым они подвергались, за смерть своих близких, родственников, расстрелянных или погибших в сталинских лагерях, за погибших во время голодомора и насильственной коллективизации. Западные украинцы, которые очень долгое время жили отдельно от России и СССР, восприняли вступление советских войск на их землю как прямую оккупацию. И, естественно, они считали своим долгом сражаться против советских оккупантов. Подавляющее большинство жителей Восточной Украины воевали на стороне Советского союза. И, естественно, для советской власти являлись настоящими патриотами и героями.

Третья часть украинцев воевала и против немцев, и против советских партизан, а позже – и против советской армии. Ими была создана Украинская Повстанческая Армия (УПА) [137, с.14]. Сегодня на Украине фактически сосуществуют два контрдискурса исторической памяти о Второй мировой войне, являющиеся мало совместимыми, а по некоторым признакам – антагонистическими в ценностно-смысловом измерении. Учитывая то, что дихотомия памяти о войне имеет выразительную региональную привязку, она является источником дезинтеграции национального сообщества, создает поводы для общественного напряжения и противостояния. Борьбу УПА в 1943-1949 гг. за создание независимой объединенной Украины принято характеризовать в различных терминах и определениях. В советской

историографии было в целом принято определение «бандитизм», а также «политический бандитизм». В современной украинской историографии широко распространено определение этого явления как «национально-освободительной борьбы» [138,с.47], или «украинского движения сопротивления» [139]. Как пишет польский исследователь Владислав Филар, в середине 1942 г. уже имели место единичные случаи убийств поляков, которые в конце года случались все чаще и охватили целые польские семьи. Пик массовых убийств польского населения приходится на 1943 г. С весны 1943 г. боевики ОУН и отряды УПА приступили к истреблению польского населения на Волыни. Количество убитых поляков на Волыни оценивается около 50-60 тысяч [138,с.67]. Не менее противоречивым является отношение к Степану Бандере. «Спустя полвека после смерти от рук агента КГБ Степан Бандера по-прежнему способен настраивать украинцев против России и заставлять их ополчаться друг на друга, пишет «The New York Times». «На Западной Украине поставлены памятники Бандере, о его борьбе за независимость страны с гордостью рассказывают школьникам на экскурсиях, точно он был Джорджем Вашингтоном украинского национализма. Но в Восточной Украине, а также в далекой от нее Москве и Брюсселе Бандера вызывает омерзение как марионетка нацистов», - отмечает корреспондент Клиффорд Дж. Леви [139].

Развитие западных областей Украины в послевоенные годы отличалось рядом особенностей. Советский строй столкнулся с довольно враждебным отношением Греко-католической церкви, сильным влиянием идей украинского национализма среди населения, резко отрицательным отношением подавляющего большинства крестьянства к коллективизации, вооруженным агрессивным действиям со стороны подполья ОУН-УПА. За 1944-1954 гг. в Западной Украине было репрессировано около 500 тысяч человек, из них, арестовано 134 тысячи, убито больше 153 тысяч, выселено за пределы Украины более 203 тысяч человек [140, с.89-90].

«Украина как Союзная Республика – резюмирует один из современных геополитиков профессор В.А. Дергачев, - была создана коммунистической властью и включала несколько культурно-исторических регионов, в том числе: Закарпатье, Греко-католическую Галичину, историческую Украину или Малороссию, полиэтнические Новороссию и Крым» [141]. После войны Юго-Восточные области Украины переживали бурный восстановительный экономический подъем. В то время как в Западных областях почти ничего не менялось. И только усилиями Госплана СССР в 60-80-х гг. западноукраинские области получили наконец-то хоть какую-то экономическую динамику. Основной упор был сделан на туризм со сферой услуг и на развитие электронного машиностроения. Были возведены заводы «Электрон» - по производству телевизоров, предприятия военной отрасли – «Лорта» и «Полярон», автобусный завод «ЛАЗ», Львовсельмаш [142, с.82-84]. Еще одним свидетельством того, что на Востоке Украины промышленность работала, а на Западе страны – не так интенсивно, является состояние экологии. Например, экологическая ситуация в Запорожской, Донецкой, Луганской и других промышленных областях продолжала ухудшаться, а в западных регионах начал

широко развиваться «зеленый» туризм, причем, в основном для туристов из Западной Европы.

Многие западные исследователи подчеркивают, что определенное напряжение всегда было между Западом и Востоком Украины. Большую роль в нарастании напряжения между западными и восточными регионами Украины сыграло и то, что в течение многих лет подряд через государственный бюджет шло перераспределение средств из восточных регионов являющихся донорами всей экономики Украины, в пользу западных регионов. Согласно данным госстатистики, дотации из бюджета на каждого жителя в западных регионах являлись более высокими, чем в восточных регионах [143]. В начале 90-х гг. XX в. на четырех самых крупных предприятиях Львова работало около 50000 сотрудников, а в 2007 г. на них работало уже только 2500 тысячи человек [144, с. 487].

Показательно, что в первом фундаментальном американском исследовании постсоветских проблем Украины – монографии Ш. Гарнэтта «Краеугольный камень в дуге безопасности» отмечается: «Украинская Советская Социалистическая Республика, стала не «источником новых конвульсий», а одной из индустриальных, сельскохозяйственных и военных опор Советского государства. По иронии судьбы, воссоединение украинских земель было осуществлено не сторонниками Грушевского, а Сталиным» [145, с.3]. По мнению С. Хантингтона, Украина - «расколота страна», две части которой принадлежат к разным цивилизациям [146, с. 54-60].

Надо подчеркнуть, что на западноукраинских землях советским режимом были проведены социально-экономические преобразования, носившие противоречивый характер. Эти преобразования включали: конфискацию помещичьих и монастырских земель; национализацию банков и промышленности; реконструкцию и строительство нового производства; проведение выборов. Однако эти реформы – осуществлялись привычными советскими жесткими командно-административными методами; не учитывали местных особенностей; при этом нарушали привычный уклад жизни западных украинцев; вели к ликвидации ранее созданных структур (запрет политических партий, арест и депортация их лидеров, насильственная коллективизация и т.д.; проходили жесткие репрессии).

Не менее противоречивым и крайне волонтаристским моментом является присоединение Крыма к Украине. В правление Н. Хрущева Крым был передан Украине со следующей формулировкой: «Учитывая общность экономики, территориальную близость и тесные хозяйственные и культурные связи между Крымской областью и Украинской ССР». 19 февраля 1954 г. Президиум Верховного совета СССР издал Указ «О передаче Крымской области из состава РСФСР в состав УССР» [147, с.6-7]. А в мае 1992 г. Верховный Совет РФ признал не имеющим юридической силы решение 1954 г., однако это противоречит Хельсинским соглашениям 1975 года. Своеобразно трактуется «передача Крыма» Украине некоторыми национальными украинскими историками. Так, включение Крымского полуострова в состав Украины было якобы «попыткой переложить на ее плечи моральную ответственность за

выселение татарского населения и вынудить взять на себя ответственность за восстановление хозяйственной и культурной жизни полуострова» [148, с. 127-128]. Как пишет исследователь И.Б. Орлова, «В отличие от акционерной компании, где акционеры имели возможность сменить провалившееся руководство, акционеры «Корпорации СССР» - население или даже только члены КПСС такой возможности не имели. Они не имели также возможности изменить и саму политическую систему в направлении ее большего демократизма и возможности контроля над действиями руководства [149, с.127-128]. Акт провозглашения независимости от 24 августа 1991 г. стал логичным завершением растянувшегося на столетия борьбы за самостоятельность в решении внутренних вопросов и осуществлении внешнеполитической деятельности. В то же время, принятие этого документа Верховной Радой и его последующее утверждение на всеукраинском референдуме означали лишь начало нового этапа в истории украинского народа. Отделение от России не могло быть абсолютной самоцелью, а являлось только одной из задач после решения, которой наступило время работы над реальным наполнением понятия «независимое государство».

В Украине подчеркивают, что Акт государственной независимости был подтвержден Верховной Радой и всенародным референдумом. Однако здесь не принято упоминать тот факт, что на референдуме шла речь о независимости в рамках СССР. О том, что полное отделение от России стало для миллионов украинцев неожиданностью, шоком и травмой, до сих пор свидетельствуют соцопросы. Согласно опубликованному 23 августа 2010 г. опросу лояльного к украинской государственности Центра им. Разумкова, половина украинцев не считает День независимости праздником. И почти столько же отмечают, что жизнь их семей после провозглашения Украиной независимости ухудшилась. Украинские коммунисты в 1989 г. обеспечили принятие Закона УССР «О языках в УССР», где государственным был провозглашен только украинский язык, а русский язык приравнен ко всем прочим этническим языкам на Украине. Это заложило основу многим будущим противоречиям [150].

Таким образом, исторически современное украинское государство возникло из нескольких культурно-исторических зон вопреки утверждениям официальной украинской исторической науки и многим историческим учебникам, которые трактуют современную украинскую государственность как «возрождение независимой Украины». Украина не может рассматриваться исключительно как часть исторической России или советского пространства. Она тесно связана также со странами Центральной Европы и Черноморского бассейна. Только к концу XIX в. народ, известный сегодня как украинцы, начал именовать себя, таким образом, а свою родину – «Украиной». До этого он фигурировал под названием рутенцы (русины) в Австрии, русняки в Венгрии, малороссы (или казаки) в Российской империи. «Украиной» стало обозначаться географическое пространство от земель донского казачества до северных районов Венгрии и от устья Дуная до земель на север от Сум и Харькова. Таким образом, в существующих границах Украина сформировалась в годы советской власти. При этом УССР была скроена из различных в этническом, ментальном,

культурном и историческом отношении регионов, что в дальнейшем будет создавать серьезные, порой непреодолимые противоречия.

Территория современного Кыргызстана в прошлом не была единым целым, юг и север развивались в неодинаковых условиях, в рамках различных государственных объединений на том или ином витке развития и в древности не были связаны с кыргызским этносом [151, с.12]. Еще в I тысячелетии до н.э. на территории Ферганской долины, предгорная и восточная часть которой входит в современный Кыргызстан, образовалось государство с развитой оседлой земледельческой культурой. История государства насчитывала более тысячи лет, однако в письменных памятниках сведения о нем встречаются лишь со II-I вв. до н.э. [152, с. 55]. В китайских хрониках Ферганское государство именовалось царством Давань. В переводе с древнетюркского слова «Фергана» и «Давань» обозначали «очень красивое, живописное место». Персы называли государство «Сог», а китайцы – «Полоно» [153, с.49]. Во II в. до н.э. Фергана представляла собой сильное государство с развитыми отраслями хозяйства. Основу его экономики составляло орошаемое земледелие. Фергана занимала достойное место в оседло-земледельческой цивилизации Востока. Этому способствовали, в первую очередь, разработка и использование ее жителями системы искусственного орошения. Так, уже в древности в Фергане были построены такие искусственные оросительные каналы, как Джон-Арык, что позволило намного поднять эффективность земледелия [154, с.64-65]. На протяжении веков «долинный» («оазисный») патриотизм играл ключевую роль в процессах социализации и идентификации людей.

Многие историки склонны считать, что Фергана, частью которой является нынешний южный Кыргызстан, никогда не была древней кыргызской землей. Первое упоминание о кыргызах в Фергане относится к XV в. Бабур, будущий создатель могольской империи, в своих записках упоминает племя Чогран, у которого он в 1495 г. отнял 20000 овец и около 1500 коней для своих военных нужд. Однако ряд кыргызских историков, считают это первым упоминанием о кыргызах в Ферганской долине, хотя необходимо отметить тот факт, что племени Чогран у кыргызов нет. В действительности кыргызские племена появились в Фергане в XVII в. спасаясь от наступающих джунгар. Узбеки считают южный Кыргызстан своей землей. Ош, Джалал-Абад, Узген, Кара-Суу ими считаются исконными узбекскими городами.

Вторая половина I –го тысячелетия характеризуется формированием на обширной территории Южной Сибири, Казахстана, Средней и Центральной Азии раннефеодальных тюркских государств. Это позволило назвать данный период древнетюркской эпохой [155, с.96]. Распространение тюркоязычных племен следует связывать с массовым переходом населения евразийских степей к кочевому скотоводству (которое в свою очередь связывается с климатическими колебаниями) [156, с.29]. Кочевое скотоводство возникает там, где оно имеет преимущества перед земледелием.

По мнению исследователя В.С. Таскина, в конце первого тысячелетия до н.э. существовали три государственных образования, непосредственно связанных с историей Кыргызстана: Царство Давань (в Ферганской долине),

государство Усунь (территория Северного Кыргызстана и Южного Казахстана) со столицей Чигу (ныне под водами Иссык-Куля) и страна кыргызов (последнее утверждение на территории Восточного Тянь-Шаня). Все три государства в той или иной степени были связаны с историей мощной кочевой державы гуннов [157, с.36]. Основные сводки о них содержатся в «исторических записках» (Ши цзи) отца китайской историографии Сыма Цяня. В их основе лежат сообщения китайского дипломата, первооткрывателя Великого Шелкового пути Чжан Цяня, посетившего эти государства во II в до н.э. Именно через гуннскую державу Кыргызы усвоили основополагающие принципы государственности [158, с.17]. В процессах этногенеза в Средней Азии имелись свои особенности: 1) экологическая обстановка – земледелие и кочевое хозяйство; 2) создание обширных государственных образований; 3) постоянные миграции; 4) этногенез каждого народа развивался, не изолировано, а в полиэтнической среде и чересполосным расселением [159, с.51]. Все сопутствующие признаки государственности у кыргызов явственно выступают, начиная с VI в. н.э., т.е. с образования Енисейского каганата. Система управления данного государства во многом была заимствована у китайцев [160, с.93].

X-XII вв. – эпоха экономического и культурного расцвета на территории Тенир-Тоо Караханидского каганата. Кыргызы средневековья вкладывали в слово «кара» понятия великий, большой, могучий, героический, бесстрашный и т.п. Таким образом, название «Карахан» означало «великий хан, великий правитель» [161, с. 107, 157-159, 233, 333, 417, 474, 481]. Сторонник идеи перекочевки кыргызов с Енисея на Тянь-Шань с XIII и в последующие века академик В. Бартольд в связи с этим писал: «Если бы Кыргызы жили в Семиречье уже в эпоху Караханидов, то они, несомненно, приняли бы ислам в X или XI вв., между тем они еще в XVI в. считались язычниками» [161, с.104]. Таким образом, он исключил возможность нахождения и проживания кыргызов в составе Караханидского каганата. Следует отметить, что исследования таких авторов, как О. Караев, И. Молдобаев, М. Кожобеков и ряда других доказывает обратное, т.е., что Кыргызы в указанное время жили в пределах нынешнего Кыргызстана, а именно в X-XI веках [162, с.112-114]. Существуют разные мнения по вопросу формирования кыргызской народности. Но общая концепция состоит в том, что существует три главных компонента, которые являются определяющими в формировании кыргызской народности:

- местное европеоидное, преимущественно тюркоязычное население Тянь-Шаня;

- монголоидные тюркоязычные племена Южной Сибири;

- часть монголоязычных племен Центральной Азии.

По своему расовому типу кыргызы относятся к южносибирской монголоидной подрасе, которая складывалась во 2-ой половине I тыс. н.э. Современный тип кыргызов сложился не ранее XIII в н.э. Основные физические предки – выходцы из Южной Сибири. Язык кыргызов входит в кыпчакскую группу тюркоязычных народов. А по другой классификации кыргызский язык относится к «новейшим языкам» вместе с алтайским, казахским, каракалпакским и ногайским.

В трудах кыргызских авторов лет независимости вопрос об истоках кыргызской государственности напрямую связан с Усунями. Усуньское государство (по китайским источникам Усунь Го), существовавшее во II в до н.э. и V в. н.э. было одним из первых государственных образований на территории Казахстана. Хотя останки его столицы Чигу ныне находятся на территории Кыргызстана. Единственная мотивация подобного толкования лежит в труде, бывшего царского чиновника в Туркестане, Н. Аристова. «Усуни и Кыргызы или кара-кыргызы», переизданного в Бишкеке в 2001 г. В нем автор на основе сугубо собственных замысловатых рассуждений пришел к выводу о том, что «Усуни есть прямые предки нынешних кара-кыргызов».

Известно, что историко-географическое расположение кыргызов и усуней разное, их язык и культура тоже были различными, и каждый из них был отдельным субъектом исторического процесса. Лишь в XIV – XVI вв. история соединила эти народы и сделала их одним целым. Если корни Усуней находились всегда на Или, Жетысу, Тянь-Шане, то тюркские корни кыргызов берут свое начало на далеком Енисее, та территории современной Хакасии и западной Монголии, но при этом никто их не считает чужим компонентом, они такой же тюркоязычный народ [163].

В годы правления Юаньской династии в 1290 г. один из военачальников Хубилая Тотога разбил кыргызские группы, восставшие против империи. Он разбил их не в Жетысу или в Тянь-Шане, а в районе Енисея. Подоспевшие на помощь по приказу Хайду войска переселили отдельные группы кыргызов на Алатау. Часть кыргызов, переселившись в Алатау, как пишет кыргызский историк В. Плоских, «растворились в составе иных тюркских (в том числе Усуньских) племен, занимавших территорию от Енисея и Алтая» [164, с.103]. Так начинается усунь-кыргызский период истории государственности Кыргызстана на территории усуней, кангуй и кыпчаков.

Здесь необходимо констатировать, что 6-7 вековое взаимодействие и взаимосвязь двух близких народов – казахов и кыргызов – не могло не сказаться. В их образе жизни, обычаях и традициях прослеживается много общего, но при этом их происхождение связано с двумя различными группами древних тюрков. Это отмечали в свое время Клапрот, Абель Ремюза, А. Левшин, Ч. Валиханов, Н. Аристов и др. Если Н. Аристов писал, что «древние земли кыргызов находятся вблизи земель казахского Среднего жуза, в районе Зайсан-Нора, верхнего течения Иртыша, населяемого и поныне Керееми», то Ч. Валиханов отмечал: «В Джунгарии сейчас проживают настоящие кыргызы, называемые бурутами, и группа киргиз-казахов Среднего жуза, которая выводит свое происхождение из известного издревле Сары усуней [165, с. 77.]. Конец XV-начало XVI вв. в истории кыргызского народа является особым периодом. В это время завершилось объединение местного населения Тянь-Шаня домонгольского периода, монгольских и кыргызских племен, которые в процессе дальнейшего культурно-исторического развития образовали новую историческую общность – кыргызскую нацию.

В годы монгольского ига Кыргызы делились на две группы, что было обусловлено природными условиями и типом ведения хозяйства. Первую

составляли занимавшиеся скотоводством и земледелием степные Кыргызы, вторую – занимавшиеся скотоводством и охотой лесные Кыргызы, которые населяли, главным образом, горные районы верховьев Енисея.

Анализируя направления и характер этнических процессов, оказавших влияние на становление кыргызского народа, известный специалист по этнической истории кыргызского народа С.М. Абрамзон в своей книге «Кыргызы и их этногенетические, историко-культурные связи» пришел к следующим выводам:

1. Процесс формирования племен, из которых сложилась кыргызская народность, происходил преимущественно на территории Восточного Тенир-Тоо, а также Памиро-Алая и прилегающих горных областях (Алтай, Прииртышье, Восточный Туркестан).

2. Основу складывающейся в XIV-XVII вв. кыргызской народности составили:

а) издавна обитавшие здесь местные тюркоязычные племена;

б) группа пришлых, в основном тюркоязычных племен центральноазиатского происхождения;

в) племена монгольского и казахско-ногойского происхождения [166, с.67]. Большинство ученых не отрицают наличия в составе современного кыргызского народа енисейского компонента [167]. Действительно, енисейские Кыргызы участвовали в процессе образования кыргызской народности на Тенир-Тоо [168, с.59]. Ко второй половине XVIII в. относится начало установления взаимоотношений между кыргызами и Россией. В России первые сведения о кыргызах и схематическая карта Иссык-Куля были получены еще от посла Петра I в Джунгарском ханстве И. Унковского (1722-1724 гг.) [169, с.87-89]. В 1749 г. оренбургский ученый П. Рычков составил сведения о кыргызах со слов и информации купцов, посещавших эти края по торговым делам.

В 1709 г. правителем центральной части Ферганской долины (центр город Коканд) при поддержке крупных феодалов был провозглашен Шахрух-бий (умер в 1721 г.) – один из потомков легендарного Бабура. Он явился основателем Кокандского ханства [170, с. 157-159]. Анализ исторических источников позволяет предполагать, что значительную помощь Шахрух-бию в получении власти оказали и правители кыргызского происхождения. Так, известно, что в начале XVIII в. правителем Ходжента был выходец из кыргызов Акбото-бий, который стал затем Шахруха, женившись на его дочери.

По сведениям китайских географов, в 1759-1760 гг. Ферганская долина была разделена на самостоятельные Андижанский, Маргеланский, Наманганский и Кокандский вилайеты, в Оро-Тобе и Ходженте власть периодически менялась: там правили то бухарские эмиры, то кокандские ханы, в отдельные периоды эти владения становились самостоятельными. В 1760 г. Коканд превратился в крупный центр, где проживало более 20 тысяч семей, действовали 4 медресе, караван-сарай. Владения Кокандского ханства существенно расширились, возросла мощь государства. Вместе с тем усилились и территориальные притязания, объектом которых теперь стали владения кыргызов. К 80-м гг. XVIII в. Кокандское ханство установило свою власть над

большей частью ферганских кыргызов и кыргызами, кочевавшими на правом берегу реки Чырчык.

В 1825 г. на древнем торговом пути, связывавшем Среднюю Азию с Китаем, у пересечения с Верненским трактом, была основана крепость Бишкек – основа будущей столицы Кыргызстана. Год от года все усиливался гнет кокандских правителей: вводились новые виды налогов и податей, росли их ставки, ужесточались меры наказания за неуплату. Все это вызывало справедливое негодование и ненависть народа. Начались массовые выступления против кокандцев. В 30-40-е гг. XIX в. освободительная борьба кыргызов против засилья Кокандского ханства приняла широкий размах. Несмотря на то, что Кокандское ханство было единым государством, в нем все еще глубоко коренились феодальная разобщенность и междоусобица. В непрерывной борьбе за верховенство и власть, крупные кланы, феодалы бесконечно смещали неугодных и возводили на престол угодных им ханов.

Исследователь В.М. Плоских указывает, что середине XIX в., население Кыргызстана составляло более 800 тысяч человек. По подсчетам В. Радлова, кыргызов в то время было 80 тысяч юрт [171, с.69]. Характерной особенностью кыргызов было разделение на множество племен и родов. Между ними не было тесных и устойчивых экономических отношений и единства. Междоусобные феодальные распри подрывали силы кыргызского народа, препятствовали объединению в целостное государство, провоцировали сопредельные владения, и государства на грабительские набеги.

Хотя на территорию Кыргызстана и распространялась власть Кокандского хана, тем не менее, в отношении и дела внутри родов он вмешиваться не мог. Здесь ситуация полностью контролировалась предводителями родов и племен [172, с.77]. В первой половине XIX века в Кыргызстане господствовали патриархально-феодальные отношения. Несмотря на то, что основу общественных отношений составлял феодальный способ производства, глубоко сохранялись еще многие признаки патриархально-родового уклада. В этом состояла основная особенность общественного устройства кочевых народов. Родоплеменные образования не зависели друг от друга, самостоятельно вели свое хозяйство, оборонялись от внешних угроз и опасностей. А поскольку роды защищали своих членов и несли за них коллективную ответственность, то у кыргызов было развито понятие родовой солидарности – Уруучу-лук. Даже в традиционном праве кыргызов (равно казахов) – адате, род является «основой всех общественных, имущественных и политических отношений».

У кыргызов наиболее развитой формой этнического строения была древняя военно-оборонительная структура: правое крыло, левое крыло и центр. Правое крыло кыргызов или «он канат» занимало территорию Чуйской, Иссык-кульской, Нарынской областей севера, части Ошской области на юге. Левое крыло или «сол канат» охватывало ряд районов Джалалабадской области и далее до Андижана на юге и Таласскую область на севере. Племена группы «Ичкилик» занимали Баткентскую, частично Ошскую области на юге.

В соответствии со сложившимися вековыми традициями кочевников земли находились во владении общины, рода или племени. Однако распределение

выпасов, контроль над их использованием, регулирование порядка и сроков зимних и летних перекочевков осуществлялись феодалами – манапами. Споры и претензии по вопросам пользования пастбищами решались на советах биями и манапами. В Южном Кыргызстане и Фергане проблемы земли и воды стояли сложнее и острее. Ханские сановники постоянно вмешивались в вопросы использования кыргызами пахотных земель и пастбищ, расположенных по соседству с кокандскими владениями. Нередки были случаи, когда хан просто отнимал лучшие земли у кыргызов и продавал их [173, с.81]. В своей основе земледельческая культура кыргызов имела много общего с традициями соседних узбеков и таджиков. Благодаря благоприятным природно-климатическим условиям земледельческая культура на юге Кыргызстана достигла более высокого уровня, чем на севере.

Для развития средневековой монументальной архитектуры большое значение имело введение ислама как государственной религии. Повсеместно строятся здания и сооружения, предназначенные для отправления религиозных обрядов. При этом в архитектурном комплексе города нередко важную композиционную роль играли высокие башни при мечетях – минареты, с которых призывали мусульман на молитву. Широкое распространение ислама среди кыргызов пришлось на период господства Кокандского ханства. Духовенство являлось мощной опорой феодалов в их эксплуататорской политике, а с другой стороны, оно, проповедуя беспрекословное подчинение религиозным постулатам, само наживалось на забитости и несправедливости народа.

Активизация экспансии России в Центральную Азию в середине XIX в. была обусловлена рядом экономических и политических причин. Стимулирующим фактором были предпринимаемые соседними восточными странами и Британской империей попытки захватить Туркестан, в том числе Кыргызстан. Понимая важное политико-стратегическое значение Туркестана, Россия прикладывала все усилия, чтобы опередить другие страны, особенно Британию, и самой утвердиться в регионе. В сложившейся к 30-60 гг. XIX в. международной обстановке планы России завладеть Туркестаном имели прежде всего политическую подоплеку, т.к. для нее в то время торговля с Туркестаном не представляла большой выгоды. [174, с. 26]. Вплоть до конца XIX в. объем вывозимых из Туркестана товаров намного превышал обратные поступления из России. Следовательно, как рынок сбыта и источник сырья Туркестан представлял для России в то время второстепенный интерес. Расширение границ России, начатое еще в средние века, шло за счет присоединения все новых и новых территорий, укрепляемых строительством приграничных крепостей. [175, с.45]. В превращении Туркестана в объект русской колонизации важную роль играли причины, обусловленные отменой в России крепостного права. Одной из них было резкое возрастание недовольства крестьян, оставшихся после реформы 1861 г. без земли. Переселение крестьян из центральных губерний России должно было послужить созданию опоры царизма в Туркестане – широкого слоя русских крестьян. Подчинение Туркестана Россией позволило бы прекратить кровавые распри кочевых

племен. Через Казахстан и Кыргызстан для России открывался прямой путь в Афганистан, Индию и Китай.

В силу пережитков воинствующего средневековья, выразившихся в непрерывных междоусобных столкновениях и дестабилизирующих внешнеполитических событий, кыргызский народ к началу продвижения России в Центральной Азии еще не сформировал своей единой государственности. В этот период кыргызские племена в соответствии с географическими условиями жили под влиянием нескольких политических объединений.

Южные племена кыргызов (группа внутренних адигине, мундуз, басыз, кушчу, саруу, багыш, жедигер, саяк и др.) вместе с исконными соседями по Ферганской долине – узбеками, таджиками – активно участвовали в создании Кокандского ханства. В связи с окончательным объединением в последней четверти XVIII в. Ферганского региона, Памира, Горного Бадахшана, Оро-Тюбе, Джизака и Ходжента в Кокандское государство, проживавшие там Кыргызы стали составной частью его населения.

Северная часть Кыргызстана в это время была под властью суверенных манапов – родовых предводителей, традиционно осуществлявших разобщенную политику правления. Население северных ареалов Кыргызстана, хотя и было политически независимым, вместе с тем, в соответствии с географическим расположением находилось в той или иной мере под влиянием соседей и принимало участие в их политической жизни. Для таласцев это были Ташкент и беки нижнего течения Сырдарьи; для чуйцев – казахи Орта Жуза; для иссык-кульцев и нарынцев – власти Восточного Туркестана [176]. Политическая разобщенность кыргызских племен в конце XVIII в. не давала возможности осуществлять им единую внешнюю политику. Из-за непримиримых внутриплеменных разногласий среди северных кыргызов над ними постоянно висела угроза со стороны внешних врагов.

Россия повысила внимание к Кыргызстану как к объекту колонизации в первой четверти XIX в. и в 1860-1870-х гг. начала осуществлять планы по утверждению своего присутствия в регионе. Присоединение Северного Кыргызстана к Российской империи к 1868 г. было завершено. Это присоединение осуществлялось в основном путем договоров и соглашений, иногда прямым вооруженным подавлением. Присоединение Россией южной части Кыргызстана проходило путем прямого завоевания. С подавлением народного движения 1873-1876 гг. и признанием алайскими кыргызами в конце 1876 г. русского подданства Южный Кыргызстан окончательно был присоединен к России [177, с.148]. Только в 1882 г. царской администрации удалось в Ошском уезде найти подходящее место для устройства первого там русского села на 200 семейств, названного Покровским [178, с.107]. На присоединенных территориях Россия планомерно насаждала свою политическую систему управления. В результате административно-территориальных преобразований, проведенных царским правительством, земли кыргызов были распределены по различным уездам, которые, в свою очередь, входили в областные образования. Управление имело полувоенный

характер. Административно-территориальное разделение Кыргызстана, несомненно, преследовало цели укрепления колониальной власти царизма, но вместе с тем принесло кыргызскому народу ряд новшеств. Например, постепенно стали утрачиваться вековые традиции родовых взаимоотношений и связанная с эти зависимость населения от родовой верхушки. С введением выборности управления был разрушен институт наследственной преемственности власти, ранее осуществляемый исключительно биями-манапами. Колонизаторская политика царского правительства в Кыргызстане особенно ярко проявилась при решении земельного вопроса. Едва Кыргызстан был присоединен к России, как началось непрерывное переселение русских крестьян на его территорию. Наделение земель переселенцев проходило по тому же принципу что и в Казахстане. Интересы кыргызов, как и казахов, совершенно не учитывались.

Помимо русских крестьян, в Кыргызстан переселилось большое количество уйгуров, дунган, бежавших от гнета китайских феодалов. Отторжение земли у кыргызов получило особенный размах после Столыпинской аграрной реформы. Огромное количество плодородной земли было выделено для крестьян-переселенцев. С присоединением Кыргызстана к России намечается стойкая тенденция к увеличению числа его жителей. По Всероссийской переписи населения 1897 г. в новых административных границах Кыргызстана проживало 663 тыс. человек. По сравнению с 1865 г. это было на 116 тысяч человек больше, прирост составил 21,2% (из-за увеличения крестьян-переселенцев). Начиная со второй половины XIX в., кыргызы постепенно стали переходить к оседлому образу жизни. Особенно наглядно это проявилось в Ферганской долине. К 1917 г. из 362 тысяч кыргызов Ферганской области 206 тыс. вели оседлый или полуоседлый образ жизни.

Исторический процесс присоединения Кыргызстана к России был не только продолжительным, но и трудным, очень противоречивым – как мирным, так и военным, насильственным [179]. Историографию кыргызско-российских отношений XX в. настолько идеологизировали в угоду политики (и политиков), что ученым в советское время нередко (иначе цензура не пропускала работы в печать) приходилось искажать если не факты, то вытекающие из них выводы. Например, во второй половине XIX в. появляются статьи и книги по истории завоевания Россией Средней Азии.

В 1940 г. на страницах республиканской газеты «Советская Киргизия» появляется статья А. Хасанова «Завоевание царизмом Северной Киргизии». В 1959 г. в Москве после защиты докторской диссертации кыргызский историк Б. Джамгерчинов выпускает книгу «Присоединение Киргизии к России» - фактически о присоединении Северной Киргизии. Год спустя его коллега К. Усенбаев публикует книгу «Присоединение Южной Киргизии к России». Нейтральный термин «присоединение» означал не только понятие мирный процесс, что согласовывалось с действиями северокиргызских племен, подписавших присягу о принятии российского подданства, но и завоевание, что произошло с южнокиргызскими алайскими племенами [180]. В конце XIX – начале XX вв. в Кыргызстане начала формироваться промышленность. В

начале 90-х гг. XIX в. на юге началось интенсивное исследование и разработка залежей угля и нефти. На современной территории Кыргызстана в 1913 г. функционировало более 30 предприятий фабрично-заводского типа. Развитие промышленности имело колониальный характер, было нацелено в основном на переработку сельскохозяйственной продукции, заготовку сырья, в лучшем случае ограничивалось разработкой полезных ископаемых [178, с.88-89]. Таким образом, одним из результатов царской политики в Кыргызстане явилось начало формирования капиталистических отношений. Углубилось социальное расслоение населения Кыргызстана.

Колониальная политика царизма, усиление социального и национального гнета, произвол, насаждаемый русской администрацией в отношении местного населения, приводил к открытому недовольству местного населения. Одно из крупных восстаний того времени – Андижанское восстание, которое произошло в 1898 году. В восстании участвовали представители кыргызской, узбекской, таджикской национальностей, различные социальные слои населения. Закономерно, что это восстание было возглавлено служителями религии с ортодоксальными лозунгами и призывами. Основная часть населения этого региона на протяжении веков исповедовала ислам, который глубоко внедрился в сознание народа. Все участники восстания причисляли себя к мусульманам. Поэтому нет никаких оснований рассматривать восстание как реакционное движение. Восстание было направлено на защиту интересов и чаяний основной массы населения. Оно носило национально-освободительный характер.

Русификация Туркестана, как основа колониально-националистической политики, к началу XX в. все более усиливалась. Наглядным примером служит циркуляр генерал-губернатора региона от 31 октября 1911 г., в котором всем губернаторам областей предписывалось: «...местное население интересуется нас в качестве материала для выполнения в будущем работ русских крестьян, поэтому необходимо впитать им в кровь почитание всех русских; если кто-либо не пожелает подчиниться, то лишится земли и будет влачить нищенское существование, или же Россия распрощается с ними».

Одной из основных причин восстания 1916 г. было массовое переселение крестьян из России и усиление произвола при их расселении. Царская власть, предвидя возмущение местного населения, помимо регулярных воинских сил Туркестана, начала вооружать переселенцев. Восстание было жестоко подавлено [181, с.8]. Спасаясь от геноцида и поголовного уничтожения, кыргызы в конце сентября 1916 г. начали беспорядочный исход в Китай, бросая родные земли, скот и имущество. Растерянных, разобщенных людей, несущих на себе нехитрый скарб и гнавших оставшийся от разграбления скот, настигали карательные отряды и дружины крестьян-переселенцев, подвергали издевательствам, грабежу и безжалостно уничтожали на месте. Национально-освободительная борьба была вызвана недовольством народных масс колониально-националистической политикой царизма, усилением гнета, различными поборами и непосильными налогами [182, с.77-78]. С другой стороны, войдя в подданство Российской империи, кыргызский народ через

посредство русского и других народов, подвластных России, получил возможность приобщиться к европейским передовым достижениям культуры.

Февральская буржуазно-демократическая революция в России стала важным событием в истории всех населявших ее народов. Однако по ряду объективных и субъективных причин Февральская революция не достигла своих основных целей. Нерешенными остались вопросы мира, земли и национальные проблемы. Становление советской власти в Кыргызстане проходило с большими трудностями и в специфических условиях. Слабое развитие производительных сил, малочисленность промышленного пролетариата, недостаточное влияние партии большевиков, враждебные отношения между кыргызами и русскими, возникшие как следствие колониальной политики царизма, - все это оказало негативное влияние на процесс становления новой власти.

На юге Кыргызстана гражданская война была направлена в основном на борьбу с басмачеством. В настоящее время существует противоречивое отношение к басмаческому движению. Некоторые ученые предпринимают попытки представить басмачество как часть национально-освободительного движения местного населения [183]. Другие полагают что – басмачество имеет место в истории как реакционное движение [184, с.67-69, 135-152]. В действительности «басмаческое движение» - сложное и многоплановое явление в истории Средней Азии. В любом случае причиной этого движения было ущемление национальных интересов народов Средней Азии со стороны Советской власти [185, с. 59-64].

В силу своей многочисленности оседлое население в южном Кыргызстане было расположено очень плотно [186, с. 17-21]. В соответствии с уровнем развития производительных сил оно разделялось на несколько социальных слоев. Рвущиеся к власти местные богачи, недавно народившаяся буржуазия, верхушка мусульманского духовенства, были основной движущей силой басмаческого движения. Неверная антирелигиозная политика большевиков, преследование духовенства вызывали раздражение у некоторой части народных масс [187]. После установления Советской власти в Кыргызстане происходили противоречивые действия, вызванные, прежде всего проведением аграрной реформы [188]. Земли, не состоявшие в индивидуальном пользовании, объявлялись государственной собственностью и передавались под надзор местных органов власти. Вначале благодаря строгому народному контролю, при первоначальном распределении земель особое внимание уделялось справедливому и равному наделению земельными долями кыргызских и русских крестьян. Это в большей мере способствовало сглаживанию обостренных отношений между русскими и кыргызами, постепенному налаживанию дружеских отношений и взаимодоверия.

Провозглашенная в 20-е гг. новая экономическая политика предполагалась в качестве долголетней стратегии СССР, индустриализацию страны, кооперирование крестьян, повышение материального и культурного уровня населения планировалось провести в соответствии с принципами новой экономической политики. (НЭПа). Однако, новая экономическая политика в

этот период начала давать сбои. Усилились противоречия между социальными интересами общества и авторитарной системой правления большевиков. Повсеместно нарушался принцип постепенности – от простых форм (ТОЗы, товарищества) к окончательной коллективизации, крестьян насильно сгоняли в колхозы. Совершенно не учитывался и тот фактор, что кыргызские дехкане и животноводы еще не были готовы к объединению в колхозы. [189, с.102]. По мнению Р. Медведева, коллективизация нужна была стране. Она полностью укладывалась в программу социалистической модернизации экономики. Другое дело, что в жизнь ее претворяли никуда не годными «ускоренными» методами – за несколько месяцев вместо предполагавшихся сначала 5-7 лет (1928-1934 годов) [190].

С ликвидацией контрреволюционных сил, особенно басмаческого движения, в Средней Азии создали «условия» для размежевания проживающих там народов на национальные государства. Для этого 14 октября 1924 г. Всероссийский ЦИК РСФСР в соответствии с волеизъявлением населения Туркестанской АССР, Бухарской и Хивинской республик принял постановление о размежевании народов Средней Азии на национальные государства [192, с.103-105]. Это был крайне противоречивый процесс. С одной стороны, большевикам было выгодно разделить Среднюю Азию на «национальные квартиры», чтобы потом легче было управлять по принципу «разделяй и властвуй», с другой стороны, национальный принцип в том виде, как он был проведен в жизнь при национально-государственном размежевании Средней Азии в 1924 г, был выработан западноевропейской историей XIX в. и совершенно был чужд местным историческим традициям [193, с. 126, 143-145, 168].

Проведенная в колониальном стиле реорганизация в определенной мере ускорила процессы этнической консолидации, но в то же время имела много отрицательных моментов для народов Средней Азии. Резкое снижение роли Хивы, Бухары, позже Самарканда и других городов, как политических и культурных центров, ломка всей системы исторически сложившихся взаимосвязей, издержки национальной кадровой политики и другие последствия создания национальных республик по европейскому образцу прервали естественный путь развития, создали новые узлы напряженности, противоречий и конфликтов. Исторически единый хозяйственный организм - Ферганская долина - был политически разделен между тремя государствами: Узбекистаном, Таджикистаном и Кыргызстаном. При этом не учитывалась специфика всех центральноазиатских обществ на предмет высокой роли в их жизни регионально-клановых связей. Эти связи основаны на земляческом единстве и определенным образом структурированы на всех уровнях социальных отношений. Особенно это касается Южного Кыргызстана, где на протяжении веков «долинный» («оазисный») патриотизм играл ключевую роль в процессах социализации и идентификации людей [194]. Надо сказать, это неоднозначное событие для судеб среднеазиатских народов довольно широко освещено в специальной литературе. Однако, несмотря на большое количество трудов, посвященных размежеванию, многое из происшедшего тогда до сих

пор остается неизвестным. Данное обстоятельство уже отмечалось историками. Так, Р.М. Масов пишет: «Совсем не исследована проведенная партийными и советскими органами подготовительная работа по определению территориальных границ, численного состава, компактного расположения народов, подлежащих объединению в самостоятельные советские республики. Кроме того, имеются и другие немаловажные вопросы, требующие тщательного и всестороннего исследования. Так, например, не выяснено, какой критерий являлся определяющим для включения того или иного населенного пункта в состав новых республик, как проходил процесс выяснения других факторов, при этом учитывались ли объективно экономические, исторические, национальные и другие особенности, и были ли приняты во внимание интересы каждой национальности [195, с.185].

Исследователь С. Голунов полагает, что одной из основных целей процесса «национального размежевания» в начале 1924 г. было ослабление чувства общей принадлежности населения Центральной Азии к мусульманской цивилизации [196, с.27]. Влияние конфессионального фактора на политические структуры освещались во многих работах В.В. Бартольда. Это весьма важный момент, так как при определенных условиях сознание индивидуума, принадлежащего к этносу, обладающему политической культурой, тяготеет к осознанию принадлежности к суперэтнической общности, чаще всего конфессиональной. Этот вопрос В.В. Бартольд проанализировал глубоко и оригинально в ставших классическими работах «Халиф и Султан» [197, с. 15-72], «Теократическая идея и Советская власть» [197, с. 303-319]. Рассуждая о соотношении власти и ислама, В.В. Бартольд выделяет следующие доминанты политической культуры мусульманского мира, способствовавшие разграничению людей именно по конфессиональному принципу, а, следовательно, по противостоянию разноконфессиональных государственных образований: подчеркнута теократический характер политической организации мусульманского государства, сочетание в лице правителя политического руководителя и главы религиозной общины, универсалистские тенденции к противопоставлению мусульманской общины в целом, как единого организма всем иноверным общностям этнокультурного и политического характера. В.В. Бартольд в достаточно категорической форме возражал против политико-административного передела Средней Азии по национальному признаку. Однако ряд известных ученых, например, кыргызских историков считают, что это было добровольное перераспределение границ. Дело, наверное, в том, что Кыргызстан получил в результате этого размежевания территории, которые исторически не связаны с ним. Каждый, наверное, по мере возможности защищает интересы своей страны (историка не исключение).

Институт географии Академии наук России в 1991 году определил около 200 точек потенциальных этнотерриториальных конфликтов, заложенных этим национально-территориальным размежеванием, около 30 из них уже реализовались в той или иной форме [198]. 15 января 1925 г. на заседании облревкома была принята Декларация об образовании Кара-Кыргызской автономной области и торжественно провозглашена государственность

Кыргызстана. Номинально, государственность кыргызского народа через семь столетий была восстановлена (после падения под ударами монголов в 1207 г.). Это естественно породило в народе большие надежды на будущее и вдохновило на строительство новой жизни.

После этого исторического события кыргызская традиционная структура была сознательно разрушена большевиками, которые боролись с так называемыми «пережитками прошлого». Постепенное областное и районное деление начало вытеснять племенное и родовое деление во внутренней идентификации кыргызов, особенно в вопросах взаимоотношений между обществом и правящей коммунистической номенклатурой. Советская система, основанная на централизованной редистрибуции ресурсов, вынудила общество быть заинтересованным в таком лидере республики, который был бы из их конкретной области и который мог бы помочь развитию своей «малой родины». Таким образом, областное деление становится политически и социально важным для советских людей в республиках, включая также и кыргызов.

Порождаемые политическими репрессиями страх, всеобщая подозрительность и недоверие составляли основу беспрекословного подчинения верхним эшелонам власти. Руководители под страхом исключения из партийных рядов совершенно утратили самостоятельность и инициативу. В итоге республиканские и местные партийно-советские органы ориентировались только на исполнение спускаемых сверху приказов и указаний, зачастую с излишнем усердием [199, с.83]. Надо подчеркнуть, что с исторической точки зрения 1930-е годы были поворотным моментом в социальной, экономической и культурной жизни Кыргызстана. Они означали перелом в традиционном укладе жизни и начало современной индустриализации. Коллективизация, усовершенствования в ирригации и аграрном секторе, глубоко изменила сельские районы. Кроме того, это был период самых сильных изменений в соотношении численности отдельных этнических групп и в пространственной обособленности между городами и сельской частью страны.

В годы Великой Отечественной войны в Кыргызстане вступило в строй 36 крупных промышленных предприятий, образовались новые отрасли. За годы войны число рабочих возросло с 36 тыс. до 46 тыс., доля промышленности в народном хозяйстве Кыргызстана с 50,2% в 1940 г. возросла до 67,5% в 1945 году [200, с.89-90]. Перемещенные из европейской части СССР предприятия были в основном расположены в Северном Кыргызстане (Чуйской области и г. Фрунзе) [201, с. 101]. После окончания войны, благодаря развившимся в республике новым предприятиям, послевоенная валовая продукция промышленности выросла в несколько раз. Быстрыми темпами росли отрасли производства электроэнергии, станкостроения, шелковых тканей, кожаной обуви, консервов и т.д.

В годы послевоенной пятилетки еще больше вырос индустриальный потенциал республики. Сдано в эксплуатацию более 20 крупных предприятий. Реконструировано множество заводов и фабрик. Валовая продукция промышленности в 1950 г., по сравнению с 1940 г., выросла в 4,2 раза. Однако в развитии промышленности был допущен и целый ряд ошибок. Предприятия,

транспорт зачастую простаивали, работали без должной эффективности. Планы-задания по производству многих видов продукции и улучшению их качества не выполнялись. Промышленность росла в основном на экстенсивных началах, т.е. за счет увеличения числа предприятий и работающих на них кадров. Темпы развития промышленности республики требовали постоянного пополнения этой отрасли профессиональными кадрами. Но основная часть населения Кыргызстана проживала в сельской местности, что негативно влияло на увеличение числа рабочих коренной национальности и их профессиональный уровень. Это обуславливало большой приток рабочих из других регионов страны. В результате начался интенсивный процесс миграции рабочих из промышленных районов СССР в Кыргызстан [202, с.139]. За годы Советской власти в Кыргызстане было построено более 500 крупных предприятий [203, с.89-90]. Существенные изменения произошли в территориальном размещении промышленности. В дореволюционный период немногочисленные предприятия, носившие кустарный характер, были в основном на юге страны. Сложились два крупных индустриальных района – Север и Юго-Западный. Северный район производил 2/3 промышленной продукции, выделялся довольно развитым машиностроением, металлообработкой, производством электроэнергии, стройматериалов, легкой и пищевой промышленностью. Юго-Западный регион давал 1/3 промышленной продукции, отличался развитой цветной металлургией, топливной, текстильной (хлопчатобумажной и шелковой) промышленностью.

Северный Кыргызстан – это один из двух экономико-географических регионов республики, отличающийся от Южного Кыргызстана более высоким уровнем урбанизации, индустриализации, экономико-социальным развитием и значительной долей русского и русскоговорящего населения, которое до 1990 г. преобладало. По традиции в состав Северного Кыргызстана еще со времен российской империи и СССР включают следующие регионы на севере страны: Чуйская область, город Бишкек, Иссык-кульская область. Две другие области: Таласская область и Нарынская область иногда включаются в состав Северного Кыргызстана по географическому принципу, а также потому, что проживающие там кыргызы причисляют себя к так называемым северным кланам, хотя по большинству показателей эти регионы в настоящее время больше напоминают Юг Кыргызстана, особенно это касается Нарынской области. Удельный вес городского населения республики составил в 1979 г. – 39 процентов. [204, с.579]. Еще в советское время разница в социально-экономическом развитии и демографических тенденциях двух регионов республики достигла значительных масштабов. Так, индустриализация и урбанизация на севере носила более интенсивный характер. Более равнинные северные территории были заселены русскими, украинцами, немцами и др., имеющими более высокую профессиональную подготовку и более стабильную демографическую структуру (умеренный естественный прирост, высокую долю работоспособного населения и т.д.). Также, тот факт, что на севере страны располагается ее столица – город Фрунзе (Бишкек), привел к тому, что многие хотели жить и работать здесь. Южные кадры в советское время всегда как бы

незаслуженно ущемлялись, на Юг страны меньше направлялось финансовых и материальных ресурсов и потоков.

Среди динамично развивающихся в Кыргызстане отраслей были машиностроение (такие заводы, как Киргизавтомаш, Фрунзенский автосборочный завод, завод сельскохозяйственного машиностроения им. Фрунзе, Торгмаш, Ошский насосный завод и т.д.); электротехническая промышленность (Каиндинский кабельный завод, Киргизэлектродвигатель, Тяжэлектромаш, Иссык-кульское объединение электротехнических заводов); приборостроение (завод «Оргтехника» в Минкуше, завод контрольно-измерительных приборов). По уровню развития машиностроения – Кыргызстан, производя более 200 видов продукции, занимал второе место в Средней Азии после Узбекистана, а по производству грузовых автомобилей, насосов, газовых плит – и вовсе лидирующую позицию. При этом продукция, производимая в республике, экспортировалась не только по Союзу и соцстранам, но и закупалась Францией, ФРГ, Великобританией. При этом в принципе сырьевые отрасли уравнивались перерабатывающей промышленностью и машиностроением. Это была довольно оптимальная структура, позволяющая добиться стабильности экономики. По многим видам выпускаемой продукции Кыргызстан был настоящим «монополистом» в СССР: пресс-подборщики, паровые котлы, многие радиодетали и т.д. производились только в Кыргызстане.

Значимым фактом является то, что Северный Кыргызстан в советское время лидировал по объективным причинам. Этими причинными были: 1) столица Фрунзе (Бишкек) находилась на севере страны; 2) более широкое проникновение русскоязычных специалистов (большинство промышленных предприятий находилось на севере) и европейской культуры в северный Кыргызстан. Из-за удаленности от столицы страны и труднопроходимого хребта южный регион Кыргызстана оказался на периферии.

Известный политолог С. Кара-Мурза пишет: «Это был производственный организм совершенно иного типа, не известного ни на Западе, ни в старой России. Западные эксперты до сих пор не понимают, как было устроено советское предприятие, почему на него замыкались очистные сооружения или отопление целого города, почему у него на балансе находились поликлиника, жилье, детский сад, пионерский лагерь. В экономическом, технологическом и социальном отношении раздел этой системы означал национальную катастрофу, размеров и окончательных результатов которой еще не можем полностью осознать» [205]. Однако при всем этом принцип организации народного хозяйства СССР был весьма противоречивым, так как его развитие в первую очередь диктовалось идеологическими мотивами, а не экономической целесообразностью. Сознательно игнорировался принцип регионализма, т.е. не учитывались столетние традиции хозяйственного мышления конкретного народа. В Кыргызстане, складывалась противоречивая ситуация. Имея богатейшую сельскохозяйственную сырьевую базу для развития легкой и пищевой промышленности в республике, искусственно насаждались отрасли машиностроения и металлообработки, при полном отсутствии

металлургической базы, традиционных навыков индустриального труда у коренного населения.

Сырье для машиностроения Кыргызстана добывали в Белоруссии, перерабатывали на Украине, изготавливали отдельные детали в России, а собирали самосвалы в Кыргызстане, затем все это распределял Госплан СССР в Москве. В то же время из самого Кыргызстана вывозилась большая часть сельскохозяйственного сырья в непереработанном виде. Например, 87% мехового сырья, 74% хлопка-волокна, 76% мытой шерсти, 88% шерстяных и хлопчатобумажных тканей. Все это, естественно сопровождалось огромными финансовыми, транспортными и многими другими расходами [206]. Но главное в концепции единого народнохозяйственного комплекса СССР было то, что нигде в союзных республиках советское государство сознательно не создавало производств с полным технологическим циклом: сырье-переработка-готовое изделие. Экономисты подсчитали, что все союзные республики были связаны между собой более чем 5-ю миллиардами экономических связей, в основном искусственных.

Сырье и квалифицированные кадры рабочих и инженеров для машиностроительных заводов Кыргызстана завозились из других регионов СССР ввиду намеренного отсутствия на местах целенаправленной и продуманной системы вовлечения коренного населения в промышленное производство, особенно в отрасли, определяющие научно-технический прогресс. В результате сложилось положение, когда на многих машиностроительных заводах удельный вес рабочих коренной национальности составлял 5-8%. А в целом во всей промышленности республики рабочих и служащих кыргызов в 1977 г. было 15,5% [207, с.189]. В 1970 г. Кыргызцы среди всего населения республики составляли 43,8%, из них только 14% проживало в городах. Прирост городского населения в республике в значительной мере происходил за счет внешней миграции.

Однако, здесь необходимо иметь в виду отсутствие навыков технокультуры у коренной национальности, которые до известного времени не были приобщены к культуре промышленного труда.

Прибывавшие в Кыргызстан из различных регионов СССР квалифицированные и высококвалифицированные кадры, в первую очередь обеспечивались жильем и другими благоприятными условиями для социальной адаптации, что естественно создавало определенную базу для межнациональных противоречий. Аграрные Ошская и Джалал-Абадская области Кыргызстана и северные районы страны представляют собой абсолютно различные в хозяйственно-культурном плане территории. Эти различия четко проявлялись и в советское время. Север страны в большей степени тяготеет к казахским степям, образуя с ним, по мнению Г. Ситнянского, «Евразийскую общность» в противовес остальной оседло-мусульманской Средней Азии [208]. Во всей стране повсеместно утвердилось верховенство партии (КПСС), взявшей на себя функции непосредственного вмешательства во все сферы общественной жизни. Партийные руководители на

местах превратились в единовластных наместников, послушно исполнявших указания из центра.

На фоне развития тяжелой промышленности особенно заметно стало отставание отраслей легкой промышленности. В результате недостаточного внимания к вопросам реконструкции массовая продукция легкой промышленности не отличилась высоким качеством. К началу 80-х гг. экстенсивный путь развития промышленности исчерпал свои возможности. Условия дальнейшей эволюции требовали коренных преобразований самой основы производственных отношений. Сельское хозяйство также продолжало развиваться экстенсивным путем, основное внимание уделялось не качеству произведенной продукции, а его валовому количеству. В результате себестоимость сельскохозяйственного производства неуклонно повышалась. Местные партийно-государственные органы мало заботились о таких экономических показателях, как повышение производительности труда, снижение себестоимости продукции, получении прибыли. К середине 80-х гг. стало очевидным, что СССР окончательно увяз в экономическом, социальном и политическом кризисе, а принципы командно-административного управления вошли в противоречие с новым требованием времени.

В 1988-1989 гг. в Кыргызстане, как и во всем СССР, возникла новая противоречивая ситуация. Если раньше все инициативы исходили «сверху», то теперь ее проводниками стали «низы» - активно действующие народные массы и общественные организации. Ускоренными темпами проходил процесс политизации общества [209, с.149]. Весной 1989 г. в Кыргызстане усилилось национальное движение. В июне 1989 г. кыргызская молодежь стала в массовом порядке самовольно занимать земельные участки на юго-восточной окраине столицы. Для партийно-советского руководства республики это было шокирующей неожиданностью. Чтобы сообща решать свои проблемы, самозастройщики объединились в общество «Ашар». В городе Оше кыргызская молодежь создала общественное объединение «Ош аймагы» и потребовала от властей предоставить им для застройки земли пригородного колхоза им. Ленина, среди работников которого преобладали узбеки [210, с. 99-100]. В ответ узбекская молодежь создала общественное объединение «Адолат» и выдвинула требования создания автономии и придания узбекскому языку статуса государственного [211].

Первые всплески национализма в Кыргызстане относятся ко второй половине 1980-х гг., но они, по мнению американского исследователя Ю. Хаски из Стетсонского университета во Флориде, были вызваны не гласностью и перестройкой, а безработицей и неполной занятостью населения: к концу 1980-х гг. в республике проживало не менее 110 тысяч человек (особенно деревенская молодежь), а в 1991 г. – 140 тысяч безработных. [212, с. 359]. Не находя работы в городе, безработные селились на окраинах городов, захватывали земли, что привело к известным событиям в южных кыргызских городах: Оше, Узгене. Истоки конфликта уходят в историческое прошлое двух народов, а возникшие в тот период разногласия касались недовольства кыргызов монополией узбеков на местных рынках, а со стороны узбеков –

возраставшим кыргызским влиянием в управленческих структурах. Недовольство у кыргызского населения вызвала и идея создания узбекской автономной области в составе Кыргызской ССР. [213, с.46]. Таким образом, недостаточность и несвоевременность мер по решению накопившихся в республике социальных проблем и противоречий сказались и в других сферах общественной жизни. Все это привело, в конце концов, к массовым столкновениям и кровопролитию.

Летом 1990 г. в пригороде города Оша возникло движение за получение земельных участков под частное жилищное строительство, которое переросло в противостояние жителей кыргызской и узбекской национальностей, особенно среди молодежи. Исследователь Ж. Сааданбеков считает, что вместо того, чтобы правильно и адекватно оценить создавшуюся ситуацию и соответствующим образом разрядить напряжение, партийно-государственное руководство проявило беспечность, равнодушие и бюрократическое упорство. Корнями конфликта являлись проблемы собственности на землю. Ведь земля, особенно орошаемая пашня и в Кыргызстане, и в Узбекистане имеет ценность без преувеличения сказать сродни вопросу жизни и смерти [214, с.174, 333, 392].

Накалу страстей, перешедших в открытые столкновения молодежи двух национальностей, послужили и политическая неопытность, неустойчивость мировоззренческих позиций неформальных организаций «Ош аймагы» и «Адолат», объединяющих соответственно кыргызскую и узбекскую молодежь. Самым непростительным было то, что проживающие в Оше некоторые вроде бы умудренные жизненным опытом ветераны войны и труда вместо того, чтобы примирить разошедшуюся молодежь, подстрекали горячие головы к кровопролитию. Это подтверждает письмо группы 23 аксакалов-ветеранов узбекской национальности из г. Джалал-Абада Ошской области в союзные и республиканские власти от 2 марта 1990 г [215, с.41]. В письме на основе сфабрикованных фактов о том, что большинство населения области составляют узбеки, подвергаемые невыносимым притеснениям, было выдвинуто предложение образовать в составе Кыргызской ССР Ошскую автономную область, якобы для защиты в этом регионе национального равноправия. Все это четко выявляет большие межнациональные противоречия в республике, которые были заложены еще во времена национального размежевания. И именно этнический и языковой факторы сыграли заметную роль в развале СССР.

Ошский межэтнический конфликт открыл совершенно новую полосу в общественно-политической жизни Кыргызстана. Потрясенная страна вдруг увидела всю глубину пропасти между коммунистической риторикой и реальной действительностью. Декларируемые стабильность и благополучие оказались застоем, порядок и дисциплина – хаосом. На поверхность вышли давно назревавшие противоречия, дают знать о себе как деформация далекого прошлого, так и травмы недавнего времени. И правящая верхушка, и общество в целом оказались не в состоянии в полной мере понять и адекватно оценить подоплеку этой трагедии. В ней причудливо переплетались движения масс и

личные амбиции, умные расчеты и банальное невежество, борьба политических элит, республик и Центра, открытое или тайное внешнее вмешательство, давление социальных и экономических интересов, либо даже криминальных структур, жажда наживы и стремление к социальной справедливости [216, с.10-15]. 31 августа 1991 г. сессия Верховного совета Кыргызской ССР приняла «декларацию о государственной независимости республики Кыргызстан», которая торжественно провозгласила, что Кыргызская Республика является независимым суверенным демократическим государством. В обстановке гражданского подъема 12 октября 1991 г. всенародным голосованием А. Акаев был избран президентом Кыргызской Республики [217].

2 СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ РЕГИОНАЛЬНЫЕ РАЗЛИЧИЯ В УКРАИНЕ И КЫРГЫЗСТАНЕ

Современная социокультурная ситуация характеризуется расширением взаимодействия и взаимовлияния культур, и сегодня невозможно найти этнической общности, которая не испытала бы на себе влияния как со стороны отдельных культур, так и со стороны глобального пространства. С другой стороны, народы находят все больше средств, чтобы сохранять свой самобытный облик. Теории модернизации общества актуализируют аспект макроэкономической стабилизации, но при этом оставляют в стороне социокультурные и гуманитарные предпосылки формирования стратегии реформирования всех сторон жизнедеятельности. Исследование культурного разнообразия требует специальных механизмов и средств познания, ибо общество, как наиболее устойчивое и в то же время статичное образование, сохраняет инварианты своего существования в виде социальных институтов и традиционных установок, которые не поддаются стремительной «ломке».

Кардинальная смена способов бытия всегда требует новых типов жизнедеятельности, как на индивидуальном, так и на общественном уровне. Так, менталитет, макроэкономическая программа и власть предстают как самые важные сферы жизнедеятельности человека, своего рода неотъемлемые атрибуты социальной трансформации. Через призму данных структур можно актуально проанализировать социальное время, экстраполированное как прошлое, настоящее и будущее [218, с. 47]. Новые условия жизнедеятельности в постсоветское время требуют формирования критически мыслящей личности, адекватно воспринимающей свободу, которая венчает иерархию сущностных сил человека.

Истории человечества известны примеры, когда менталитет нации выступает условием успеха государства, его «пятым элементом» (квинтэссенцией) [219]. Менталитет этноса можно охарактеризовать как «коллективно формируемые в общественном строе интеллектуальные и эмоциональные особенности мышления и психики, которые присутствуют у всех членов этого общества и проявляются на индивидуальном уровне. Если на уровне бессознательного выбор совершается на базе архетипических форм и проявляется в инстинктах и импульсах, то менталитет диктует ориентир выбора на основе «наученного поведения», совокупности навыков и привычек, которые прививаются коллективом в ходе воспитания, образования и т.д.» [220, с.47].

Как состояние организма зависит от качеств состава воздуха, поступающего в него, подобным же образом от характера и направленности ментальной духовности зависит качественное состояние в сферах культурной, политической и иной жизни страны [221, с.51]. Обращение к менталитету имеет социокультурный смысл, поскольку позволяет отчетливо осознать сущность и своеобразие развития культуры и общества. Исследование этого феномена, кроме теоретического значения, имеет и практический смысл для политиков, экономистов, менеджеров, психологов, историков, философов, культурологов, педагогов, переводчиков [222, с.64].

Региональное социокультурное пространство обладает высокой степенью устойчивости при определенных колебаниях и очертаниях государственных и административных границ [223]. Связывают в единое региональное целое не столько границы, сколько возникший на естественно-природной основе социум. Еще в начале XX века Г. Зиммель пришел к выводу, что «граница – это не пространственный факт с социологическим эффектом, но социологический факт, который пространственно оформляется» [224, с.599]. В рамках этого пространства протекают процессы смещения и синтеза хозяйственных, языковых, расовых и этнографических компонентов. В отличие от территориальных образований микроуровня регион обладает более высокой социокультурной устойчивостью [225, с.55]. Как не однозначны регионы, так неоднозначны и образы регионов. В общем случае выделяются четыре трактовки: 1) психологическая (образ в «голове»); 2) социологическая; 3) культурная и 4) лингвистическая. Каждая из них соответствует определенному уровню «существования» пространственных представлений.

Носители специфических «коллективных представлений» (по Э. Дюркгейму) хотя и неравномерно распределяются по территории страны, тем не менее, не консолидированы в замкнутые и непроницаемые территориальные анклав, и дисперсно присутствуют в пределах наличных административных единиц. Количественное преобладание носителей определенных «коллективных представлений» - без превращения их во внутренние диаспоры – и предопределяет социокультурную регионализацию той или иной страны. При этом подобные региональные отличия, т.е. обособленные конstellации исторически сложившихся несовпадений, а иногда и несовместимостей – в образе и стиле жизни, в восприятии и оценке окружающего мира – воспроизводятся довольно устойчиво [226, с.37].

2.1 Вопрос национальной идентичности в Украине и его влияние на региональное сотрудничество

Вследствие специфики исторического и социокультурного развития Украины, в силу которого это государство формировалось под влиянием, по крайней мере, трех разных традиций: российской, условно «европейской» (имеется в виду пребывание значительных территорий Украины в составе Австро-Венгрии, Польши, Чехословакии и т.п.) и «восточной» (нельзя забывать о влиянии Османской империи, которое определенное время имело место в украинской истории). Поэтому объективно разными для отдельных регионов являются языковые, культурные, политические и экономические приоритеты. Из-за наследия советского прошлого и расходящихся историй иностранной оккупации в восточной и западной Украине страна получила в наследство лингвистическую и культурную раздробленность.

Ментальность украинского народа формировалась под влиянием сложных исторических процессов и обстоятельств. Основную роль сыграло геополитическое расположение Украины на перекрестке исторических путей с Востока на Запад и с Севера на Юг. Это обстоятельство обусловило странное соединение западной (активно-рационалистической, индивидуалистической

направленности) и восточной (пассивно-созерцательной, направленной на высшие истины) ментальности. Независимая Украина существует с 1991 г., но население страны за это время так и не стало нацией в европейском понимании этого слова, «государством-нацией», жители которого ощущают себя единым сообществом.

Происходящий ныне раскол украинского общества наблюдается почти по всем определяющим показателям: ценностно-мировоззренческим, культурно-языковым, политико-идеологическим, конфессиональным, межэтническим и региональным. Сегодня Украина представляет собой конгломерат разнородных областей со своей спецификой в демографическом и языковом составе, разными культурами, а также с разными экономическими условиями. На Украине сохранилось размежевание между западными и восточными областями, что соответствует исторической линии раскола между Православием и Католичеством. Традиционный водораздел прослеживается в оценках респондентов Запада, с одной стороны, с другой – Восточного и Южного регионов страны. На Западе стабильно с 2000 года преобладает предпочтение сотрудничества с ЕС. А жители Восточного и Южного регионов в большинстве своем убеждены в приоритетности контактов с Россией. В марте 2009 года на Западе страны пропорция сторонников при ориентации контактов с ЕС и с Россией составили примерно 7:1, а на Юге наоборот 1:7. На Востоке соотношение симпатий отношений с ЕС и РФ – 1:4. Стоит заметить, что именно на Юге за последнее время (декабрь 2008 – март 2009 гг.) заметно сократилось число сторонников контактов с ЕС – в марте 2009 г. оно достигло минимальной за весь период исследования отметки – 9,5%. Соответственно, резко возросло число пророссийски настроенных респондентов [227].

После 1991 г. Украина, как остальные постсоветские государства, должна была найти образ прошлого, санкционирующий ее нынешнюю политику и цели, выполняющий интеграционную функцию для ее жителей. Как справедливо отметил Марк фон Хаген, встали вопросы: какого формата должна быть политическая история Украины? Должны ли гражданство и история принадлежать исключительно этническим украинцам или быть открытыми для всех этнических групп на территории современной Украины? [228, с. 40-45]. Процессы развития Украины и украинской нации далеки от завершения, и первыми, кто это признает, - сами украинские националисты.

Региональные идентичности представляют собой важный аспект современной духовной жизни украинского общества. Какие же факторы оказывают влияние на поддержание и развитие этих идентичностей? Во-первых, это, конечно, то, что можно назвать общей аморфностью «украинской идеи». Сегодня в Украине активные дискуссии ведут представители двух подходов к понятию «украинской нации»: политического и этнического. Одни говорят о том, что в основу понимания украинской нации должен быть положен принцип гражданства, и не следует лишать представителей разных языков и национальных групп их этнических идентичностей, другие настаивают на том, что именно осознание себя украинцем – не только в

гражданском, но и в этнокультурном смысле – может быть основой современной нации.

Как полагает в своей работе Н. Панина, «различение, вплоть до противопоставления, «запада» и «востока» в Украине одинаково легко производят как рядовые граждане, так и эксперты и политики. Ценностно-символическая напряженность и нескрываемая конфликтогенность подобного различения носят по преимуществу радикальный характер. И потому оно обрело форму устойчивого стереотипа, на бытовом уровне насыщенного взаимно неприемлемыми и плохо сглаживаемыми эмоциональными инвективами. Было бы упрощенным зачислять этот стереотип в разряд предрассудков и предубеждений, основанных на недостатке информации или исторических заблуждениях. Его генезис более сложен, а функции более многочисленны [229, с.70].

Исследование национальной идентичности в современной Украине приводит авторов к необходимости анализа комплекса социальных качеств и чувств, присущих украинскому народу [230, с.49-52]. В своей работе М. Тульский приводит мнение А. Колпакиди, «проблема в том, что двадцать лет назад Украине была навязана «концепция Грушевского». Эта концепция ложная, основанная не на истории, не на фактах, а на мифах о существовании некоего отдельного украинского народа со своей государственностью. Вот основа» [231, с. 58]. По словам М.Тульского, «что касается национальной культуры, то материальная ее составляющая в различных районах Украины сильно отличается: например, традиционный украинский мужской костюм с шароварами распространен в Киевской, Полтавской и других Центральных областях, в Западной Украине никогда не носили шаровары, традиционный костюм Полесья, больше напоминающий белорусский, Закарпатья – венгерский и словацкий, Буковины – румынский и молдавский. Подобные же различия существуют между традиционным жилищем в различных районах Украины [231, с.60]

Говоря о «Галицийской модели» развития Украины, В. Цымбурский отмечает, что «Это оплот той модели этнического самосознания украинцев, которая мыслится как дистанцированная от «москальства». Они располагают относительно слабым экономическим ресурсом, но политически чрезвычайно активны. Этнически здесь сосредоточен наибольший процент собственно украинского населения, часть православного, часть – униатского, к тому же «приправленного», заметным польско-католическим элементом, а также венграми, румынами, словаками и представителями других народов, родина которых лежит в Европе» [232, с.47]. Как утверждает эксперт В. Лукацкий, страны, которые не осознают значения механизмов реинтеграции социума, воссоздания общенациональной идентичности, а также собственной миссии в мире, обречены на потерю международной конкурентоспособности. В таких странах автоматически активизируются «вирусы» дезинтеграции, а исторически обусловленные различия начинают переходить в режим поляризации [233, с.58].

В западных областях страны сильны позиции украинского национализма. В южных (Одесса, Николаев, Херсон), в Крыму, а также на востоке страны (Донбассе, Харькове, Луганске) велика доля русского населения. Здесь исторически крепче связи с Россией, существует явное тяготение к ней. Регионализм и различия в этническом составе населения и в этнокультурных особенностях исторических областей Украины создают фон и исключительную сложность социально-культурной ситуации страны.

Одной из проблем Украины на пути ее всесторонней модернизации является формирование гражданского общества. Однако существует сугубо украинская общественно-политическая специфика: 1) региональный раскол Украины, проходящий по линии культурно-ценностных различий; 2) разнонаправленность внешнеполитических ориентаций граждан Украины из разных регионов страны; 3) интенсивное внешнее вмешательство во внутренние дела Украины. Под воздействием региональной поляризации разные регионы и региональные элиты отстаивают различные версии государственного устройства и различные основания национальной идентичности. Региональная поляризация Украины приводит к формированию на Юго-Востоке и Западе страны относительно изолированных друг от друга двух гражданских сообществ, когда юго-восточный регион в значительной степени ориентирован на современную городскую индустриальную культуру, преимущественно русско-культурную или смешанную украино-русскую. Гражданские инициативы запада Украины и представителей западного региона в Киеве имеют противоположную направленность и сосредоточены вокруг ограничения действия русского языка, ограничения русско-культурного продукта, продвижения в Украине идеи евроатлантической ориентации, украинских этнических и культурно-исторических ценностей. Отдельной и важной темой является формирование и культивирование отдельной от остальной страны галицийской культурно-языковой идентичности. Влиятельные общественные объединения и гражданские инициативы данного региона занимаются укреплением у населения западного региона галицийских культурных и религиозных традиций, представления о себе, как об особой культурно-языковой и конфессионально-религиозной общности.

Как утверждает Р. Лозинский, украинцы как этнос - слабые, прежде всего потому, что они слабо консолидированы, у них нет единства. Есть две важнейшие причины, которые обусловили отсутствие консолидации у украинцев: во-первых, консолидация украинского этноса была замедлена тем, что украинцы никогда по настоящему не имели своего государства, которое бы, как это было у развитых европейских наций, в чем-то за счет объективных общественно-политических и экономических процессов, в чем-то силовыми методами, обеспечила объединение населения в крепкий этнос.

Во-вторых, консолидацию украинского этноса постоянно задерживало географическое соседство со степной зоной. Близость степи постоянно сдерживала структуризацию этноса, поскольку требовала расходов материальных и человеческих ресурсов на устранение угрозы нападения кочевых орд. В последней четверти XVIII столетия консолидационные

процессы в Украине вообще были нарушены и деформированы необходимостью широкомасштабной колонизации причерноморских и приазовских степей. На колонизируемых землях этногенетические процессы имеют принципиальные особенности, и, в частности, в значительной мере определяются экономическими и политическими факторами. Уникальность Украины заключается в том, что на ее территории реализовывались в одно и то же время две схемы этнического развития: традиционная и колонизационная [234, с.67].

Р. Шпорлюк убежден, что в свое время результатом превращения Галиции в Украинский Пьемонт был едва ли не сознательный выбор. Он ставит вопросы: «Почему же галичане, задаваясь он вопросом, решив, что они не должны быть поляками, и в то же время, отвергнув русский вариант, не захотели стать отдельной Галицийской нацией? Что побудило их вместо этого стать небольшой частью Украины? Во-первых, Украина обладала культурными ресурсами, которых недоставало культурно обедненным и социально приниженым русинам Галичины для борьбы с Польшей. Во –вторых, соединившись с Украиной, галичане становились членами куда большего народа, чем польский. Не объединившись с Украиной, галицийское общество могло стать лишь маленькой нацией, не большей чем словаки или литовцы. По-видимому, именно то, что Украина предоставила им наилучшую возможность выжить как Нация в борьбе с поляками, смогло привести к союзу католиков-галичан с православными Востока Украины против католиков-поляков [235].

Д.В. Табачник противопоставляет восточных украинцев (которых причисляет к «русским» в широком смысле) - западным (галичанам) как два разных этноса («цивилизационных оппонентов»), считая, что такое разграничение поддерживается и навязывается, в том числе и самими галичанам. С его точки зрения, «галичане практически не имеют ничего общего с народом Великой Украины ни в ментальном, ни в конфессиональном, ни в лингвистическом, ни в политическом плане». Он полагает, что лучшей для Украины ситуацией было бы вхождение Галичины в СССР как самостоятельной республики или ее «безболезненное» возвращение Польше в 1945 году. Автор считает украинское государство в его современном виде нежизнеспособным: «современное украинское государство по перспективам выживания сравнимо с Польшей 1939 года» [236].

Его политические оппоненты (партия «За Украину!»), а также ряд деятелей украинской культуры на основании этих и ряда других высказываний обвиняют Табачника в украинофобии и причисляют к врагам украинской культуры [237]. Д. Табачник представляет Галичину как угрозу для всей Украины [238].

В немалой степени самосознание жителей Юго-востока замешано на воспоминании по культу рабочего класса и технической интеллигенции, господствовавшей в советское время, одним из «двигателей» которого был украинский Юго-восток. Именно здесь располагалось то, что принято считать советской «кузницей кадров». В независимой же Украине, идеология в значительной степени ориентирована на аграрный тип культуры и самосознания, больше свойственный западной Украине. Юго-востоку с его

историей, героями и трагедиями не находится места в современной украинской идеологии, черпающей вдохновение в пасторальном национализме XIX века или в националистическом самосознании ОУН – УПА. Как указывает А. Мальгин, «Юго-восток отличается как исторической судьбой, так и характером освоения территории, результатом чего стал специфический состав и культура населения... Это наиболее поздно освоенные земли. Они в наименьшей степени связаны с наследием Речи Посполитой и в наибольшей – с наследством Российской империи и особенно Советского Союза». «Юго-восток был присоединен и освоен лишь в конце XVIII в., он приобрел свой культурно-экономический характер в конце XIX – XX вв., что было следствием глобальной индустриализации. Здесь доминирует индустриальный и научно-технический тип культуры и господствует русский язык – язык имперской и советской индустриализации и технического прогресса XX века» [239, с. 123]. Определяющим для поддержания самостоятельной Юго-восточной идентичности является, таким образом, ее полная несовместимость в строго-этническую украинскую культуру. Если западноукраинский регионализм это национал-регионализм, порождаемый ощущениями своеобразной «гиперукраинскости», то восточный регионализм питается как раз слабостью национальной этнической самоидентификации [240, с.192].

Этот регионализм возникает, как результат стремления отгородиться региональными границами (прежде всего культурными, ментальными) от чуждых и непонятных идей, а не навязывать свои представления другим. Региональное самосознание Юго-востока вследствие этого носит «реактивный», «оборонительный» характер, оно питается не столько собственными оформленными конструктивными идеями, сколько неприятием извне. Это в конечном итоге предопределяет его слабость.

В середине 90-х годов российский политолог Е. Морозов предложил теорию, которую сегодня вполне можно приложить к объяснению конфликта «двух Украин». Согласно его концепции лидирующая роль в развитии большой «русской цивилизации» принадлежала в разное время различным субэтническим группам. В начале, в период складывания протовосточнославянской общности это были «карпаторуссы», в эпоху, предшествующую образованию Киевской Руси, инициативу перехватили «червоноруссы» (их потомки – современные Галичане), затем лидирующая роль перешла к «малороссам» - создателям Киевской Руси, наконец, на целый ряд столетий вершителями судеб этой цивилизации оказались «великоруссы». Однако и они утратили постепенно свой энергетический потенциал. Теперь, считает Морозов, есть основания полагать, что лидирующая роль в «русском мире» переходит к новым пассионариям, и соответственно к новому региону, он так и называется – Новороссии [241, с. 16-28].

С. Дацюк выделяет три важнейших геополитических вектора в политике Украины. «Юго-западный вектор» (Ивано-Франковск – Львов) – это вектор влияния на культурные и религиозные процессы в стране; «Юго-восточный вектор» (Днепропетровск – Донецк) – это вектор влияния на экономические решения; «Южный вектор» (Одесса – Крым) – влияние на сепаратистские и

автономные тенденции в украинской политике [242]. Традиционно же в Украине выделяют пять-шесть регионов, в том числе: Западный, Западно-центральный, Восточно-центральный, Восточный, Южный и АРК. Такое условное разделение определяется не только социокультурными особенностями регионов, но и характерными признаками региональных политических режимов. Регионы Украины разделены на сферы влияния финансово-промышленными группами с политическими надстройками – партиями. Именно уровень сращивания бизнес-групп с административным ресурсом и партийно-политическими образованиями и является разным в различных регионах.

Начиная с выборов в Верховный Совет Украины 2002 г., уже четко прослеживается регионализация их влияния. Можно говорить о партии Регионов на востоке страны, СДПУ (о) в Закарпатье, партии «Единство» в Киеве и т.д. Выборы 2004 г. и особенно 2006 г. уже четко кристаллизировали это влияние, хотя произошла и своеобразная дифференциация регионов Украины по степени податливости населения административного ресурса. Так, во Львове он совсем не сработал, а в Донецке действовал почти на 100% [243, с.32]. Региональные особенности становятся наиболее очевидными во время избирательных кампаний, когда основные политические игроки используют регионализм как орудие в борьбе за избирателя. В Украине объективно существуют сплошные массивы стойкого наложения региона, их политических симпатий, которые наиболее характерно проявляются во время выборов и языковой практики. В этом наложении скрыты потенциальные предпосылки противостояния, которые усиливаются наличием двух политически активных центров, которые и отображают культурно-политическую поляризованность украинского общества [244, с.59].

С точки зрения политической силы Восток и Запад Украины примерно равны друг другу. Но речь идет о равенстве сил, разных по своей природе. Русскоязычные восточные и южные регионы отличаются большей населенностью, что теоретически должно было бы в условиях демократии обеспечивать победу политических сил, базирующихся именно там. Кроме того, в экономическом отношении восточные регионы более развиты. Но численное превосходство и экономический потенциал Востока уравниваются рядом других факторов.

Во-первых, западные регионы политически активнее, здесь всегда был большой процент голосующих и вообще, более насыщенная политическая жизнь. Во-вторых, в условиях создания национального государства региональная специфика Востока превращается в его слабость. Русскоязычная и исторически связанная с Россией, но все же отнюдь не русская и не примитивно «пророссийская», восточная часть Украины в процессе национально-государственного строительства неизбежно предстает как консервативная и обороняющая сила [245]. У нее нет альтернативного национального проекта, который, например, в определенной мере присутствует у русского населения Крыма, она не стремится «уйти» от Украины и не отрицает украинское национальное государство. Однако, те, кто не отрицает

украинской государственности, но при этом хорошо говорит по-русски и плохо по-украински, естественно оказываются социально-психологически более слабыми по сравнению с «настоящими» украинцами с Запада страны. Эти факторы сводят на нет численное превосходство Востока.

Противостояние Востока и Запада Украины стало эффективным стимулом перерастания изначально социокультурного раскола (с одной стороны – на запад и отчасти центр, с другой стороны – на восток и в значительной мере на юг) в форму ключевого политического размежевания. Главной жертвой украинского самоопределения (в форме ярого национализма) стал Восток страны. Именно восточная часть, Крым и Новороссия, все эти годы вызывала опасения у сторонников украинизации.

Как полагает П. Кутуев, политическая борьба в Украине ужесточается тем, что между основными политическими силами отсутствуют принципиальные отличия в сфере подходов к политике, касающейся повседневной жизни граждан Украины. Основными яблоками раздора между политическими игроками стали столкновения декларированной ориентации Партии Регионов на Россию с прозападной риторикой президента В. Ющенко, а также конфликт о придании русскому языку статуса второго государственного [246].

В январе 2008 г. губернатор Харьковской области Евгений Кушнарев заявил: «На любой выпад у нас есть достойный ответ – вплоть до самых крайних мер. И я хочу напомнить горячим головам под оранжевыми знаменами: от Харькова до Киева – 480 км, а до границы с Россией – 40! Мы понимаем, что Восток имеет серьезнейшее отличие от Галичины, мы не навязываем Галичине наш образ жизни, но мы никогда не позволим Галичине учить нас, как нужно жить! [247]. В. Жириновский отметил: «Видно, что это две Украины – западная, это то, что входило в Австро-Венгрию, Польшу... и Восток – это Россия. Донбасс Сталин подарил, Крым – Хрущев, там, в основном русское население. Поэтому идеальный вариант – это Львов столица Украины, все остальное – назад, в Россию, - 8-й или 9-й федеральный округ» [248].

С. Хантингтон объясняет возможность раскола украинского общества влиянием цивилизационного фактора. По территории Украины проходит линия разлома цивилизаций, вызванного Берестейской унией 1596 года. Более 400 лет Правобережная Украина существовала в составе европейских государств и впитала государственно-управленческие традиции, основанные на ценностях католицизма и протестантизма. Столько же времени жители Левобережной Украины испытывали на себе смесь коллективистского этатизма с азиатским деспотизмом московских самодержцев [25,с.192]. Это цивилизационное отличие между двумя историческими модусами украинского этноса не могло проявить себя в тоталитарном сталинском государстве, но вполне закономерно вырвалось на поверхность в Украине независимой. Запад Украины – слабый экономически, незыблемо антироссийский, пронатовский, украиноговорящий, униатский, националистический, радикально самостоятельный – является электоральной базой националистов. Центр – экономически среднеразвитый, не про- и не антироссийский, украино-суржико-говорящий, православный (УПУ

МП и УПУ КП), равнодушный к вопросу вступления в НАТО, скорее самостийный. Юго-Восток – экономически сильный, пророссийский, резко антинатовский, русско-суржико-говорящий, православный (УПУ МП), к украинской самостийности равнодушный.

Результаты исследования «Украина: образы регионов и межрегиональные отношения» выявили неопределенность образа Западной Украины в сознании жителей Донбасса. С одной стороны, Западную Украину достаточно часто отождествляют с Правобережной Украиной. С другой стороны, положение меняется, когда люди начинают задумываться о критериях отнесения тех или иных территорий к Западной Украине. В качестве таковых чаще всего называют преобладание украинского языка, особую историю, близость к Польше (влияние польского языка и культуры, особенно католицизма) [249]. В 2007 г. в кросс-региональных исследованиях «Украина: образы регионов и межрегиональные отношения» обнаружилось, что 65,5% опрошенных жителей г. Луганска рассматривали Донбасс как регион, вынужденный защищать свою специфику и право жить в соответствии со своим способом жизни. Галичину же 62,1% респондентов в Луганске назвали агрессивным регионом, который стремится насадить свои порядки по всей стране. Во Львове же Галичину рассматривали как защищающийся регион – 45,4% респондентов, а Донбасс назвали агрессивным регионом – 68,9% жителей Галичины [250].

Р. Медведев полагает, что острота «объясняется тем, что вопрос ставится на национальной почве. Украина раскололась в значительной мере по проблемам, связанным с культурой и языком. На Востоке Украины живет почти 10 миллионов этнических русских, которые считают себя людьми русской культуры и которые вообще являются как бы украинскими русскими. И в той же части страны живет около 10 миллионов русских украинцев, т.е. украинцев, которые в значительной мере ассимилировались за годы Советского Союза и даже Российской империи, которые говорят на русском и которые привыкли развиваться как культурные люди в русскоговорящей среде. А западная часть Украины – это, прежде всего украинская культура и украинский язык. И они рассматривают русский язык как конкурента, соперника. Они не хотят мыслить себя в пространстве русской культуры. В какой-то мере исторические причины толкают их на определенную враждебность по отношению к России и к русской культуре. Вот эти проблемы во всем мире решаются очень болезненно. Когда вопрос стоит о национальной идентификации, когда стоит вопрос о том, на каком языке воспитывать, обучать детей, на каком языке смотреть телевидение, слушать радио, читать книги – это вопросы очень чувствительные» [251].

Опрос общественного мнения в декабре 2009 г. показал, что в западных областях положительно относятся к России – 32% опрошенных, безразлично – 31%, отрицательно – 28%. Но уже в Центре страны хорошо относятся к России – 73% респондентов. На Востоке и юге страны число тех, кто относится к российскому государству с симпатией – до 89%. На начало февраля 2011 г. половина жителей Украины – 50%, оценивали украинско-российские межгосударственные отношения как хорошие и добрососедские. В

региональном разрезе количество позитивных оценок межгосударственных отношений двух стран возрастает с Запада (29%) на Юго-Восток (63%) [252].

Особое место в системе ценностей занимает языковой плюрализм. Любые притеснения языка бессознательно воспринимаются как надругательство над базовой ценностью социального сообщества. Украинские политики считают языковой вопрос одним из самых спорных в стране. Об этом пишет британское издание «The Christian Science Monitor». По его мнению, языковая проблема раскалывает Украину. «Государственный язык Украины – украинский, но для каждого третьего гражданина страны, родной язык – русский. Президент Ющенко склонялся к националистической точке зрения. Предположение, что русская речь – признак «ненастоящего» украинца, заставляет русскоязычных чувствовать себя гражданами второго сорта» Число тех, кто считает единственным родным языком – украинский, в западных областях приближается к 100%. Уже в Центре таковых – 53%, а на Востоке и Юге – от 20 до 38% [253].

Начиная со становления Украины как самостоятельного государства, не прекращаются политические дискуссии по поводу статуса русского языка в стране. Все эти годы этот вопрос служит одним из эпицентров противостояния властных структур и общественного мнения. Часто проблема русского языка служит лишь спекулятивным политическим целям во время предвыборных кампаний, по окончании которых она вновь перестает затрагиваться [254].

В учебниках и методических пособиях появились специальные разделы под названием «Русификация». Характерно, что если прежде этот термин в работах украинских историков использовался только применительно к политике царского правительства, то в новых постперестроечных учебниках он непосредственно характеризует советскую национальную, языковую и культурную политику. Для большего эмоционального воздействия на школьников в учебники переключивалась публицистическая метафора «духовный Чернобыль» [255, с.69]. Таким образом, одним из значимых факторов, влияющих на возникновение регионализма в Украине, является язык. На Юго-востоке, прежде всего в городах, русский язык служит практически единственным средством общения, в то время как в Центре господствует устойчивое двуязычие. Западные же регионы – украиноязычны. Подобная картина сама по себе способствует сохранению ментальных различий. Однако она усугубляется политикой государства в области функционирования языков. Трудно найти, по мнению М. Рябчук, какую-либо зарубежную работу о сегодняшней Украине, которая бы не напоминала о существенных языково-культурных отличиях между украинскими регионами, обусловленными принципиально различными историко-политическими условиями их развития [256, с. 11].

Проблема двуязычия имеет многовековые корни. Оно возникло задолго до воссоединения Украины с Россией, произошедшего в XVII веке. До того было трехсотлетнее польское господство над отторгнутой от русского государства его Юго-Западной частью. А.И. Железный считает, что «появление и развитие украинского языка нельзя датировать ранее начала действия механизма

ополячивания славянорусского языка. Несколько столетий польского господства не могли не оставить ощутимого следа в языке покоренного народа. Если бы украинские языковеды не испытывали ложного стыда перед этой объективной исторической реальностью, они легко могли бы установить этапы и темпы украинизации славянорусского языка. Автор утверждает, что «Если взглянуть на письменные памятники Западной Руси, то выявляется четкая закономерность: чем старше рукопись, тем менее язык источника напоминает украинский».

Таблица 1

Аргументы «против»:	Аргументы «за»:
<ul style="list-style-type: none"> - язык главный фактор национальной самоидентификации, основной признак этнического отличия; - в Украине отсутствуют какие-либо проблемы с использованием русского языка; - все жители Украины как единая нация обязаны знать украинский язык, ведь в случае предоставления равного статуса русскому языку значительная часть граждан будет игнорировать украинский язык, он потеряет практическое значение; - украинский этнос – основообразующий этнос украинской нации, поэтому и единственным государственным языком должен быть украинский; - русский язык – наследие колониального прошлого, а русскоговорящие жители представляют собой опасность «пятой колонны»; - придание русскому языку статуса государственного будет способствовать центробежным тенденциям на Юго-Востоке страны, провоцирующие раскол единого государства. 	<ul style="list-style-type: none"> - большинство граждан Украины (56%) поддерживают инициативу придания русскому языку статуса государственного. Их мнение непременно должно учитываться в государстве, позиционирующем себя как демократическое; - русскоговорящие граждане дискриминируются в праве пользования государственными услугами, поскольку языком судопроизводства, образования, теле- и радиовещания является украинский язык; - исторически все южные и восточные регионы Украины, формировались в условиях, безусловно преобладающего влияния русской культуры и языка, которые воспринимаются ими как родные; - международная практика показывает, что проблемы в сфере языка часто приводят к обострению межнациональных отношений и могут способствовать центробежным тенденциям в государстве (как например, во Фландрии или Квебеке), в то время как наличие официального статуса у двух или большего числа языков является распространенной практикой в современном мире; - решение языкового вопроса может стать предпосылкой преодоления раскола, существующего в современном украинском обществе, а дерусификация, проводимая в стране, может привести к эскалации конфликта на языковой почве [258].

Из этого становится ясно, что «украинизация» (а точнее «полонизация») русского языка протекала во времени довольно медленно и незаметно, а сами

люди, которые уже разговаривали на сформировавшемся «суржике» - украинском языке по-прежнему считали и называли его русским (руським) [257, с. 10.].

В 2006 году по Украине прокатилась волна событий, связанных с решениями Харьковского, Донецкого, Луганского, Николаевского, Запорожского облсоветов, а также городов Севастополь, Днепропетровск, Кривой Рог о признании русского языка региональным. Позиции обеих сторон по вопросу о статусе русского языка в украинском государстве в наиболее обобщенном виде представлены следующим образом:

В странах Запада существует три модели решения языковых противоречий: 1 – признание одного государственного языка; 2 - существование, наряду с государственным, других официальных языков в отдельных регионах страны; 3 - существование в государстве нескольких государственных языков (Бельгия, Швейцария, Андорра, Люксембург, Словения, Босния и Герцеговина, Канада, Финляндия). О реальной языковой ситуации можно судить по специализированному докладу 2010 года Киевским Центром политических исследований и конфликтологии. Если прежняя власть в гуманитарной политике руководствовалась итогами переписи населения от 2001 года, согласно которой украинский язык называли родным 67,5% граждан, а русский – 29,6%, то эксперты Центра сочли вопрос некорректным и ввели в исследование понятие «удобного языка». Это позволило выявить, что сейчас на украинском языке предпочитают общаться в повседневной жизни 39,7% граждан, на русском – 42,5% [259]. Права русскоязычного населения во времена президентства В. Ющенко, откровенно ущемлялись. Доходило до принудительной замены русских имен на украинские «варианты» в документах, удостоверяющих личность человека (так называемая ономастическая ассимиляция). Ударом по многочисленной группе молодежи был утвержденный Министерством образования и науки Украины «Порядок проведения внешнего независимого оценивания знаний» выпускников в 2010 году исключительно на украинском языке. Накануне обретения Украиной независимости в стране насчитывалось 4633 школы с обучением на русском языке. На май 2010 г. осталось порядка 1200 школ. Ежегодно около 130 школ утрачивают статус школ с русским языком преподавания. Например, 24% жителей Киева признают родным языком русский, но преподавание на русском ведется менее чем в 1% от 504 существующих в городе школ [260]. Очевидно, что шла целенаправленная политика по жесткому вытеснению русского языка. Это полностью противоречило интересам русскоязычных граждан Украины и вызывало у них недовольство.

Известный украинский журналист Калинкович считает, что «Киев стал русскоговорящим городом. Получается ситуация, при которой молодое поколение, выросшее в Киеве, с детства говорит на своем родном русском языке, но никогда его нигде не учило. Выйдя из школ и продолжая образование в вузах, они перестают общаться и на украинском языке. И довольно быстро забывают элементарные знания, полученные в школе, поскольку этим языком не пользуются нигде. В итоге через несколько лет после окончания школы мы

получаем ситуацию, когда среднестатистический киевлянин не знает никакого языка: он говорит на русском, но никогда его не учил, и писать на нем грамотно не может. А украинским языком он не пользуется» [261].

Отношение к русскому языку в разных частях страны разное. Например, Львовский Горсовет отозвал лицензию у ночного клуба Rafinad People. Причина – вечерняя программа из песен на русском языке. Теперь заведения предлагают посещать другие заведения, идеологически проверенные. В Львове уже более десяти лет действует запрет на трансляцию русских песен в местных ресторанах и кафе [262]. Противоположный шаг был осуществлен 25 мая 2010 г., когда Крымский парламент принял постановление «О реализации конституционных гарантий на свободное использование русского языка в АРК. И содействие выполнению обязательств Украины по реализации норм Европейской Хартии региональных языков или языков меньшинств». За принятие данного документа на пленарном заседании проголосовало 75 народных депутатов при одном против из 94 принявших участие в голосовании [263]. Мэр Одессы А. Костуев в декабре 2010 г. на первом заседании нового исполнительного Комитета Одесского Горсовета запретил депутатам обращаться к нему на украинском языке. Депутаты единогласно приняли решение общаться на русском. К тому же мэр потребовал, чтобы документы мэру подавали также только на русском языке [264].

В. Колесниченко утверждает, что Украина «не принадлежит одной нации», а украинское государство «создали люди, говорящие на разных языках». Однако в нынешней политической атмосфере референдум по вопросу о статусе русского языка как второго государственного на Украине может расколоть страну и усилить противоречия в обществе [265]. Таким образом, одна из главных проблем сегодняшней Украины – это ее территориальная нестабильность, которая усугубляется политикой государства в области языка. Основная особенность языковой проблемы в Украине заключается в том, что языковая идентичность жителей Украины не совпадает с этнической. Русский язык является повседневным языком не только для этнических русских, но и для значительного числа украинцев, преимущественно проживающих на Юго-востоке. Фактически русский язык на Украине является в большей степени региональным, чем национальным языком, поэтому попытки государства совместить этническую и языковую карты в Украине встречают сопротивление в регионах. Как полагает П. Симоненко, «Языковой дискомфорт с течением времени превратится в социально взрывоопасную смесь – «Этнотротил»» [266].

В Украине существуют региональные проблемы развития традиционных этнических групп (ранее депортированные крымские татары, русины и места компактного проживания румын/молдаван, болгар, венгров, гагаузов и приазовских греков). Заместитель директора Института социологии НАНУ Н. Шульга сообщил, что заметно дистанцироваться друг от друга представители разных национальностей начали с 2002 года. Это было связано, скорее всего, с тем, что украинские политики распробовали вкус «национальной идеи» и начали спекулировать на ней [267]. В одном из западных прогнозов утверждается, что в Украине имеет место «непримиримый межнациональный

конфликт». Около 12 млн. русских на Востоке и украинские националисты на Западе готовы разыграть боснийский вариант в огромных масштабах [268].

Украинская газета «День» приводит выдержки из итальянской газеты «La Stampa», которая откликнулась на события выборной кампании 2004 года в Украине следующей сентенцией, охарактеризовав конфликт как «опасный раскол между двумя Украинами – одной, представляющий русифицированный и казацкий православный Восток, и другой, представляющий европеизированный и католический Запад, который в свое время был польским, литовским, австро-венгерским» [269].

В 1993 году Минвуз Украины разослал циркуляр, в котором рекомендовал ввести в вузах страны курс научного национализма [270]. Следует иметь в виду, что определенно научного национализма быть в принципе не может. Национализм не может быть обоснован рационально, но он имеет мощнейшие корни в эмоциональной сфере личности, в иррациональном чувстве общности крови, менталитете, психологии, сознании, истории нации. Сила национальных эмоций заставляет людей действовать даже вопреки экономической и политической целесообразности. Характерно заявление О. Витовича, депутата Львовского облсовета, организатора погромов в русском культурном центре Львова, о том, что: «Борьба Киева против Москвы, Украины против России должна вестись до победного конца несмотря ни на что» [271].

Западная Украина неоднородна в своем составе. На севере это Волынь, отдельный регион, южнее Львовская область (Галиция), еще южнее Закарпатье (западный выступ) и, наконец, восточная часть Бессарабии. Все эти территории представляют собой довольно самостоятельные области. На Волыни преобладают униаты и католики, это область культурно принадлежит католическому геополитическому сектору Средней Европы. Почти такая же картина в Галиции и Закарпатье, хотя эти более южные земли представляют отдельную геополитическую реальность. Волынь исторически связана с Польшей, а Галиция и Закарпатье – с Австро-Венгрией. Бессарабские земли Украины населены смешанным населением, где малороссы и великороссы перемежаются румынами и молдаванами. Этот регион практически целиком православный и представляет собой православный пояс, наискось уходящий от Великой России на Балканы к Сербии.

Как утверждают эксперты, в столице Волыни - Луцке, русский всегда занимал достойное место. Всегда считалось в XX веке, что русский язык, это язык города. А украинский язык – это язык села. Поэтому все приезжавшие учиться, жить, работать в Луцке, начинали говорить по-русски. Однако в настоящее время русский язык почти не используется. Кроме того, из двадцати двух городских школ, только одна на русском языке обучения [272].

Эксперты считают, что Буковина, в отличие от Галиции, производит впечатление очень толерантного региона. Причем это не «плавильный котел», а скорее место, где разные народы мирно уживались. И это из-за отсутствия периодов воинствующего окатоличивания. Существует довольно противоречивая проблема русинов. Еще первый Президент Чехословакии Масарик (1918-1935 гг.) «дал вольную» русинам и возможность образовывать

свое государство – Подкарпатскую Русь. Русинство уникально тем, что представляет собой, чуть ли не единственное национальное движение у восточных славян, которое одновременно и акцентирует местные исторические и этнографические особенности и при этом признает свою изначальную русскость [273, с. 151, 154, 164]. Духовный лидер русинского движения отец Дмитрий Сидор описывает самосознание русинов: «Мы, русины, сохранили в себе русскость... Мы, русины, чувствуем себя частью русского народа, но мы не великороссы, не украинцы, мы и не белорусы. Мы чувствуем в себе древнюю неразделенную русскость... Мы понимаем, что русский народ – это некая духовная общность, которая обнимает не просто славянские народы – украинский, белорусский, русский, - но все три народа в нашем русинском понятии – это русский народ» [274].

Политическая чуждость русинства и украинства лежит гораздо глубже современных политических и социокультурных противоречий. В настоящее время на территории Западных областей Украины имеет место острый межконфессиональный конфликт между последователями Греко-католицизма, традиционного православия и автокефалистами, сопровождающийся насильственными захватами храмов, а порой и открытыми столкновениями верующих. Существует также осязаемое противоречие в казачьем, в том числе и казачийском движении. Движение это имеет трансграничный характер, охватывая большие регионы и России, и Украины, и Казахстана. Это напрямую касается донского казачества, часть земель которого находится в составе Украины (Луганская и большая часть Донецкой области). Идеология донского казачества, его возрождения – это то, что связывает приграничные области России и Украины, указывает на их общую этнорегиональную идентичность, что придает казачьей теме особый политически актуальный аспект. Это же касается и запорожского казачества, которое все больше проявляет интерес к общим процессам в казачестве России. Английский историк Ф. Лонгворт в работе «Казачья жизнь. Пять столетий бурной жизни в русских степях», исследовавший общую историю казачества с XV по XX века, приходит к выводу, что индустриализации, модернизации, репрессивные меры уничтожили идентичность казаков, от них остались лишь легенды» [275, с. 313-341]. В настоящее время в Украине примерно 20 млн. человек исповедуют православие, которое представляют в основном три ведущие конфессии: Украинская Православная Церковь Московского Патриархата (УПЦ МП), имеющая примерно 9 тысяч приходов и 15-16 млн. приверженцев; Украинская Православная Церковь Киевского Патриархата (УПЦ КП), соответственно – свыше 6 тысяч приходов и 3-4 млн. верующих; Украинская Автокефальная Православная Церковь (УАПЦ) – 600 приходов и около одного миллиона верующих [276].

Исследователь В. Трухачев полагает, что значительным влиянием в Украине пользуется католицизм. Украинская греко-католическая церковь (УГКЦ) имеет примерно 2700 приходов и 4,5-5 млн. прихожан. Римско-католическая церковь (РКЦ), соответственно – не менее 600 приходов и около 1 млн. приверженцев. При этом более 40% жителей Украины не являются

прихожанами ни одной конфессии. В то же время значительная часть этой категории граждан (около 15%) на социокультурном уровне имеет достаточно четко выраженную конфессиональную ориентацию, и лишь 255 тысяч жителей Украины твердо считают себя не принадлежащими к какой бы то ни было религии [277].

Украинская греко-католическая церковь (УГКЦ) существует на территории западных областей Украины, где ее влияние на религиозное население было практически безраздельным, до 1946 года. Эта церковь была обвинена сталинским руководством в пособничестве немецко-фашистским оккупантам, и по решению Львовского Собора 1946 г., организованного не без помощи властей, УГКЦ была присоединена к Русской Православной Церкви (РПЦ), которая стала владельцем ее храмов и церковного имущества.

История развития межконфессиональных отношений на Западной Украине определяется острым противоборством трех конфессий: РПУ, УГКЦ и ЦАПУ, каждая из которых претендует на роль истинно национальной религии. До сих пор богословы всех трех конфессий отстаивают в своих трудах тезис о том, что именно их церковь берет свое начало от киевского князя Владимира. К Греко-католической церкви принадлежат свыше трети населения Волынской, Закарпатской, Ивано-Франковской, Львовской, Ровенской, Тернопольской и Черновицкой областей. В то же время в остальных регионах страны число греко-католиков не превышает нескольких процентов. В Западной Украине существуют противоречия конфессионального развития, связанные с историческими процессами. В Буковине – это старообрядческое православие, в Закарпатье и Галиции – это преобладание греко-католиков, с вкраплениями РПУ Московского Патриархата и УПЦ КП. В восточной Украине – очень сильное преобладающее влияние остается за РПУ.

Важнейшая конфликтогенная особенность формирования государственно-конфессиональных отношений в Украине определялась тем, что конфессиональная ситуация, сложившаяся после распада СССР, потенциально содержала в себе возможность этнической политизации проблемы сохранения единства православия. Этот заряд конфликтогенности (этнополитический по своей внутренней сущности) реализовался по мере того, как набирали силу процессы суверенизации Украины и переориентации ее на Запад. Одним из наиболее проблемных регионов постсоветского пространства стал Крым, на территории которого за последние двадцать лет произошел целый ряд политических, экономических, межэтнических и межконфессиональных кризисов. Естественно, что перерастание их в конфликты может оказать серьезное влияние на соседние регионы и даже на восточную Европу в целом.

Крым является зоной политических интересов Украины, России, Турции, США и государств Черноморского бассейна. Этим государствам выгодно если и не присоединить Крым к себе, то хотя бы сделать эту территорию зоной своего влияния. Крым по своим географическим характеристикам находится на «перекрестке цивилизаций»: православно-славянской и исламской. Как утверждает Д. Николаенко, «История Крыма в российской социокультурной системе, никогда не исследовалась независимо» [278]. Причина в том, что

история Крыма стала активно формироваться после его присоединения к Российской империи. В изложении формирования крымской истории всегда закладывался строго определенный социокультурный смысл.

Как отмечает Т. Сенюшкина, «современные проблемы в сфере межэтнических отношений в Крыму во многом определяет прошлое. Разные этнические группы, проживающие на полуострове, по-разному интерпретируют одни и те же исторические события. Крымские татары претендуют на звание коренного народа и отстаивают право на самоопределение. Этнические греки считают, что первенство расселения на полуострове принадлежит им, и это действительно подтверждается историческими фактами. В свою очередь, русские, которых на полуострове большинство, утверждают, что основной экономический и культурный потенциал сформировался в Крыму во время существования российского, а затем и советского Крыма» [279]. Н.В. Багров подчеркивает, что понятие «коренной народ» для Крыма имеет относительный смысл. У большинства крымских народностей (татары, караимы [280, с.28], крымчаки, греки, армяне, болгары) есть большая Родина, связи с которой в определенный период истории были утрачены или сведены к минимуму. В результате в крымском «плавильном котле» появились новые качества и традиции, что привело к появлению приставки «крымский».

Крым является автономией, на территории которой проживают не похожие друг на друга в прошлом и настоящем, по историко-цивилизационным и государственно-политическим параметрам этнические образования. В Крыму представлены различные культурно-цивилизационные модели развития: сохраняются особенности европейской цивилизации, особое место занимает православно-славянская цивилизация, быстрыми темпами возрождается модель исламской цивилизации.

Этнополитические процессы в Крыму имеют несколько особенностей. Во-первых, в Крыму быстрыми темпами происходит возрождение культурно-цивилизационных основ исламского мира, этнокультурной самобытности крымско-татарского этноса. Э. Муратова отмечает, что «в течение последнего десятилетия Украина была охвачена процессом бурного возрождения религии. Этот процесс сопровождался резким всплеском религиозного самосознания, быстрым количественным ростом и консолидацией религиозных общин, возвращением и строительством культовых учреждений, развитием религиозного образования, формированием значительной социальной прослойки духовенства, установлением связей с представителями религиозных центров» [281, с. 174-175].

Необходимо отметить низкий уровень имплементации государственной этнополитики в Крыму в сфере управления межэтническими отношениями. Это негативно отражается на развитии социально-политической и этнополитической ситуации в АРК в целом. Эффективность усилий украинского государства по восстановлению прав и удовлетворению потребностей крымских татар и других лиц, депортированных по национальному признаку, уменьшается вследствие несовершенства законодательной базы обеспечения процесса репатриации и восстановления

прав лиц, подвергшихся депортации по национальному признаку. Из года в год существует вопрос несоответствия бюджетных ассигнований реальным потребностям по выполнению государственных программ в сфере обустройства и интеграции ранее депортированных, недостаточного уровня решения задач социокультурного развития коренных народов и национальных меньшинств в Крыму [282].

Социокультурные причины являются основными для возникновения конфликтных ситуаций в Крыму. Этноконфессиональный фактор считается главным аспектом социокультурной конфликтности. Профессор политологии и философии Йельского университета С. Бенхабиб полагает, что культура превращается в арену политических столкновений. Культура синонимична идентичности. Политика идентичности вовлекает государство в культурные войны. С. Бенхабиб приходит к выводу, что «в политическом смысле право на культурное самовыражение должно быть основано на всеобщем признании гражданских прав, и его не следует рассматривать как альтернативу им» [283 с.59]. Можно утверждать, что культура влияет на политику государства и наоборот, политика влияет на культурную сферу жизни общества. И причиной конфликта становятся два главных фактора: социокультурный и политический [284, с.77]. В конфессиональном отношении Крым – самый мозаичный регион, где в настоящее время насчитывается более 1250 зарегистрированных религиозных общин, проживает около 130 этнических групп и где наиболее динамично развиваются православие и ислам [285, с.49]. Украинское государство активно оказывает поддержку процессу возрождения православия в Крыму. Крым продолжает поддерживать духовные связи с Москвой и Грецией.

На развитие ислама на полуострове существенно влияют мировые тенденции. Мусульманское население растет быстрыми темпами. Славянское население все чаще покидает крымский регион и по мнению ряда экспертов через несколько десятков лет вполне может произойти так, что крымские татары окажутся господствующим населением полуострова. Мусульмане Крыма ощущают поддержку мусульман мира. Это выражается в финансовой и гуманитарной помощи зарубежных фондов [286, с.81].

В то же время происходит украинизация всего населения Крыма. Русские воспринимают это очень болезненно. Межконфессиональные отношения осложняет, с одной стороны, противоборство политических элит, использующих религию и церковь в своих целях, с другой стороны – не всегда четкая, противоречивая политика Украины в реализации практических вопросов взаимоотношений с различными конфессиями, а также СМИ, не всегда корректно освещают события в той или иной религиозной среде. Нередко культивируется дух религиозной исключительности и нетерпимости, религиозности, «закрытой» для непосвященных, являющейся достоянием избранных. Основанием притязаний служит уверенность в монопольном обладании истиной.

В. Харабуга отмечает, что в Крыму происходит активизация радикальной исламской партии «Хизб-ут-Тахрир»: «часто некоторых сторонников ислама

обвиняют в фундаментализме, считая, что это является доказательством их незаконной деятельности. Но сам по себе фундаментализм означает лишь возвращение к первоначальным основам религии, причем каждый верующий решает, что для него является основой и фундаментом. Однако политический исламизм – это не возвращение к основам ислама, а попытка использовать ислам как инструмент политики. Тем не менее, их влияние растет. Это вызывает огромную тревогу и у большинства лидеров Меджлиса, которые происходят из бывших партработников и сами по себе далеко не исламисты, да и мусульмане совсем недавние [287]. Заместитель председателя Республиканского комитета АРК по делам религий А. Булатов отмечает, что за пять лет (2004-2009 гг.) почти прекратился активный процесс выявлений и возвращений бывших мусульманских культовых зданий и иной религиозной собственности. В Крыму приостановлено строительство мечетей, в том числе не сдвинулось с мертвой точки и начало строительства соборной мечети в Симферополе [288]. В соответствии с нерешенностью многих проблем крымских татар, вышеуказанные факторы становятся благоприятной почвой появления в Крыму ряда радикальных партий.

Одна из причин значительной этнической дистанции, выраженной в установках крымских татар, по сравнению с установками славян, – в опасении потерять свою идентичность, боязнь «раствориться» в подавляющей на данной территории культуре. Русские и украинцы в целом не испытывают такой опасности, поскольку украинско-русские браки – дело будничное, а браки славян с крымскими татарами настолько малочисленны, что никоим образом не представляют даже гипотетической угрозы идентичности славянским этносам [289].

Таким образом, специфика конфликтной ситуации в Крыму заключается в том, что здесь четко обозначились три стороны конфликта: русские, поддерживающие свою особенность и большинство, свои права и культурное доминирование; украинцы, на которых оказывают политическое давление Киев и Запад; крымские татары, ссылающиеся на свое «историческое право» на крымскую землю. Культурное и политическое пространство крымских татар, русских и украинцев не совпадает. Очевидно, что русские и украинцы близки друг другу на культурном уровне, но отличаются от крымских татар. С другой стороны, на социально-политическом уровне происходит противостояние между этнической группой русских, с одной стороны, и этническими группами украинцев и крымских татар – с другой стороны. В то же время имеет место искусственное разделение АРК и города Севастополя в территориально-административном плане. Севастополь тесно интегрирован в развитие Крыма в целом, а его изоляция его объективно закладывает комплекс внутрикрымских противоречий. Интенсивное возрождение религиозной культуры все больше способствуют тому, что Севастополь и Херсонес становятся одним из центров Православия. В сознании жителей Севастополя достаточно устойчиво определен алгоритм города не только как города–героя, города русской славы, форпоста российского Черноморского флота, но и как одного из оплотов

Православной веры в Крыму, откуда исходят истоки крещения Руси. Патриарх Всея Руси Кирилл фактически благословил город на такое развитие [290].

Таким образом, многие эксперты полагают, что среди основных проблем, препятствующих интеграции в крымском обществе и провоцирующих социально-политические и социально-культурные конфликты, можно рассматривать следующие:

- разрушение вследствие распада советского строя единой социокультурной системы, органичным компонентом которой был Крым, привело к возникновению дезинтеграционных процессов, охвативших всю исторически сложившуюся социальную общность;

- попытки утвердить административными методами украинский язык в качестве единого средства общения, приводят к силовому ограничению использования русского языка как в целом в Украине (особенно на Востоке), так и в Крыму. Такая позиция государственных органов Украины препятствует процессам социокультурной интеграции, прежде всего в Крыму;

- в Украине существуют двойные стандарты формирования политического пространства Крыма, которые провоцируют социально-политическую и этноконфессиональную напряженность. Это выражается в официальной поддержке государственными органами Украины юридически незарегистрированной организации Меджлис крымско-татарского народа.

Одним из основных объектов критики и споров является унитарное устройство страны. Очень многие полагают, что именно оно стало генератором общеукраинского кризиса и большинства межрегиональных противоречий. В связи с этим ищутся пути сохранения единства страны через ее федерализацию или проведение разного рода административных реформ. По поводу «территориального единства» Украины высказываются обычно два полярных мнения. Одно состоит в том, что региональные различия субстанциональны для Украины и ее ждет неизбежная федерализация и даже распад. Другое в том, что различия между регионами Украины не следует слишком преувеличивать и государство движется к большей унитарности.

В январе 1994 года национальная разведывательная оценка обстановки, предпринятая администрацией США, рассматривала вопрос о разделении Украины на Западную и Восточную. Как писала газета «The Washington Post», в исследовании было написано, что «ухудшающаяся экономика Украины вызовет этнический конфликт, провоцирующий разделение страны на два государства и создающий новые споры по поводу ядерного оружия, хранящегося на ее территории, от которого страна только что согласилась отказаться». В период «оранжевой революции» обсуждение федералистских проектов приравнивалось, чуть ли не к государственной измене. Однако, как заявил в одном интервью вице-премьер Владимир Рыбак, «варианты федерализации обсуждаются. Это больше не считается преступлением, не объявляется сепаратизмом и попыткой свержения государственного строя» [291].

В. Корнилов, директор украинского филиала института стран СНГ, полагает, что «Проект «Украина» изначально задумывался отцами-основателями как федеративный. Украинская Республика, государство,

автономия, в различные периоды были разные модели, но почти все эти модели сводились к федерализму. Объясняется это тем, что образование Украины всегда виделось в объединении Малороссии и Галиции, и при этом понимали, с какими трудностями придется столкнуться, объединяя эти группы населения, столь различающиеся между собой в ментальном смысле» [292]. Представители «Партии регионов» еще в 2007 г. заявляли о готовности внести в Верховную Раду уже готовый проект изменений в Конституцию Украины, который предусматривал децентрализацию власти. Тогда депутат Верховной Рады Ю. Ключновский заявил, что «за главным тезисом нового документа является идея федерализации страны» [293]. Депутат от «Партии регионов» В. Колесниченко полагает, что «Федеративная Украина – безальтернативная альтернатива развития украинского государства. Уже сейчас этнические и социокультурные отличия между регионами часто ввиду непродуманной и во многом провокационной политики Центральной власти перерастают в социальные конфликты и центробежные тенденции на экономической, культурной, языковой, этнической и религиозной почве» [294].

Для постсоветской Украины характерна жестко унитарная модель, восходящая к другой линии украинской идеологии, точнее всего представленной в формуле Н. Миновского, идеолога украинского единства: «Одна, единая, неделимая, свободная, самостоятельная Украина от гор Карпатских и до Кавказских» [295]. Э. Афонин полагает, что «Вопрос о сохранении унитарной формы государственного правления в Украине действительно остается актуальным. Хотя наиболее благоприятным был бы переход к федерализму не в нынешних беспокойных и проблематичных общественно-трансформационных условиях, а в период режима устойчивого общественного развития» [296].

Традиционно федерализм определяют как такой тип политической организации, при которой государственное управление распределено между региональным и центральным правительством так, что каждый из уровней управления имеет право принимать окончательное решение по определенному конкретному кругу вопросов. Это определенным образом объединение двух (хотя и неодинаковых) властей, каждая из которых имеет исключительную компетенцию в четко определенной сфере. Хотя в Конституции Украины записано (Статья 2), что данное государство является унитарным по своей сути, тем не менее, внутри страны протекают процессы, которые в политологической практике принято называть скрытым сепаратизмом. Самыми распространенными причинами сепаратизма являются этническая и религиозные составляющие [297]. Практически все украинские элиты используют идеи федерализма в конъюнктурных целях. На протяжении всего периода независимого существования Украины не раз можно наблюдать, как при поражении за центральные органы власти региональные элиты обращались к идеям федерализации, пытаясь обосновать необходимость укрепления своих позиций в регионах. В итоге сохраняется шаткое равновесие, при котором восточные элиты, игнорируя идеологическую сферу, связывают свое будущее с экономической мощью страны.

В свою очередь, западноукраинские элиты стремятся навязать свои представления об украинской государственности. Лидер международного «Евразийского движения» А. Дугин подчеркивает, что на Украине сформировалось две практически несводимых друг к другу геополитических идентичности, которые ярче всего воплотились в электоральной карте страны [298]. О.Ю. Маслов и А.В. Прудник в одном из прогнозов в конце 2005 г., предсказывали следующее развитие событий в Украине: «В наиболее экстремальном случае «региональный раздрай» может привести к «итальянскому варианту» - постоянной смене правительств и выборам чуть ли не каждый год, пока не найдутся на Востоке и Западе страны политики, которые договорятся распустить страну «по-хорошему», чтобы это не случилось «по-плохому» [299].

В Украине имеются активные регионы, открыто борющиеся за свою самость: Крым и Закарпатье, где сильны автономистские, и даже антиукраинские настроения. Как утверждает А.С. Филатов: «крымское сообщество в социокультурном и ментальном планах является частью российского социокультурного пространства, из которого его все годы независимости Украины пытается исключить украинское государство. Как ни парадоксально, но у государства под названием «Украина» есть единственный шанс добиться расположения крымского сообщества – активно содействовать формированию крымской идентичности и крымского менталитета. Делать это можно или посредством федерализации страны или на основе договора о разграничении полномочий между АРК и Украиной. Такой «каталонский путь» может привести к формированию автономного регионального крымского сообщества и признакам провинциальной самодостаточности, образованию действенной региональной элиты, способной к реальному управлению территорией» [300].

Федерализация Украины может законсервировать социокультурные различия между регионами страны, фактически поставив барьер перед политикой дальнейшей украинизации. А с этим не могут согласиться убежденные украинские националисты. Для «главных носителей украинской идеи» - галицийцев, единственно верной является именно их национальная идеология, поэтому перспектива федерализации им представляется просто крахом всего их проекта. Для украинского национализма негалицийский тип самосознания большинства граждан Украины – это лишь «недоразвитость» национального самосознания вследствие длительной русификации, с которой необходимо бороться.

Весной 2005 года депутат Европарламента от Польши и тогдашний председатель делегации Европарламента в Комитете по парламентскому сотрудничеству между Украиной и ЕС Марек Сивец высказал следующее мнение: «В интересах Польши, которая всегда будет испытывать угрозу со стороны российского империализма, необходимо существование Украины в качестве буфера между Польшей и Россией. Однако линия границы при этом должна отличаться от той, которая существует по сей день. Польша обязана всячески поддерживать идею раздела Украины и делать все, чтобы он наступил

как можно скорее, поскольку всегда существует опасность того, что нынешнюю русско-украинскую Украину вновь подчинит себе Москва» [301].

А. Никифоров приводит слова известного американского политолога Ш. У. Гарнета, который называет Украину «больным молодым человеком Европы», рассматривая в числе реальных вариантов недалекого будущего Украины такие, как: сохранение статус-кво (то есть перерастание заболевания в хроническое), поглощение («аншлюс») всей или значительной части украинской территории Россией, а также политическая дезинтеграция и образование на развалинах украинского государства региональных «вотчин» [302].

Следовательно, существуют противоречивые подходы в отношении федеративного устройства. Причем и на Востоке, и на Западе Украины они разнятся значительно. Все это видно из текущих, обозначенных нами социокультурных противоречий на примере противоречивых мнений ярких представителей, как Востока Украины, так и Запада. По словам М. Щедрова: «последние президентские выборы четко показали: раскол страны никуда не делся. С одной стороны это свидетельствует о поражении националистической идеологии, ее неспособности действительно объединить страну – пять лет промывания мозгов, форсированной украинизации образования и публичного пространства в целом ничего не изменили» [303].

Таким образом, в структуре основных идейно-политических и социокультурных размежеваний Украины ее региональная дифференциация предстает во многих отношениях наиболее ярким элементом, как бы фокусирующем ключевые проблемы и противоречия генезиса украинского национального государства. Этнокультурные и социополитические различия, обусловленные этой дифференциацией, выступают заметно более значительным фактором социальной трансформации и национального самоопределения, нежели различия, обусловленные возрастом, образованием, уровнем доходов и т.д. В основе этой региональной дифференциации лежат ментальность, традиции и уклады, сложившиеся в ходе многовековой истории, в которой идея «стольного града Киева» как центра земли русской сопрягалась с практикой формирования и освоения разнообразных окраин тремя соперничающими государствами: Великим княжеством московским / Россией, Великим княжеством Литовским / Речью Посполитой / Польшей и Крымским ханством (за которым стояла Турция).

Социокультурный регионализм проявляется в наличии трех региональных блоков: Западной, Восточной и Южной Украины. В первое десятилетие независимости в политическом пространстве доминировала националистическая (Галицийская) идея. Львовская элита «приватизировала» роль общенационального лидера, используя галицийскую традицию в качестве «булыжника» в борьбе за власть и становление украинской государственности. В результате национальная идея скомпрометирована воинственным провинциализмом. Галицийская идея «самостийников», присвоивших монопольное право выступать от всей Украины, нанесла ощутимый ущерб становлению государственности и увеличила украинский региональный раскол.

При этом Восток страны является носителем русско-украинской культурной традиции и православия и выступает за добрососедские отношения с Россией. После провозглашения независимости здесь особенно проявилась социокультурная рубежность местных русскоязычных украинцев. Они ощущают себя украинцами по крови и одновременно – частью русской культуры. Запад Украины в социокультурном плане весьма неоднороден. Тем не менее, он является носителем проевропейских культурных традиций и выступает за полный союз с Европой на равных началах. Крым – это особое геополитическое образование, традиционно отличающееся этнической мозаичностью. Русские, украинцы, крымские татары и другие этносы расселены на полуострове в очень сложной конфигурации и представляют собой три достаточно разных, противоречивых импульса - на Россию, Украину и Турцию.

2.2 Геополитические последствия неравномерного культурно-локального развития Кыргызстана по линии «Север – Юг»

В исторически сложившихся условиях Кыргызстан представляет собой классическое бикультурное образование с реально обозначенной границей водораздела культурных пластов (условно их можно обозначить как тюркоязычный и русскоязычный), причем этот же фактор влияет с не меньшей силой на религиозную мозаику. С крахом «реального социализма» с его идеологемами «новая историческая общность – советский народ», «интернационалистская сущность советского человека» возник не только идеологический вакуум, но и обострились межэтнические и межконфессиональные отношения, нередко приводя к конфликтам и войнам. Не миновали эти бедствия и Кыргызстан, со всей остротой поставив вопрос о необходимости системного анализа событий прошлого и настоящего в этой сфере. Кризисы выявили слабый «ток» внедрения либеральных ценностей в традиционное общество, острые противоречия между процессами модернизации в финансово-экономической сфере и устоявшимися социально-культурными отношениями.

Историк А.П. Ярков считает, что необычность и сложность ситуации состоит в том, что, располагаясь на границе нескольких цивилизаций (при всей условности применяемых понятий) и имея собственную непростую историю, Кыргызстан является родиной не только для титульного этноса – кыргызов, но и представителей более 80 этносов и этногрупп, каждый из которых несет отпечаток самобытной культуры, уходящей корнями в глубину веков [304, с.17]. Современная ситуация характеризуется сменой типов цивилизационного развития, что влечет массу противоречий, пересечения различных направлений социальности: многополярностью мира, когда геополитические переделы вносят существенные коррективы в восприятие мира, происходит столкновение интересов политических сил, что приводит к раздробленности бытия [305, с.62].

Важной характерной чертой современной социокультурной ситуации в Кыргызстане можно назвать неравномерность происходящих социокультурных

изменений. Данные явления наблюдаются, во-первых, внутри различных социальных групп и проявляются в степени их приобщения, принятия и участия в социокультурных изменениях. Во-вторых, мы с этим сталкиваемся, когда рассматриваем отношения периферии и центра, характеризующие их углубляющийся разрыв в сфере информации, потребления, формирования культурных потребностей и возможностей их реализации. В настоящее время разрыв такого рода представляется одним из угрожающих факторов, препятствующих созданию благоприятных условий для вывода Кыргызстана из нынешнего сложного состояния. Долгое время Кыргызстан, как и вся Центральная Азия, был расколот на православную, затем коммунистическую метрополию и мусульманскую колонию, а христиане и мусульмане были разделены по расовому и культурному признаку. За годы независимости Кыргызстана русская община в республике сократилась почти в три раза. Если в 1991 г. русские составляли, по официальным данным, 20% от всех граждан Кыргызстана, то в 2008 г, по оценкам А. Князева, их осталось менее 8% [306].

Как пишет немецкое издание «Spiegel», страх перед сползанием к гражданской войне является очень серьезным фактором в неуверенности населения. Потенциал для этого имеется, он кроется в нищете, в кыргызских селах, сразу же за столичными кварталами. Его содержит также длительный конфликт между Севером и Югом страны [307]. Е. Карин отмечает: «Кыргызский хаос начался не с того, что люди стали выходить на площади, а с того момента, когда кыргызские политики стали делиться на рода и кланы. Когда корыстные интересы правящих кругов стали выше государственных, когда клановые структуры стали подменять собой органы власти. Когда правящие группы стали превращать спецслужбы и правоохранительные органы в собственные службы безопасности. Кыргызский кризис начался именно с этого, а все остальное – это уже последствия процесса разрушения основ государства» [308].

По мнению А. Князева, - то, что сегодня происходит в Киргизии, это не политические реформы и даже не борьба за их проведение. «Это всего лишь» - затянувшееся переформатирование межклановых отношений, сосредоточенное вокруг главной проблемы азиатского способа производства – «власть – собственность», когда власть не равна управлению, а представляет собой лишь способ личного обогащения. Экономика имеет распределительный характер, что и определяет характер борьбы за власть [309].

Кыргызский политолог Нур Омаров подчеркивает: «Сегодня идет некая игра южных и северных элит. Проблема Кыргызстана, как известно всем, заключается в достаточно серьезных клановых противоречиях между Югом и Севером республики» [310]. Российский политолог С. Бирюков считает, что «Киргизское общество по-прежнему ориентировано на «короткие связи» и имеет клановую структуру, основанную на региональных различиях» [311]. М. Сариев утверждает: «Вы знаете, на самом деле Кыргызстан построен по клановому принципу. Соратники Бакиева, когда проводили «революцию», не учли один момент, очень принципиальный. Бакиев относится к субэтнической группе ичкилик, очень обособленной группе, которая быстро мобилизовала

ресурс для того, чтобы перехватить власть. И фактически эта группа с помощью поддержки южной элиты, финансовых вливаний, криминальных структур перехватила власть и отодвинула революционеров 2005 г. в сторону. 80% состава правительства были их (ичкилика) представители. Поэтому я думаю, что оппозиционеры не учли этническую особенность кыргызов» [312]. Одно из главных противоречий заключается в наличии двух конкурирующих моделей нации: территориальной (гражданской) и этнической (генетической).

Как утверждает Т. Бобушев: «около двух столетий назад северные территории нашей страны в период поиска партнеров для суверенного развития добровольно вошли в состав Российской империи, в то же время южные регионы до последнего момента отстаивали свою независимость. И в последующем соседство и совместное проживание с большой группой узбекского и таджикского населения, отличающегося от нас в целом другим менталитетом, приучило южан к большей консолидированности и организованности. То есть, я хочу сказать, что у жителей юга Кыргызстана исторически сложилось и отмечается повышенное чувство против несправедливости. Таким образом, существующая разница между характерами, обычаями и традициями северных и южных групп населения единого народа не может быть решена в одночасье, но требует к себе более внимательного и бережного отношения [313].

Американский политолог Питер Зейхан пишет: «почти вся территория Кыргызстана гориста, те немногие равнинные участки земли, на которых можно построить города, разбросаны по всей стране. Соответственно, не существует никакого кыргызского «ядра». В результате страна страдает от резких внутренних противоречий и разногласий: отдельные кланы господствуют на крошечных участках земли, отделенных друг от друга суровыми горными хребтами. Почти во всех случаях экономические и прочие отношения этих кланов с иностранцами теснее, чем друг с другом» [314].

Местные элиты, несмотря на семьдесят с лишним лет советской власти, во многом сохранили традиционный восточный характер, организовывались по принципу родовой, племенной, территориальной принадлежности, приспособившись к «правилам игры» в рамках партийно-номенклатурной системы [315, с. 14]. Как в свое время признал К. Байялинов, пресс-секретарь А. Акаева, «не секрет, что ответственные работники высшего ранга в основном приходят из того или иного родового клана. Это реальность. В нашей маленькой республике, куда ни повернись, всегда кто-то чей-то человек» [316]. Ж. Сааданбеков отмечает: «осознание себя своей нацией происходит лишь тогда, когда народ владеет своим государством и умеет использовать его для реализации общенациональных интересов. Род же и племя – это первичные составляющие образования этнической, в частности, кыргызской нации, которая по большому счету даже не до конца еще сформировалась» [317]. Присутствие в советский период заметного русскоязычного сегмента в демографической структуре республики способствовало консолидации кыргызского населения. Уменьшение удельного веса национальных

меньшинств спровоцировало ренессанс родоплеменных и региональных настроений.

В основе этнического самосознания и самоидентификации лежит принцип противопоставления – «мы» - «они». Когда «они» стали терять свое количество и качество, сплоченность «мы» резко ослабла. В частности «мы» - это кыргызы. Они стали восстанавливать свои прошлые традиции, начали делиться по родам и племенам, областям, районам и даже аулам. Вообще, разделение людей на «своих» и на «чужих» влияет на ход развития истории: именно на основе такого разделения происходят такие важные исторические события как войны, образование новых государств, становление новых наций. Этничность как главная социальная категория, как главный принцип определения «свой»/«чужой» была положена в начале 1990-х гг. в основу политической идеологии всех стран СНГ. Исследователь И. Савин, считает, что новая власть осуществляла социальные преобразования от имени «титularного» населения той или иной страны. Там же, где претендентов на роль «титularных» было несколько, неизбежно возникли сложности. Не избежал этого и Юг Кыргызстана [318].

Анализ кыргызской культуры позволяет выделить два основных присущих ей типа коммуникационных программ «монолог-изоляция» и «умеренный утилитаризм» [319, с.37]. Ценностным фундаментом программы «монолог-изоляция» является традиционалистский пласт кыргызской культуры. Потенциальные возможности межэтнической коммуникации, заложенные в нравственной системе кыргызского родоплеменного традиционализма, чрезвычайно низки. Дуальная мифологическая система, разделяющая мир на «своих» и «чужих», окрашивает в негативные тона все, что не вписывается в систему кровного родства, не освещается сакральным покровительством духа предков. «Чужие» оцениваются как враги, «нелюди», по отношению к которым «насилие и жестокость оказывались даже благом, заслуживающим восхваления и воспевания» [320, с.65].

Айдарбекова Г.Б. отмечает: «происходят внутрирегиональные противоречия в родоплеменных отношениях: саяк-солто, кушчу-сару, сарбагыш-бугу, кыпчак-адигине, найман-тейит. В новых условиях актуальными стали земляческие, родственные и родоплеменные связи, соответственно, начал действовать принцип противопоставления «мы» и «они», который породил массовый трайбализм и регионализм, тем более многие политики, спекулируя на этих чувствах, строили свою политику» [321, с.72]. Как утверждает российский политолог А. Малашенко, «39 участвовавших в выборах партий – издевательство над здравым смыслом. Да это даже и не партии вовсе, а клановые или семейные «междусобойчики» [322]. По словам Исаева К., «Становление и распространение норм, ценностей и институтов глобальной демократии в Кыргызстане находится на начальном этапе. Молодая демократия пока является бумажной, патерналистской, патримониальной, парадоксальной и антиморальной. Восточный человек в этих условиях еще не успел самоидентифицироваться, и адаптироваться к нормам и ценностям глобальной

демократии, и это является существенным тормозом самой возможности реализации идеи открытого, демократического, гражданского общества» [323].

Как считает Э. Ногойбаева, «одним из основных противоречий, из-за которых не развивается наше общество и не происходит синтез традиционного и либерального, является противоречие между индивидуальным, либеральным, демократическим и коллективистским, корпоративным, традиционным. Потому что традиционное – достаточно сильное, оно в нас удерживается, это мощная социальная защита. У кыргызстанцев многие традиционные институты наложились на советское. Например, институт аксакалов плавно инкорпорирует в институт номенклатуры. Когда мы встречаем индивидуалистские моменты, в нас происходит мощное противоречие. Что бы мы ни говорили, но адат, шариат все равно еще живут и передаются по корпоративным клановым линиям [324].

Здесь, прежде всего, необходимо особо отметить противоречие между принципами и ценностями командной и либерально-вестернизированной демократиями. У командной демократии в стране были свои особенности: власть никогда не передавалась по крови, отсутствовало крепостное право. Манапы, руководители рода, племени, избирались демократическим путем, исходя из реальных возможностей и с учетом наличия способностей управлять людьми. Самым главным у избранных считались патриотизм, духовность, моральная чистота, милосердие. Основой демократического кочевого образа жизни являлись – коллективизм, взаимопомощь и братство. Все это противоречит современному крайнему индивидуализму, принципам купли-продажи, аморальности, бездуховности [325]. Следует подчеркнуть, что Кыргызстан не превратился в моноэтничную страну, а продолжает оставаться поликультурным государством.

В моноэтничных районах страны, где проживают только представители кыргызского этноса, в последние годы обострилась проблема как регионального, так и межродового и кланового деления. Особенно это ярко разделение проявилось в период проведения выборов в Жогорку Кенеш КР в феврале – марте 2005 г., когда при голосовании за того или иного кандидата, нередко брались в расчет не признаки профессиональной компетентности и личные качества, а принадлежность кандидата к тому или иному кыргызскому роду [326]. Исследователи пишут: «на сегодня, как показывают исследования и обсуждения в регионах республики, эта проблема является не просто болезненной, но и препятствующей консолидации кыргызского этноса и выводит на первый план субэтническое деление, о котором как о реальной политической угрозе долгие годы никто в серьез не думал. В настоящий момент трайбализм порождает конфликты, как политического, так и экономического характера. Часто такие конфликты являются даже более жестокими, нежели межэтнические. Столкновения случаются при разделе земельных угодий, распределении водных ресурсов и т.д. нередко межродовые конфликты при проведении выборов в органы власти, которые перерастают в недовольство кадровой политикой, в результате которой, например, избранные главы местного самоуправления по большей части принимают на работу

представителей своего рода. Межродовые конфликты иногда перерастают в серьезные ситуации, требующие вмешательства даже правоохранительных органов [327].

Как полагает Ж. Сааданбеков, «Вообще региональное самосознание, то есть самоидентификация жителей с той или иной территориальной общностью, а одновременно и противопоставление себя прочим территориальным общностям (в том числе и в рамках одного и того же этноса), присуще даже многим группам давно консолидированных наций. Но именно в случае слабой национальной консолидированности межплеменная неприязнь может легко пустить корни на субэтническом уровне. Не секрет, что в Кыргызстане и в подборе кадров всех уровней, и при распределении материальных и других благ присутствует родоплеменной и региональный подходы» [214, с.333].

Региональный уровень традиционной кыргызской политики определяется субэтнорегиональными взаимоотношениями, характеризующимися традиционными противоречиями между основными территориально-племенными общностями, наконец, традиционные политические конфликты (в основном на уровне сел, айлов и провинциальных городов) выражаются в соперничестве руководства семейно-родовых групп [328]. Как подчеркивает А. Грозин, заведующий отделом Средней Азии и Казахстана Института стран СНГ, «В Киргизии личные интересы всегда абсолютно доминируют над государственными – что при Акаеве, что при Бакиеве, что, к сожалению, видно и сейчас. Это видно и по экономическим, по политическим решениям, в конце концов, даже по спискам партий, по кандидатам в депутаты. То есть, при отсутствии стратегического мышления желание подчинить государственные интересы своим частным оказывается слишком велико. При этом киргизская элита раздроблена по региональному и клановому признакам [329].

По мнению экспертов МИСИ «Vector», важным фактором современной идентификации Кыргызстана является рост национального самосознания. При этом считается, что в стране не более 3-5% радикальных националистов. Но когда столько проблем в экономике и социальной сфере, когда столько бедных и нищих, тогда можно «запустить» на всю мощь национализм и правильно указать на врага [330].

Титульная нация, исключительность кыргызов, их великий эпос Манас, великое свободолюбие кочевников, неподражаемая смелость бойцов (кочевников-налетчиков) и т.д. Масса населения, особенно молодежь, слыша обо всем этом, тут же забывают о тяжелейших каждодневных проблемах, о своей забитости, закомплексованности и ненужности, о своей необразованности, и вынуждена принимать искусственно навязываемые идеи о своем величии. Все так называемые революции в стране совершались оболваненными национализмом молодыми людьми. После каждого «взятия» Белого дома им разрешалось воровать, грабить и громить бизнес, но не всех подряд, а выборочно. Эксперты полагают, что ситуация на юге страны – это продолжение той бездарной неэкономической политики, которая опирается прежде всего на популизм и национализм [331].

Значительное количество рисков и угроз для развития страны рождают неблагоприятная внешняя среда, а также слабость правовых и демократических институтов. Особую тревогу вызывают факторы внутреннего развития, выражающиеся в нарастающей поляризации общества и росте в нем традиционалистских тенденций. Типичным в этой связи выглядит поведение населения, колеблющееся от настроений крайней социальной апатии до криминально-охлократического нажима на власть [332]. В сочетании с эгоистичным, хищническим поведением клановой креатуры, прочно сохраняющей свои позиции во власти. Все это способно привести к самым нежелательным последствиям. Как отмечает В.Ханин, диктуемая неотрадиционными социальными нормами логика политического поведения «низов» такова: чем выше завоеванная «своей» элитой «политическая добыча» (власть и ресурсы), тем большая ее доля (в виде капиталовложений, дотаций, рабочих мест, объектов инфраструктуры и т.д.) будет передана в нижние звенья. [333, с. 159].

В суверенном Кыргызстане политической культуре кыргызского народа также характерна традиционная патриархальная политическая культура. Роды и племена традиционно вновь выступили политическими акторами со своими требованиями: предоставления места во власти и т.д. Роды и племена также стали играть роль электората для своих выдвиженцев (соплеменников). У родовых лидеров появилась политическая мотивация – участие в управлении государством для престижа своего рода или племени. В то же время власть обеспечивала доступ к ресурсам им, а значит, традиционно и всему роду. Само явление клановости отражает традиционно-патриархальные и социокультурные устои населения. Суть их заключается в том, что основная масса населения относится к институту государственной власти как к системе справедливого распределения социальных и материальных благ.

А.В. Грозин акцентирует: «становится очевидным, что вся «государственная машина» Кыргызстана нуждается в капитальном ремонте, а саму страну в ее сегодняшнем виде и границах может спасти лишь чудо» [329]. И.Ф. Сафаргалеев, заместитель директора Института стран СНГ по вопросам региональной безопасности и военному сотрудничеству пишет: «Реализуется своеобразный сценарий превращения страны во «флибустьерскую республику». Обычная криминализация всего без исключения спектра общественной жизни Киргизии – настоящее и наиболее вероятное будущее этого государства все более превращающегося в «территорию», на которой периодически резкие фазы всевозможных конфликтов неожиданно возникают в самых разных регионах и формах» [334].

Свой взгляд на трагические события июня 2010 г. на юге Кыргызстана предлагает антрополог, научный сотрудник Французского Национального Центра Борис Петрик. По его мнению, вся логика развития Кыргызстана с правления А. Акаева привела к тому, что у страны больше нет ни армии, ни полиции. Политико-мафиозные группировки делят сферы влияния, принаравливаясь к политическим изменениям. В эти группировки входят как кыргызы, так и узбеки, и им удалось превратить свою войну в межэтнический

конфликт. Международные организации и НПО не способствовали становлению общего социального договора в стране, а усиливали и закрепляли противоречия между разными группировками населения. В результате Кыргызстан оказался не в состоянии выполнять основную государственную обязанность – защищать своих граждан. И можно ли в таком случае продолжать считать Кыргызстан государством, или мы имеем дело с новой формой политического пространства – всемирным протекторатом. Б. Петрик заключает, в большинстве случаев современные этнические конфликты возникают против всяких ожиданий в тех обществах, где этнические различия не выстраиваются на фундаменте ясного противопоставления двух групп. Последние чаще всего живут на одной территории, и различия между ними конструируются в ходе повседневных социальных взаимодействий, а граница между группами поддерживается как благодаря дискурсу, так и социальным практикам [335].

По мнению М. Ривз, сотрудника Центра по исследованию социокультурной динамики при Совете по экономическим и социальным исследованиям в Манчестерском университете, чтобы понять исторические и непосредственные причины конфликта, необходимо серьезно проанализировать прогрессирующую этнизацию общественной жизни – процесс, приведший к тому, что в момент конфликта этническая принадлежность стала наиболее влиятельной, привлекательной и всепоглощающей социальной идентичностью [336].

Далее М. Ривз подчеркивает, что «кыргызы и узбеки в Южном Кыргызстане живут в тесном взаимодействии друг с другом, различия между ними сами по себе не составляют проблемы и не обязательно принимают конфликтный характер. Они не основываются на устойчивых «объективных» критериях, таких как язык или культура. Поэтому содержание представления о том, что значит «быть узбеком» или «быть кыргызом», неоднократно менялось с течением времени и было существенно иным в эпоху Кокандского ханства или при Советской власти, чем в наши дни. Отдельные люди или группы людей могут использовать различные маркеры: культурные (религия, язык, традиции), социальные (кочевники – скотоводы/оседлые – земледельцы) или физические (цвет кожи, фенотип), чтобы отличить себя от других, но это не обязательно влечет за собой прямые политические последствия. Все эти различия зависят от социального контекста. В некоторых случаях отдельные люди могут настаивать на своей отличительности».

Кыргызстанский политолог В. Богатырев полагает, что существует линия разлома – цивилизационная, когда в Кыргызстане мы имеем дело с двумя цивилизациями, условно говоря, оседлой, земледельческой и кочевой, животноводческой, светской. Хотя виды деятельности давно уже не носят узко земледельческий или животноводческий характер, а ислам является общей религией, тем не менее, различия не только существенны, но и носят принципиальный характер. Они определяют многие стороны жизни: отношение к собственности, социальную толерантность, нравственные нормы, культурные традиции, характер отношений с другими странами [337]. С приобретением

независимости новые националистические движения начали требовать больше экономической, политической и культурной власти для своей национальности за счет других групп, живших с ними вместе в этом поликультурном обществе.

Узбеки, проживающие издавна в городах на юге республики и исторически занятые в основном торговлей, оказались под особым прицелом. Их более благополучное экономическое положение рассматривается кыргызами как некая несправедливость. Ведь большинство кыргызов – сельские жители, испытывающие на себе, в условиях аграрного перенаселения нехватку земельных и водных ресурсов. В реальности эта разница между двумя группами заметно сглаживается в результате миграции в города, распространенности смешанных браков, территориальной и социальной мобильности кыргызов, но представление о существовании неравенства по-прежнему сохраняется в головах у многих в Кыргызстане.

Проблема земли в Кыргызстане, стоит остро. После событий июня 2010 года кыргызы самовольно захватывают земли, принадлежащие узбекам. Например, на начало октября 2010 г. в мэрии города Оша в очереди на получение земельных наделов стоят свыше 30 тысяч человек (все кыргызы) [338]. Сохранение и упрочение этнической границы между кыргызами и узбеками напрямую связано с проблемой экономической и политической власти. Этническая идентичность может использоваться в качестве политического ресурса как представителями большинства (правительство, политические партии), так и этническими представителями (предпринимателями из числа меньшинства).

Обретение независимости в 1991 г. утвердило в общественном сознании представление о превосходстве кыргызов над всеми остальными жителями страны. Президент А. Акаев, не признаваясь в этом открыто, начал политику интенсивной «кыргызации», которая коснулась как политического аппарата, так и приватизации экономических ресурсов. Тем не менее, он осуществил и некоторое перераспределение власти в пользу некыргызов, в частности, на юге страны. С одной стороны, А. Акаев устанавливал этнонационалистический дискурс, опираясь на культ героя национального эпоса «Манас». Это льстило большинству населения и внушало беспокойство остальным этносам. С другой стороны, он искал опоры в зарождающемся узбекском политическом представительстве на юге страны. Это позволило ему усилить свое влияние в этом регионе и ослабить враждебную южно-кыргызскую фракцию – важное преимущество в условиях политической системы, где региональные фракции борются друг с другом за власть. Формирование нового этнонационального государства проходило при мощной поддержке международных и неправительственных организаций, многие из которых официально солидаризировались с этнонационалистическим подходом в противовес гражданской политике, которая могла бы объединить всех жителей страны.

В ходе анализа событий на юге Кыргызстана в июне 2010 г., эксперты обратили внимание на такое явление, как «батырщина» (от слова «батыр» - воин, богатырь). Так называют молодежные движения из регионов, за которыми стоят крупные региональные авторитеты, прежде всего,

криминальные, стремящиеся использовать их неудовлетворенность социальным положением и отсутствие каких-либо перспектив в будущем в борьбе за политическое влияние и собственность. Уходящая своими корнями в историческое прошлое кыргызского народа до настоящего времени сохраняющая особенности национального характера и модели поведения «батырщина» стала одним из механизмов достаточно организованных антиузбекских выступлений кыргызской молодежи. Не получив в ходе кровавых событий никаких политических и экономических дивидендов (кроме награбленного в ходе погромов), члены этих движений вновь оказались у подножия социальной лестницы. До следующего раза, когда региональным политикам и криминалу вновь понадобятся их слепое подчинение и ярость [339].

В общемировом контексте торжества либеральной экономической идеологии Кыргызстан провел дикую приватизацию, сопровождавшуюся открытием границ. Это привело к краху основных отраслей производства – скотоводства и земледелия – и резкому усилению социального неравенства между классом нуворишей, наживающихся на трансграничной торговле, и основной массой населения, живущей за чертой бедности. Структурная перестройка экономики, которую последовательно проводил А. Акаев, сделала возможным появление небывалой прежде семейственности в экономике. На юге эти новые экономические силы могут приобретать этническую окраску, в частности, в Ошской области, где этот класс ассоциируется в глазах населения с горожанами-узбеками.

Второй по численности основной этнос Кыргызстана – узбеки, проживающие в основном в южных областях, сосредоточены, как правило, в городах, исторически являющихся центрами торговли и ремесла. Следует отметить, что очень многие города, где преобладают узбеки, помимо всего прочего, испокон веков являлись или религиозными центрами, или имеют привлекательные святые места, или же благоприятны для земледелия. То есть, узбеки – это исторически земледельцы, торговцы, ремесленники. И у них за века выработался менталитет торговцев.

Напротив, традиционно в кочевой культуре кыргызов не было такой нормы, как продажа товаров ради прибыли. Советский период в их истории также не способствовал ее распространению, но когда страна вступила в период рыночных отношений, появилась потребность в новых социокультурных нормах. Для традиционного кыргызского общества была характерна экономика дара. То есть, когда семье нужно было, например, сделать крупное приобретение или построить жилье, ей помогали все представители общины, семейного клана. В новых же условиях экономика дара стала уступать место иным нормам общественных отношений, и ей на смену приходит экономика прибыли [340].

А. Князев рассуждает: «В досоветский период Ферганская часть Кыргызстана административно входила в состав Туркестанского генерал-губернаторства с центром в Ташкенте, Север – в состав Семиреченского края с центром в Верном (Алматы). Это было вполне логично, учитывая экономико-

географическую специфику этих регионов, сохранившуюся и сегодня» [341]. Исследователь отмечает, что «Ферганская долина, частью которой является нынешняя Южная Киргизия, никогда не была «древней киргизской землей», первое упоминание о киргизах в Фергане было в XVII в., когда убегали от наступавших джунгар. Киргизы тогда заняли горы и предгорья в Ферганской долине, но ненадолго. После победы объединенных узбекско-киргизских войск над джунгарами, большинство племен вернулось на север нынешней Киргизии.

Кадровая политика – не единственный спорный момент в жизни многонационального Кыргызстана. Узбеки отмечают сокращение возможностей для получения образования на родном языке. Был момент, когда губернатором Ошской области с апреля по декабрь 2005 г. являлся этнический узбек А. Артыков. Но он долго не продержался. Хотя его отставка не привела к волнениям среди узбеков, о чем до того часто предупреждали некоторые эксперты [342]. Огромным противоречием между политической элитой Кыргызстана и лидерами узбекского населения страны является вопрос статуса узбекского языка. 1 июля 2010 г., спустя две недели после событий в Джалал-Абаде, Ошский городской узбекский национальный центр распространил обращение, в котором выражалось недовольство «ущемлением прав узбеков на использование родного языка». Авторы обращения подчеркивали, что «по разным оценкам в Кыргызстане проживают около 1 млн. узбеков», которые считают Кыргызстан «своей исторической Родиной». В обращении говорилось, что «ущемление столь большого числа граждан страны по языковому признаку – очевидно» [343].

По официальным данным Национального статистического Комитета КР, общая численность узбеков в Кыргызстане на 1 января 2009 г., составляла 766,7 тысяч человек, т.е. – 14,5% от общей численности населения страны [344]. Вообще, статус узбекского и русского языков в Кыргызстане – предмет нескончаемых дискуссий. В проекте новой Конституции страны, референдум по принятию которой был проведен 27 июня 2010 года, узбекский язык даже не упоминается, а за русским языком сохранен статус «официального».

По мнению кыргызского аналитика и конфликтолога Ж. Касаболотова, уже давно остро стоит проблема полноценной интеграции представителей узбекского сообщества в местное общество, поскольку многие из них не говорят на государственном языке, информационно и лингвистически больше интегрированы с соседним Узбекистаном, чем с Кыргызстаном, живут обособлено в закрытых кварталах. Пока такой интеграции нет, и до тех пор, пока звучат призывы о создании автономии или предоставлении узбекскому языку официального статуса, никакого мира не будет. Последние события, напротив, сплотили кыргызов, и в этом отношении фактор юга и севера уже не будет играть такой роли, как раньше [345].

С учетом всего этого внешняя миграция будет увеличиваться в масштабах. Не исключено, что демографическая картина на юге в этническом разрезе может заметно меняться в сторону уменьшения соотношения этнических узбеков, многие из которых уже не хотят быть гражданами Кыргызстана. Останутся те из них, которые готовы интегрироваться в местное сообщество.

Другие эксперты говорят о серьезном изменении этнического состава юга республики. Например, эксперт по государственному и региональному развитию А. Кешикбаев, считает, что одной из причин роста узбекского населения на юге, служит отток кыргызского населения из региона. «За последние годы произошел большой отток этнических кыргызов из Ферганской долины в Бишкек и Чуйскую область, а освободившиеся места должны кем-то пополняться и они пополняются этническими узбеками» [346]. Ряд европейских экспертов полагают, что «в какой-то степени юг Кыргызстана, действительно напоминает «второе Косово». Во-первых, происходит рост нетитульной национальности, во-вторых, не решается «языковой вопрос», обострение которого периодически приводит к конфликтам на бытовом уровне.

А. Князев полагает: «помимо всего прочего, конфликт между кыргызами и узбеками – это конфликт между кочевниками и земледельцами. В период, когда территория Средней Азии входила в состав Российской империи, у российской власти хватало ума не слишком вмешиваться в жизнь местных народов, и существовало достаточно четкое межэтническое разделение труда. Приезжие – русские, татары и представители других народов – работали в ремесленной, производственной сфере, на железной дороге, в армии. Кыргызы же занимались скотоводством, в городах почти не жили. Люди естественным образом обменивались продуктами своей деятельности. Это была такая взвешенная, сбалансированная система [341].

В советское время произошло насильственное осаживание кыргызского населения, ему был навязан переход от кочевого к оседлому образу жизни. Началось усиленное внедрение в кыргызскую среду каких-то других социалистических элементов: ускоренное образование, попытки форсированного формирования рабочего класса и так далее. Это не вполне работало, и к 1990-ым годам, к распаду СССР, в том же городе Ош и в целом на юге Кыргызстана сложилась специфическая этносоциальная ситуация. Если рассмотреть конфликт 1990 г. в Оше и Ошской области, то к моменту его возникновения все основные позиции в наиболее доходных на тот момент сферах – это торговля, общественное питание – занимали узбеки. Все позиции в партийных, правоохранительных, административных и контрольных органах занимали кыргызы [347]. Как говорит американский журналист D. L. Stern, «кыргызы думают, что узбеки монополизировали управление местной экономикой, и перепугались, когда часть узбеков начала требовать расширения политических прав» [348].

Межэтнические противоречия и конфликты на юге республики были, есть и будут иметь место и в отдаленной перспективе. Пока не будут решены существующие коренные противоречия внутри самого кыргызского сообщества, данный межэтнический вопрос не получит своего разрешения. Между двумя этносами (кыргызами и узбеками) после двух страшных трагедий (1990 и 2010 гг.) надолго останется ненависть и желание мстить. Многие эксперты уверены, что узбекская диаспора, пострадавшая в столкновениях (а в той или иной мере пострадали практически все узбеки Южного Кыргызстана: у кого-то погибли или ранены родственники, у кого-то разграблен бизнес или

имущество), планирует неординарные меры. На многочисленных сходах принято решение любой ценой добиться автономии. На территориях проживания узбеков они хотят иметь собственные органы власти и свою милицию.

Противоречивый момент, на наш взгляд, вызывает тот факт, что Национальная комиссия, занимающаяся расследованием причин июньских событий 2010 года в Кыргызстане, обнародовала свои результаты. Один из главных выводов: в Оше и Джалал-Абаде геноцида по этническому принципу не было. Имели лишь место межнациональные столкновения, спровоцированные некоторыми лидерами узбекской общины. Об этом сообщил 11 января 2011 г. в Бишкеке руководитель Нацкомиссии Абдыганы Эркебаев. [349]. Однако почти все средства массовой информации (особенно в июне 2010 года) объявили данный конфликт – межэтническим и межнациональным, а некоторые окрестили его геноцидом узбеков.

В связи с этим вызывает интерес мнение российского этнолога и эксперта по Центральной Азии С. Абашина. Применительно к ситуации на юге Кыргызстана в июне 2010 г., по его мнению, следует отказаться от терминов «межэтнический» и «межнациональный» конфликт. Оба этих термина «придают противостоянию новый характер, структурируют и провоцируют новые противоречия и новые измерения конфликтности». Автор предлагает использовать нейтральные термины: «межобщинный» или «межгрупповой» конфликт, подчеркивая тем самым его локальные и личностные корни. Кроме того, С. Абашин отмечает, что «сведение причин конфликтов к «этническим» и «национальным» факторам сегодня признается ведущими специалистами схематичным и популистским, ведь любой конфликт – это сгусток множества разнообразных интересов. Любой конфликт испытывает на себе влияние структурных диспропорций в обществе и субъективных особенностей участников конфликта» [350].

Отсутствие авторитетной нации, которая бы объединяла другие этносы, порождает разброд и шатания, стремление этносов к языковому и культурному обособлению, автономизации. К сожалению, кыргызы пока не стали стержневым элементом, объединяющим другие этносы в единый народ Кыргызстана, так как сами еще не прониклись идеей единой кыргызской нации, а продолжают культивировать и лелеять институт родоплеменных отношений, с упоением участвуя в многочисленных курултаях своих родов [351].

Северные кыргызы в подавляющем большинстве более толерантны, чем южные, хотя бы на уровне бытового, повседневного общения. Южные кыргызы растут, с детства получая повышенную дозу пассионарного национализма, в первую очередь – антиузбекского. Этнические чувства чаще всего иррациональны, они не нуждаются в логике или критичности. Северные кыргызы в значительной степени европеизированы и русифицированы, южные кыргызы более религиозны и консервативны.

Как пишет Д. Гленн: «Урбанизация, стимулированная советскими правителями, изменила социальную динамику клановой системы, создав городского кыргыза с менее выраженными чувствами клановой

принадлежности» [352, с. 49]. По словам М. Ривз, даже южные области Кыргызстана – Баткенская и Ошская значительно отличаются друг от друга. Обычно у тех, кто вырос в городе Ош, космополитическое мировоззрение: они привыкли общаться с разными людьми на разных языках. Для них привычно, что вокруг живут люди различных национальностей. Те же, кто вырос в сельской местности, не имеют таких представлений. Даже на достаточно тесном географическом пространстве существуют множество привычек и подходов к жизни. Это касается не только выходцев из города или села. У одного, кто вырос в этнически гомогенных городах, и другого, кто вырос в городах интернациональных, советских, абсолютно может быть разное мировоззрение [353, с.21]. В Кыргызстане существуют две очень серьезные этнические проблемы – русская и узбекская. Речь идет о славянских и узбекском этносах. Противоречия между кыргызами и славянами наиболее заметны в почти полностью «атеистических» городах севера; между кыргызами и узбеками – в аграрных районах юга.

Американский исследователь Д. М. Джонсон еще в начале 1990-х годов полагал, что с ослаблением конфронтации между Востоком и Западом, большинство конфликтов вряд ли будут иметь идеологические корни. «Скорее всего, пишет он, большинство из них будут происходить в результате столкновений общинной принадлежности, будь то на основе расы, этнического происхождения, национальности и религии» [354, с.45]. Более высокий уровень идентификации кыргызов проходит по линии естественного географического деления страны на Север и Юг. И в настоящее время он представляет куда более важный фактор в политике страны, по сравнению с мелким родоплеменным делением как внутри северных, так и южных кланов. По сути, многолетние попытки изжить родоплеменную структуру кыргызского общества привели к сдвигу в сторону регионального принципа деления и представительства во властных структурах. Это всегда отражалось на смене группировок во власти, в соответствии с негласной очередью на управление страной [355].

Б. Абишова полагает, что деление кыргызов по региональному признаку усилилось и основной причиной усиления региональной идентичности стал политический фактор. Деление кыргызского общества по линии «Север-Юг» является искусственно навязанным политиками, которые выбрали такой способ мобилизации населения по региональному признаку в политической борьбе на общереспубликанском уровне. Основными факторами этого явления стали соответствие размеров этих групп (население севера и юга 50/50) размеру политической арены (республиканский уровень) [356]. По мнению российского эксперта А. Матвеева, деление Кыргызстана на Север и Юг возможно в том случае, если временное правительство полностью утратит контроль над страной. Новые политические кыргызские элиты на Юге республики при определенных обстоятельствах могут потребовать конфедеративных отношений с Бишкеком [357, с.50-51].

Деление кыргызов на «Север и Юг» часто объясняется исследователями и самими кыргызами как следствие субкультурных различий (похоронные и

свадебные традиции, встреча гостей и родственников, распределение мяса и т.п.). Исходя из этого, региональное деление кыргызов пытаются также объяснить субкультурными различиями. Как пишет М. Маратова: «В данное время во вновь избранном парламенте наблюдается дисбаланс сил по принципу «юг – север», который во властных структурах республики существовал всегда. Во время парламентских выборов политические тяжеловесы из южных регионов надеялись, что в Жогорку Кенеш наряду с «Ата-Журтом» пройдет еще одна южная партия – «Бутун Кыргызстан». Поскольку попытка «Бутун Кыргызстан» пройти в парламент путем проведения митингов не увенчалась успехом, ставка была сделана на «Ата-Журт». Сейчас в парламенте наблюдается явное доминирование северных кланов. Выбывание из «Ата-Журта» тех депутатов, которые не могут в полной мере отражать интересы юга в политических и экономических вопросах, а также женщин, - это попытка формирования в парламенте южной элиты. Но необходимо учитывать, что это может вызвать обратную реакцию – усиление позиций северных кланов» [358].

Региональное деление кыргызов, является исторически обусловленным процессом, связанным с советской системой централизованной редиистрибуции и производства хлопка в ферганской долине, и учреждением большой Ошской области. Многие аналитики и историки давно пытаются оправдать регионализм во власти. Приходилось, например, часто слышать такую версию: дескать, деление кыргызов на северян и южан возникло еще в позапрошлом веке. Жители Тянь-Шаня по одну сторону Ферганского хребта стремились попасть в зону ответственности Российской империи. Население противоположной части уютно себя чувствовало в составе Кокандского ханства. При этом и те, и другие, якобы пытались привлечь внешние силы для покорения соплеменников. Причем, в самых благих целях – ради объединения кыргызов под одним флагом.

«Северный» регион, как и в настоящее время, был поделен на четыре области, однако их областные элиты часто объединялись, чтобы противостоять своим товарищам, членам коммунистической партии из Ошского областного обкома. Постепенно эти две группы сформировали эссенциалистские представления друг о друге – «северные» кыргызы считают, что «южные» («оштук») «обузбечились», и «южные» кыргызы полагают, что «северные» («аркалык») кыргызы – «обрусели». При этом обе группы считают самих себя «чистыми, несмешанными» кыргызами и приписывают другой группе предубежденные отрицательные характеристики, которые не могут не влиять на их повседневные отношения.

В культурном плане на протяжении последней сотни с лишним лет северные кыргызы теснее взаимодействовали со славянским населением, тогда как южане более активно контактировали с соседними узбеками и таджиками. Этнические кыргызы, живущие по разные стороны горной гряды, практически никогда не смешивались друг с другом. Как подчеркивает М. Суюнбаев, различия между означенными географическими районами не проявлялись при Советской власти, когда плановая экономика обеспечивала всем сравнительно одинаковый уровень жизни. С распадом же СССР началась борьба за контроль

над скудными ресурсами страны, и региональные различия вышли на первый план [359].

Как следует из результатов опроса общественного мнения, обнародованных накануне октябрьских парламентских выборов 2010 года, в Кыргызстане существует серьезный раскол, и он представляет собой опасность для поствыборного процесса стабилизации в стране. Согласно результатам социологического опроса жители южных и северных регионов страны придерживаются кардинально противоположных мнений о событиях в Кыргызстане, а именно: об апрельском свержении режима К. Бакиева и июньских массовых столкновениях на юге. Результаты опроса были обнародованы 8 октября 2010 г. бишкекским исследовательско-консалтинговым агентством СИАР. Исходя из данного исследования, напряженность между севером и югом раздувают политики своей популистской риторикой, углубляя субъективное представление людей об имеющихся расхождениях между регионами [360].

Все время своего пребывания у власти К. Бакиев осуществлял политическую деятельность, опираясь на поддерживающий его юг страны. Это, похоже, повлияло на восприятие людьми происходящего, что нашло свое отражение в результатах опроса общественного мнения. Так, например, две трети северян объясняют падение Бакиева «стихийным восстанием» доведенного до отчаяния населения. На юге этой точки зрения придерживаются лишь 15% респондентов. Большая часть южан – 47% заявили, что причиной апрельских волнений стали «целенаправленные действия оппозиции» (имея в виду временное правительство Кыргызстана), действовавшей заодно с другими странами. В северных районах страны мнение о «целенаправленных действиях» разделили лишь 16% респондентов.

Точка зрения об июньских столкновениях 2010 г. на национальной почве в Оше и Джалал-Абаде разделилась по географическому принципу. Среди жителей северной части страны – 65% респондентов возлагают вину за провоцирование конфликта на Бакиева и его сторонников, на юге же этого взгляда придерживаются лишь 4% респондентов. Относительное большинство участников на юге республики – 40% полагают, что столкновения между кыргызами и узбеками стали результатом «действий временного правительства». На Севере этой точки зрения придерживается лишь 1% респондентов. Во главе временного правительства стоят политические фракции, пользующиеся поддержкой на севере страны. Как явствует из результатов опроса общественного мнения, 34% респондентов на Юге и 16% на Севере страны главной причиной июньских 2010 г. столкновений считают «межнациональный конфликт» [360]. Хотя Президент Узбекистана Ислам Каримов 18 июня 2010 г. в ходе своей поездки в Бухарскую область заявил: «События в Кыргызстане были вызваны не межэтническим конфликтом, а подрывными действиями, организованными извне. В этом не виноваты ни узбеки, ни кыргызы. Это подрывные действия организованные и управляемые извне» [361].

После получения независимости произошел беспрецедентный всплеск миграции населения, особенно в начале 90-х годов XX века. Рост социально-экономических проблем граждан, непрекращающиеся региональные противоречия и конфликты в сопредельных государствах - Таджикистане и Афганистане, привели к усилению деструктивных миграционных процессов. Далее год от года миграционный поток только усиливался. По мнению одного из лидеров «Ар-Намыс» В. Буссея: «в стране сложилась парадоксальная ситуация, когда начали уезжать люди, которые не хотели уезжать. В основе этого, помимо сложной социально-экономической ситуации, лежит карьерная бесперспективность так называемых национальных меньшинств. Не секрет, что в настоящее время существует доминирующее преобладание в эшелонах власти и административного управления представителей титульной нации. Сегодня доля некоренного населения страны в органах государственного аппарата продолжает неуклонно сокращаться [362]. Те отрасли, в которых русским принадлежала ведущая роль (машиностроение, металлообработка, военно-промышленный комплекс, наукоемкие производства, научные организации технического профиля), прежде всего, испытали на себе пресс хозяйственной дестабилизации в результате распада СССР. Кроме того, введение кыргызского языка в качестве государственного серьезно затронуло интересы людей промышленного и интеллектуального труда. Русские оказались в неблагоприятной для них социально-конкурсной ситуации.

Положение русских на Севере и Юге Кыргызстана различно. В Бишкеке русских еще много и около половины русскоязычных. Здесь довольно благоприятная информационно-культурная среда. На Юге все совсем по-другому. За годы суверенизации русское население почти полностью исчезло. Только пожилые русские люди остались. Русской молодежи и детей нет. Например, в 2010 учебном году в Джалал-Абадскую русскую среднюю школу-гимназию №1 набрали 130 первоклассников, из них только одиннадцать русских учеников. Русские северного Кыргызстана в своем большинстве не склонны к активным формам протеста против неправильных или даже, как им может показаться, несправедливых мер, предпринимаемых властными государственными органами, причем абсолютно инертная часть их составляет, судя по оценкам, не меньше 20,8%, доля же готовых к решительным политическим действиям не превышает 8,2%. Можно предположить, что такое политическое отчуждение обусловлено во многом специфическими особенностями, которые присущи сознанию русского городского населения. [363].

Главная из них состоит в том, что в условиях социально-экономического кризиса, нарастания возможной политической нестабильности, оно живет в атмосфере сотрудничества и взаимопонимания с представителями всех этнических групп и не желает обострять межнациональные противоречия, способствовать возникновению взрывоопасных конфликтов. Эти факты достойны изучения. Они, несомненно, имеют позитивное звучание для республики в целом. Русский язык в Кыргызстане в настоящий момент переживает один из сложных периодов в своем развитии и функционировании.

Происшедшие этносоциальные изменения в республике привели к расширению этнокультурного приоритета кыргызского языка, которому был придан статус государственного. Стали создаваться условия для его развития и распространения, что привело к определенным изменениям в языковой ситуации.

Несмотря на все еще значительную роль русского языка в Кыргызстане, наблюдается изменение его функциональных свойств. Активная поддержка развития кыргызского языка как государственного ведет к тому, что русский язык постепенно становится функционально вторичным в социально-значимых сферах: законотворчестве, делопроизводстве, СМИ, образовании.

Придание статуса официального русскому языку не прибавило ему, к сожалению, ни подъема престижа, ни заботы со стороны властных органов. Еще в 2002 г. предполагалась разработка государственной программы по русскому языку, однако эта инициатива остается нереализованной.

Продолжается процесс сокращения пространства русского языка. По данным А. Орусбаевой, 79,1% кыргызского населения проживает в сельской местности. Налицо тенденция моноэтнизации, особенно этот процесс заметен в Нарынской, Иссык-Кульской, Баткенской, Таласской областях [364]. Вследствие политизации языкового вопроса, сознательно дезавуируется тот факт, что русский язык в принципе не является препятствием на пути развития кыргызского языка. Вместо того, чтобы действительно выделить средства на развитие литературного кыргызского языка, языковой вопрос просто используется в качестве очередного инструмента в политических баталиях между Севером и Югом страны. По мнению Ж. Сааданбекова, «Внутри нашей страны, к сожалению, продолжается печальная пагубная тенденция дерусификации культурного и языкового пространства. Это абсолютно не оправдывается ни исторически, ни политически, ни даже прагматически» [214, с.287].

На наш взгляд, тенденция ухода славянского населения из Кыргызстана будет продолжаться. Рано или поздно «русский компонент» в республике сойдет на нет. Ведь русские граждане страны сейчас живут в довольно враждебной социально-экономической и социокультурной среде. Именно мелкий и средний бизнес стал средой обитания и выживания для русских в Кыргызстане, так как других вариантов у них нет. Как утверждает С. Епифанцев, председатель координационного совета российских соотечественников Кыргызстана: «Революционные погромы вполне определенно уничтожают среду обитания русского человека точно так же, как после обретения независимости в Кыргызстане закрылись фабрики, заводы, проектные и научно-исследовательские институты, и русские вынуждены были массово эмигрировать». Автор полагает: «...заметно, что русские морально утвердились в желании рано или поздно покинуть страну. Всем ясно, что нынешняя революция не последняя, и очередная не за горами. Особенно пугает и даже ужасает кровавый итог революции. Неважно кто виноват. Логика жизни такова, что пролитие крови разом меняет очень многое, особенно здесь, на востоке» [365].

В условиях глобализации религия и межцивилизационные вопросы становятся определяющими факторами в политике, экономике, науке, военной технологии, культуре и других сферах деятельности человечества. Кыргызстан сегодня является объектом разных конфессий за духовную жизнь людей, идет процесс их религиозно-идейного соперничества. Страна превратилась в своеобразную арену противодействия двух полюсов: с одной стороны, традиционные, классические религии – ислам и православие, а с другой стороны – новые, нетрадиционные, которых более тридцати [366]. По мнению политолога О. Молдалиева, «в Кыргызстане сегодня созданы самые благоприятные условия для активизации «Хизб-ут-Тахрир». В первую очередь, идеологические условия. Если раньше они критиковали президентское правление, то теперь обрушились на парламентское устройство, используя те же аргументы: демократия не приводит к установлению подлинно справедливого строя. Адепты шариатского правления не скрывают своих планов о строительстве в регионе халифата» [367]. Бывший заместитель секретаря Совета безопасности КР А. Орозов г. заявил: «Могу назвать только одну партию, которая весьма целеустремленно работает с населением в Кыргызстане, с каждым годом увеличивая число своих сторонников и последователей. Это – «Хизб ут-Тахрир» [368].

Религиозный разлом в Кыргызстане порой совпадает с этническими группами. В силу исторической логики узбеки более мусульманизированы, чем бывшие кочевники кыргызы. В новых процессах углубления мусульманизации очень значимую роль играет узбекское население Юга страны, представители которого инициируют реисламизацию. К тому же выявляется тенденция и к этническим мечетям, специализирующимся на незначительных культурных особенностях. Так можно говорить (хотя это было всегда) об узбекских или кыргызских мечетях и медресе или об уйгурских или дунганских мечетях. Помимо этого, и другие признаки, к примеру, кланово-родовые, могут привести к ситуации, когда и внутри одного этноса Кыргызстана возможно разделение мусульманских общин. Речь идет о противоречиях между имамами кыргызской национальности, но различной региональной принадлежности. Субнациональная дифференциация не в последнюю очередь дополнялась уже существующей исламизацией отдельных регионов страны. Пример тому – противоречия севера и юга Кыргызстана, где отразились региональные отличия исламской религии, неодинаковое выражение религиозности: на севере – исламо-анимистский синкретизм кочевников, на юге – центр исламского традиционализма.

Среди этой группы внутриконфессиональных противоречий можно выделить и другие противоречия, как, например, между представителями высшего духовенства в зависимости от места получения теологического образования. С обретением независимости для многих кыргызстанских мусульман появилась возможность получить теологическое образование в зарубежных университетах таких стран как Египет, Саудовская Аравия, Тунис, Алжир и других, а также Турции и Пакистана. Вернувшись на родину, многие из них становились проповедниками суннитского ислама, не столько в

классическом, сколько в радикальном его понимании. Поэтому участились выступления против местных особенностей исламского культа и против священнослужителей, получивших религиозное образование в Кыргызстане и Узбекистане.

Характерной чертой современных религиозных процессов в Кыргызстане является резкий рост религиозного сознания, что наглядно показали результаты социологического исследования, проведенного Институтом стратегического анализа и прогноза (ИСАП) при КРСУ летом 2006 г. в двух южных областях страны (Ошской и Джалал-Абадской), двух северных областях (Чуйской и Иссык-Кульской), а также в Бишкеке. Подавляющее большинство (90,7%) респондентов ответили, что верят в Аллаха, причем 87,9% из них имеют высшее образование. Значительная часть (35,85%) полностью следуют религиозным законам и постоянно исполняют мусульманские обряды. Свыше половины опрошенных (69,7%) заявили, что соблюдают религиозные обряды, хотя и не всегда, а 74,65% имеют дома – Коран [369]. Как считает А. Табышалиева, директор Института региональных исследований, в конфессиональном плане Кыргызстан может быть условно разделен на три зоны с совершенно различными характеристиками и траекториями развития. К первой группе можно отнести Бишкек и прилегающую к нему Чуйскую область. Так, в столице большое количество русских и украинцев, как правило, большинство из них православные. Здесь еще пока существуют довольно твердые позиции православной церкви. Второй зоной можно назвать северные районы республики с подавляющим большинством представителей кыргызской национальности – от 98% в Нарынской области, 87% в Таласской и до 77% в Иссык-Кульской области. В этой зоне популярен в основном народный ислам со значительными вкраплениями шаманизма и локальных культов, именно здесь протестантские миссии завоевывают новых сторонников из числа кыргызов, не встречая серьезного сопротивления.

Третья, южная зона, – это Ошская и Джалал-Абадская области, которые имеют не только самую минимальную долю немусульманских народов (3-4%), но и высокий процент наиболее религиозного населения из числа узбеков и кыргызов. Здесь сконцентрированы наиболее активные мусульманские центры: исторические Ош, Джалал-Абад, Узген, Сафид и другие места, известные как старинные и святые для паломников Центральной Азии [370, с.104].

Как считает Т. Калматов, бывший до недавнего времени директором Госагенства по делам религий КР, в настоящее время в Кыргызстане в мечетях богослужения ведут до 12 тысяч священнослужителей. Из них около 70% – самоучки, не окончившие специальных учебных заведений. В стране действует около 50 медресе, причем ни одно из них не прошло аттестации. Это означает, что выпускники подобных исламских заведений не признаются государственными структурами республики [371]. Серьезные проблемы может доставить «ваххабитское» движение. В 1992 г. распространяясь из Ферганской долины, оно затронуло Ош и другие населенные пункты Южного Кыргызстана. Ваххабиты начали возводить мечети и медресе, чтобы приобщить кыргызов к исламу и воспрепятствовать деятельности западных христианских

фундаменталистов, особенно активных в Бишкеке. Выбор Ферганской долины в качестве центра ваххабитского движения диктовался, во-первых, исламскими настроениями местных жителей, во-вторых, ее географическим положением, позволяющим ваххабитам опутать своей деятельностью Узбекистан, Таджикистан и Кыргызстан. А. Куртов отмечает: «За последние 5-7 лет я наблюдаю, по крайней мере, в Киргизии точно усиление исламизации, особенно в некоторых южных областях. Дело дошло до того, что школьники в массовом порядке уходят с занятий на пятничные молитвы в ряде сельских населенных пунктов. И учителя ничего поделать с этим уже не могут. Ислам берет свое» [372].

В. Богатырев считает, что в последние годы существенно усилилась мощь и число каналов исламского воздействия на умонастроения людей. Также видно, что ислам весьма специфическим образом существует на кыргызской площадке. Во-первых, это не философский, не концептуальный феномен. Более того, кыргызское философское мировоззрение устроено, совершенно по-другому и отделяет себя от исламского. Во-вторых, ислам не витальное явление в кыргызском обществе. Он существует, скорее, как обрядовая форма или как некоторые, достаточно локализованные формы поведения, чем как социальная норма, не говоря уже об индивидуальной экзистентности. В реальных жизненно важных ситуациях в кыргызском обществе всегда идет обращение не к по-исламски персонифицированному Всевышнему, а к духам предков или родовым ценностям, к доисламским и вне исламским магическим ритуалам. В-третьих, ислам для кыргызов выступает не как самоценность, а как некая альтернатива негативным явлениям. Основной мотивацией, например, того, что кыргызские родители отдают детей в турецкие лицеи, где существует исламская модель организации жизни, является не качество образования или не возможность приобщиться к исламским источникам, а гарантия того, что дети не увидят в школе наркотиков, рэкета, сквернословия и так далее, чем полна светская школа. В-четвертых, ислам как модель поведения принимается только в той части, которая связана с исторически сформировавшимися традициями народа. Поэтому многие каноны ислама игнорируются кыргызским обществом, причем даже той его частью, кто считает себя мусульманами. И, в-пятых, кыргызы в очень малой степени принимают и чувствуют мусульманское единство. События на юге страны особенно убедительно это продемонстрировали. Никакого чувства единоверцев не было и в помине. Этническое единство для кыргызов оказалось гораздо более существенной ценностью, чем религиозное [373].

В действительности, мусульманский ресурс Кыргызстана представляет собой потенциально влиятельную силу, еще не задействованную в полной мере. И от того, как и кем, этот ресурс будет использован и какую форму может приобрести участие мусульман в политической жизни страны, будет зависеть дальнейшее развитие государства и общества Кыргызстана, особенно в условиях роста политического самосознания мусульман страны и продолжающегося процесса развития ислама. Иными словами, Кыргызстан

стоит на пороге реальной борьбы различных политических сил за привлечение «мусульманского ресурса» на свою сторону.

Следует отметить, что ислам еще не может выполнять одну из важных своих функций в обществе Кыргызстана – интеграционную. Потенциал ислама как мощного средства интеграции общества до сих пор не реализован, как на общенациональном, так и на внутринациональном уровнях, в частности, когда мы говорим о титульной нации Кыргызстана. И этому во многом препятствует родоплеменное устройство кыргызского общества и, как следствие, особенности внутринациональной идентификации кыргызов.

Ряд исследователей предполагают, что коренные народы Центральной Азии практикуют ислам до определенной степени, когда он не запрещает пользоваться новой свободой видеосалонов, поп-музыки, потребительством, т.е. мусульмане часто придерживаются чисто утилитарного подхода к своей религии. Ислам приветствуют, если он доставляет блага, делающие жизнь более легкой, комфортной. Теоретически говоря, их мусульманская идентичность в значительной мере ситуативная [374]. Мусульманская община Кыргызстана с каждым годом все больше становится объектом политического процесса. На волне дальнейших демократических преобразований, приведших к новой Конституции страны и формированию Парламента по партийным спискам, различные партии весьма активно втягивают мусульман в политическую жизнь республики. Особый интерес представляют вопросы практического характера – можно ли мобилизовать всю мусульманскую общину как единую политическую силу в условиях ее многонационального состава, родоплеменных и клановых различий, и может ли вся община в перспективе выступать в качестве единой политической силы, способной повлиять на реформы и преобразования в общественной жизни.

Усиление роли религиозного фактора в Кыргызстане в последние годы обусловлено всем комплексом происходящих социально-политических изменений. Экономическая нестабильность и расслоение общества, возникший идеологический вакуум, ценностная дезориентация широких слоев населения активизировали влияние религиозного фактора на население страны. По словам М. Олкотт, ухудшающиеся политические обстановка и ситуация с безопасностью в Афганистане «если не перетекает в Центральную Азию, то по меньшей мере является тренировочным полигоном для недовольных политическим строем исламистов в Таджикистане, Кыргызстане. Эти люди, скорее всего, попытаются использовать в своих целях растущее общественное недовольство, в том числе на юге Кыргызстана» [375].

Анализ динамики межэтнической ситуации в Кыргызстане позволяет выделить несколько противоречивых факторов, способных при стечении обстоятельств стать аккумулятором роста конфликтогенности. Первым фактором в настоящее время является дифференциация по уровню развития регионов внутри страны. Это приводит к проявлению самых различных форм общественно-политических движений, основанных на этнической принадлежности их членов. Вторым фактором межэтнических противоречий в Кыргызстане является борьба за перераспределение ресурсов (территорий,

водных, энергоресурсов) между представителями этнических групп. Третьим фактором выступает большая плотность населения (особенно на юге страны) в местах компактного проживания представителей разных национальностей. При этом нетрудно спрогнозировать ту ситуацию, когда политическое противостояние может использовать вопрос об этнической принадлежности к тому или иному региону страны.

Существуют две субэтнические общности внутри Кыргызстана – «Север» и «Юг», которые живут совершенно разными установками, традициями, для которых характерны, совершенно различные менталитеты, к тому же между регионами нет экономической связи.

Таким образом, в Кыргызстане довольно четко проявляется неравномерность культурно-локального развития по линии «Север-Юг». Причем эта неравномерность усиливается год от года. Появляются все новые и новые противоречия, обусловленные как историческим прошлым, так и современными социально-культурными процессами в стране.

Что мы видим на сегодняшний день? Кыргызстанскому обществу упорно навязывают стереотип регионального противоборства. Складывается впечатление, что вся политическая борьба в Кыргызстане завязана исключительно на соперничестве элит. Ферганский хребет, отделяющий юг страны от севера, воспринимается буквально некой стеной, разделяющей один народ на две части. Внутренние региональные противоречия титульной нации констатируют сторонние наблюдатели. Маленький народ оказался искусственно разделен на множество групп. На Западе этот процесс окрестили периодом самоидентификации нации. Трезвые, прагматические умы внутри Кыргызстана – возвратом в варварские времена.

3 СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ МЕЖРЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ В РАМКАХ ГОСУДАРСТВ СНГ: УКРАИНА И КЫРГЫЗСТАН

В силу ряда причин, обусловленных как воспроизводственной структурой, сложившейся в условиях государственного социализма, так и тенденциями территориального экономического развития украинской и кыргызской экономик, к числу их характерных особенностей относятся межрегиональная асимметрия и диспропорциональность. Вытекающая из данных обстоятельств противоречивость межрегиональных экономических отношений обуславливает дезинтеграцию экономического пространства стран, ослабление центробежных тенденций в развитии экономики регионов.

Нарастание данных процессов создает угрозу экономической безопасности стран вследствие прогрессирующего распада их единого экономического пространства на взаимопротивопоставленные региональные составляющие.

3.1 Деятельности Содружества Независимых Государств и его основные направления

Когда рухнул СССР на исходе XX века (1988-2000 гг.), в ряде регионов вследствие копившихся долгие годы противоречий в социально-экономическом и межэтническом отношении произошло несколько длительных вооруженных столкновений с участием войск и использованием тяжелого вооружения (армяно-азербайджанское 1988-1994 гг., грузино-осетинское 1991-1992 гг., приднестровское 1992 г., осетино-ингушское 1992 г., грузино-абхазское 1992-1994 гг., таджикское 1992-1996 гг., чеченское 1994-1996 гг., конфликты и антитеррористические операции на Северном Кавказе 1999-2000 гг.). Так с конфликтов и противоречий началась история СНГ [376, с. 99-103], [377, с. 57-67], [378, с.60]. В марте 1991 г. было зафиксировано 76 этнотерриториальных споров внутри СССР [379]. Через год уже в постсоветском пространстве их число возросло до 180 [380]. За период 1988-1996 гг. – выявилось 300 территориальных притязаний. Президент Казахстана Н. Назарбаев, выступая на XI съезде Евразийской ассоциации университетов, отметил: «СНГ не решило замороженные конфликты, но помогло в тех областях экономики, которые были тесно взаимосвязаны в Советском Союзе» [381].

Начались массовые вынужденные миграции на просторах СНГ. Усилились этнократические тенденции. Концепция этнократического государства не только разделяется влиятельными официальными лицами некоторых стран СНГ, но и пользуется большой поддержкой у части их «титульного», коренного населения. Это, в свою очередь, послужило питательной почвой для роста националистических движений и партий, стоящих на крайних этнократических позициях. Как полагает В. Густов, председатель Комитета Совета Федерации РФ по делам СНГ, «Миграция – проблема номер один в Содружестве» [382].

Отправной точкой в анализе противоречивого характера деятельности СНГ может служить тот факт, что все страны Содружества возникли из бывших

советских республик и что на становление их политических систем огромное влияние оказывают история и накопленный практический и теоретический опыт бывшего СССР. Вопрос о точке отсчета начала «жизни» стран Содружества представляет собой не только теоретический интерес. В достаточно большой части публикаций проводится мысль о том, что страны СНГ смогли обрести независимость только с распадом Советской империи, которая угнетала их на протяжении длительного времени [383, с.32-33]. В доказательство приводятся «факты», подтверждающие борьбу так называемых метрополий против центра (Москвы) и т.п. Однако такое представление развития исторических событий как раз и носит явно идеологический и политизированный характер и не всегда отвечает действительности. Как полагал Е. Гайдар, «кризис СССР, о котором так много говорится, начался не с окраин империи, а поразил, прежде всего, ее центр. Это наглядно просматривалось и в позициях руководителей советских республик, особенно центральноазиатских, которые до последнего не хотели распада СССР. Причина кроется, прежде всего, в политике центральных властей, которые не смогли адекватно отреагировать на новые тенденции, как в самом СССР, так и в мире» [384, с.54-55].

В сложной политической ситуации, связанной с центробежными тенденциями в рамках СССР и попытками его замены конфедеративным образованием в виде Союза суверенных государств, руководители трех республик, входивших в состав СССР, - Белоруссии, Российской Федерации и Украины – подписали 8 декабря 1991 г. Соглашение о создании Содружества Независимых Государств и заявили в этом документе, что «Союз ССР как субъект международного права и геополитическая реальность прекращает свое существование» [385, с.153].

После дополнительных и более широких контактов руководители уже 11 бывших союзных республик 21 декабря 1991 г. подписали Алма-Атинскую декларацию и протокол к указанному Соглашению, в соответствии с которым Азербайджанская республика, Республика Армения, Республика Беларусь, Республика Казахстан, Республика Кыргызстан, Республика Молдова, Российская Федерация, Республика Таджикистан, Туркменистан, Республика Узбекистан и Украина «на равноправных началах и как высокие Договаривающиеся Стороны образуют Содружество Независимых Государств» [386, с.49-51]. В январе 1993 г. Советом глав государств СНГ был принят Устав.

Политико-правовой статус Украины в СНГ крайне противоречив (потому что, не принимая Устав организации, невозможно считаться ее членом, однако, в то же самое, Украина продолжает работу в различных форматах Содружества, противодействуя доминированию России). Украина рассматривает СНГ в качестве международного консультативного органа и считает, что официальное оформление своего членства в СНГ противоречит ее стратегическому курсу на интеграцию с Евросоюзом, поэтому она является лишь ассоциированным членом СНГ [387, с.35]. Грузия же стала первой страной, которая полностью вышла из состава СНГ (решение по этому поводу было принято 12 августа 2008 г., а формально процесс выхода был завершен 18 августа 2009 года). До того

еще в декабре 2000 г. две страны СНГ – РФ и Грузия – начали визовое общение друг с другом [388].

М.О. Петраков говорит, что проблемы и недостатки в работе СНГ неоднократно обсуждались на высшем уровне, предпринимались попытки повысить эффективность Содружества. Предполагались различные варианты его реформирования, в том числе по образцу уже действующих в мире моделей, таких, например, как ЕС, «Группа восьми», Британское Содружество. Столь широкий разброс предложений сам по себе заставлял относиться к ним осторожно [389, с.13-14]. О Содружестве независимых государств в последнее время пишут много и противоречиво. Одни концентрируют внимание на имеющихся в СНГ проблемах и разногласиях и приходят на этой основе к пессимистическим прогнозам, другие – наоборот, отмечают тенденцию к большей координации и объединению усилий стран СНГ, особенно на фоне мирового кризиса [390, с.13].

Уникальность СНГ заключается в двойственности процесса его функционирования. С одной стороны, некоторые страны СНГ демонстрируют формальное неучастие в той или иной договоренности, но при этом принимают реальное участие в ее реализации [391, с.39]. Так, В.М. Татаринцев предлагает посмотреть на СНГ через призму трех измерений (формирование региональной структуры международных отношений на постсоветском пространстве, утверждение государственности, формирование их национальных интересов) и это дает возможность понять перспективы СНГ [392, с.93-94]. Существование экономических противоречий обусловлено противоположностью экономических интересов субъектов хозяйственной деятельности, вступающих между собой в экономические отношения. Таким образом, Содружество представляло и сейчас еще представляет клубок противоречий. Их источниками выступают различия в уровнях социально-экономического развития составляющих его государств, разность в содержании и формах осуществления политических и экономических реформ. В результате наблюдается довольно пестрая, мозаичная палитра интересов участников. Это затрудняет формирование устойчивой и широкой базы совпадающих или близких национальных целей. К этому можно добавить, что нередко предпочтение отдается сиюминутным потребностям в ущерб долгосрочным [393, с. 39].

Как заметил Урал Латыпов – руководитель Группы высокого уровня по вопросам повышения эффективности Содружества Независимых Государств, «Экономическое сотрудничество, элементы зоны свободной торговли, они должны сохраниться, кто бы чего не хотел. Электроэнергетика должна сохраняться, преступников тоже надо ловить, СНГ дело полезное в этом плане, такие структуры, такие контакты, все это будет сохраняться, и ничего плохого в этом нет. Если вдруг сказать, что давайте СНГ мы раскассируем, то надо будет придумывать следующее СНГ, с другим названием, но с такими же функциями. Если бы СНГ было полностью не нужно, его бы уже не было [394]. Естественно, все понимают, что ядром СНГ является Россия. Россия уделяет большое внимание институализации отношений на пространстве СНГ [395, с. 13]. Председатель Комитета по международным делам Государственной Думы

РФ К. Косачев, среди ратифицированных Государственной Думой России за 1995-2005 гг. международно-правовых актов значительный удельный вес составляют договоры и соглашения России со странами-членами СНГ (46% от общего количества двусторонних международных договоров и 27% от общего количества многосторонних договоров) [396, с. 13-14.].

На состоявшемся в конце июля 2004 г. заседании Совета безопасности РФ, которое было целиком посвящено политике России в СНГ, Президент РФ В. Путин признал: «Мы подошли к определенному рубежу в развитии СНГ. Либо мы добьемся качественного укрепления СНГ, создадим на его базе реально работающую, влиятельную в мире региональную структуру, либо нас неизбежно ждет «размывание» этого геополитического пространства и, как следствие, окончательное падение интереса к работе в Содружестве среди его государств-участников. России следует определиться с моделью рационального поведения в СНГ. При этом надо отрешиться от представления о монополистической роли России в регионе, нужно отделять текущие фискальные интересы от задач интеграционной перспективы, при необходимости жертвуя первыми ради вторых [397].

Доминирующая роль России в СНГ признается без исключения всеми западными экспертами. Фонд Конрада Аденауэра в 2005 г. провел аналитическое исследование политики Президента России В. Путина, под названием «Доктрина Путина», с момента его прихода к власти по 2004 г. В исследовании говорится, что одной из целей политики Путина является усиление влияния России в странах СНГ. Эта цель идет вразрез с интересами США. Несмотря на это, Путин хочет, по крайней мере, у себя на «заднем дворе» побороться с американцами, продолжая делать ставку на российское военное присутствие там. Это связано с намерениями вмешиваться в политические и экономические дела стран СНГ [398]. Очень многие российские политики считают, что лидеры стран СНГ продолжают использовать Россию в своих текущих политико-экономических интересах, либо рассматривают ее как инструмент политического торга с Западом [399]. Можем ли мы сегодня, по прошествии 20 лет после создания СНГ, оценить эффективность данной структуры? Можно ли говорить о провале проекта «СНГ» на том основании, что разные страны, входящие в него, все чаще смотрят в разные стороны политической географии? Ведь во время сложных кризисных историй на постсоветском пространстве (будь то российско-украинский спор из-за косы Тузла, или азербайджано-туркменские споры по поводу нефтяных месторождений, «газовые противоречия между Россией и Украиной, «молочные войны» между Россией и Белоруссией, конфликт между Россией и Грузией в 2008 г.) СНГ практически никак не проявил себя. Многие эксперты полагают, что СНГ не показал своей эффективности и в урегулировании межэтнических конфликтов [400]. Кыргызстан так и не решил проблему закрытия американской базы на своей территории, вызвал тем самым недовольство Кремля. «Очевидно, конфликты в СНГ вышли из «замороженного» состояния на качественный уровень. Сегодня они порождены

не процессом распада Советского Союза, а текущей динамикой развития строительства новых наций-государств» [401, с.97].

Отношения двух братских государств, состоящих в союзе Белоруссии и России, являются чрезвычайно противоречивыми. Президент Д. Медведев в октябре 2010 г. отметил: «Руководство Белоруссии приняло на вооружение антироссийскую риторику. Предвыборная кампания там целиком построена на антироссийских сюжетах, на истерических обвинениях России в нежелании поддерживать белорусов и белорусскую экономику, проклятиях в адрес российского руководства». По словам Д. Медведева, за всем этим «видно желание поссорить государства, а, следовательно, и народы» [402]. Как заявил А.Б. Тасбулатов, командующий Республиканской гвардией Казахстана, «конфликтующие между собой стороны – Россия и Грузия – являются дружественными Республике Казахстан государствами. С каждым из этих государств в разной степени нас связывают исторические и культурные факторы, основанные на братских, добрососедских и доверительных отношениях между нашими народами [403].

Правительство Кыргызстана обращалось в Интеграционный Комитет ЕврАзЭС и Экономический совет СНГ с просьбой решить проблему на границе с Казахстаном. К такому решению пришли участники совещания под руководством первого вице-премьер министра Кыргызстана А. Муралиева. В его ходе участники сообщили о том, что Казахстан ввел ограничения на экспорт продукции кыргызского производства. В итоге было принято решение направить в адрес правительства соседней страны запрос об открытии пунктов пропуска и о беспрепятственном прохождении товаров всех категорий при пересечении кыргызско-казахстанской границы [404].

Создана весьма развитая организационная структура – Совет глав государств, Совет глав правительств, Совет министров иностранных дел (с рабочими и вспомогательными органами, создаваемыми как на постоянной, так и временной основе), Совет министров обороны, Координационно-консультативный комитет, Экономический суд, различные органы отраслевого сотрудничества, Межпарламентская ассамблея и т. п [405, с.72].

Однако до сих пор продолжаются дебаты об их предназначении. Указанные структуры принимают множество решений, договоров, соглашений, конвенций и т.п.; их число приближается к тысяче. Однако во многих из них принимала участие лишь часть государств-членов, и подавляющее большинство подписанных документов остается нереализованными. Результаты практической деятельности СНГ разочаровывающие. В то же время первые годы существования СНГ показали, что в оценке его значения как структуры, нацеленной на организацию геополитического пространства бывшего СССР, вряд ли уместны крайние суждения как негативного, так и позитивного характера [406, с.21].

Немало решений принято и в контексте действий по поддержанию мира внутри постсоветского пространства; в частности, от имени СНГ осуществлялись миротворческие операции в Абхазии и Таджикистане.

Тем не менее, даже в отношении указанных операций мандат СНГ носил по существу формальный характер; фактически они осуществлялись только силами российских миротворцев, тогда как другие страны реального участия в этой деятельности не принимали. Это можно объяснить несколькими причинами. Договариваться о сотрудничестве по военным вопросам нередко оказывается проще не на многосторонней основе, а в более узком составе в силу отсутствия у государств-членов общих военно-политических интересов [407].

Скептицизм в отношении СНГ имеет основания и в «торгово-экономических войнах» между странами-членами этой структуры (РФ и Молдовой, РФ и Грузией до 2008 г, РФ и Украиной, РФ и Белоруссией). Сложилось трудноразрешимое противоречие между суверенностью республик и острой потребностью в тесных экономических и гуманитарных связях между ними, противоречие между необходимостью той или иной степени реинтеграции и отсутствием необходимых механизмов, способных обеспечить увязку интересов стран Содружества. Подобные противоречия не решить в логике суверенитетов. Конкуренция, которую страны СНГ испытывают со стороны других регионов мира, в скором времени усилится. «У государств бывшего СССР есть две дороги – интегрироваться или «загибаться поодиночке», - считает М. Делягин [408].

Значительные противоречия существуют в Центральноазиатском регионе, где не пока решены так называемые «водные проблемы», перерастающие в политические и экономические (между Узбекистаном и Таджикистаном) [409]. До сих пор не выработан взаимоприемлемый механизм совместного использования водно-энергетических ресурсов Центральноазиатского региона [410, с.184]. Необходимо провести международную экспертизу проектов строительства новых гидроэнергетических сооружений в регионе, таких как Рогинская ГЭС в Таджикистане, Камбаратинские объекты в Кыргызстане. Многие интеграционные механизмы внутри Содружества также блокируются системой двусторонних отношений между странами СНГ, которые для них стали более приоритетными.

На наш взгляд, природа многих конфликтов на просторах СНГ во многом объясняется сохраняющейся высокой степенью взаимозависимости государств Содружества друг от друга. Унаследованная от советских времен взаимозависимость прослеживается по многим линиям: от поставок топлива и сырья, транзита, до рынка трудовых мигрантов. В условиях рынка жесткая зависимость одной страны от другой делает неизбежным попытки отдельных стран обернуть в свою пользу те или иные повороты конъюнктуры.

Аморфность СНГ обусловлена превалированием национальных интересов над общими, размытостью полномочий и обязанностей государств-членов Содружества, необязательностью исполнения решений организации ввиду их рекомендательного характера [411]. Наиболее удачно роль СНГ определил Президент России В.Путин на пресс-конференции в Ереване 25 марта 2005 г., когда недвусмысленно объяснил, в чем принципиальные отличия между европейской интеграцией и СНГ: «Если в Европе страны в рамках ЕС работали

совместно для объединения, то СНГ создавалось для цивилизованного развода. Вот в чем разница» [411].

Как пишет Москвин, «Один американский аналитик отметил, если бы Советская империя развалилась так, как Югославия, то война на Балканах показалась бы «невинным пикником учеников воскресной школы». В результате достигнутых между странами СНГ многосторонних и двусторонних соглашений продолжает функционировать железнодорожный, авиационный, морской и речной транспорт [412]. Газета «Коммерсант» отмечала, что к счастью, в Содружестве есть еще и другая, не капитулянтская позиция – казахстанская. Казахстан и его бессменный лидер на протяжении последнего десятилетия является неукротимым инициатором постсоветской интеграции. Уже в 1994 г. Н. Назарбаев пришел к выводу, что принятый в СНГ «бракоразводный» курс имеет существенные недостатки и ведет наши страны в геополитический тупик. Президент Казахстана первым предложил подумать об иной межгосударственной структуре, удачно названной Назарбаевым «Евразийским Союзом» [413].

25 мая 2010 г. премьер-министр РФ В.В. Путин в интервью телерадиокомпании «Мир» заявил: «Если бы СНГ не было, нам бы не удалось согласовать многие вопросы ни в экономической, ни в социальной сферах. Мы даже не замечаем, что они отрегулированы. Без СНГ все было бы по-другому – хуже. Грузия, объявляя о выходе из СНГ, осталась в 75 соглашениях, потому что они жизненно важные для страны» [414]. По мнению Е.И. Пивоварова – главная проблема Содружества заключена в том, что создавалось оно с разрушительными, по сути, целями. Эта идея не могла не наложить отпечаток на судьбу организации. СНГ до сих пор существует не благодаря, а вопреки своей первоначальной концепции, поскольку за последние годы естественным образом очертился некий круг интересов, которые по-прежнему удерживают большинство постсоветских стран в некоей общей орбите [415, с.127].

Свою интегрирующую роль СНГ уже отыграл в 90-е гг. XX в., считает руководитель аналитического управления Центра политической конъюнктуры А. Шатилов. Он считает, что страны постсоветского пространства предпочитают прагматическое сотрудничество, которое развивается как по пророссийской линии (ЕврАзЭС, ОДКБ), так и по антироссийской (ГУАМ). Большинство же стран СНГ, по мнению А. Шатилова, заинтересованы в сохранении существующего положения вещей, обеспечивающего им экономические преференции [416]. Посол Республики Казахстан в Беларуси Б. Искаков отметил, что «Более 1600 документов принято в рамках СНГ. Из них работает только 10%. Нам надо однозначно сказать, что в таком аморфном виде СНГ ничего не даст» В то же время казахстанский дипломат подчеркнул, что в «СНГ много сделано для того, чтобы мы не только цивилизованно разбежались, а цивилизованно жили». «Это та площадка, на которой 12 государств СНГ могут решать конкретные вопросы» [417].

Президент Казахстана Н. Назарбаев на саммите СНГ в Казани в августе 2005 г. заявил о том, что СНГ не исчерпало своих возможностей и его надо сохранить как организацию, которая объединяет всех нас ради интеграции в

экономике, улучшения жизни народов. СНГ не решило замороженные конфликты, но помогло в тех областях экономики, которые были тесно взаимосвязаны в советском Союзе, отметил Президент РК, выступая на XI съезде Евразийской ассоциации университетов в Астане [418]. 3 июля 2008 года в Пекине Президент России Д. Медведев отметил: «Я считаю, что у нас со всеми государствами СНГ есть дружественные и полноценные контакты. И очень хорошо, что сохраняется этот механизм, потому что после прекращения существования Советского Союза ничего другого, чтобы объединяло все практически республики бывшего СССР, кроме прибалтийских республик, мы не создали. И СНГ нужно дорожить» [419].

Гуманитарная сфера сегодня становится общим приоритетом развития стран СНГ, а также международного сотрудничества. Культурные, научные и просто человеческие отношения наших народов – вот главные ценности, наращивание которых является задачей МФГС (Международный фонд гуманитарного сотрудничества) – об этом заявил исполнительный директор МФГС Смбатьян А.Б. Без общей истории наших стран нет будущего, но взгляд в будущее помогает по-новому определять и поддерживать интересы друг друга, исходя из новой реальности и выстраивая отношения по-новому, отметил Смбатьян [420, с.50]. Первый вице-премьер Российского правительства И. Шувалов во время поездки по Центральной Азии в начале 2010 г. сказал: «Государствам Содружества необходимо определиться по формату, который они считают общим» [421, с. 87].

Несмотря на то, что существуют противоречия внутри самих государств СНГ, в целом СНГ можно охарактеризовать как институциональную структуру многостороннего взаимодействия между независимыми государствами, возникшими на территории бывшего СССР. Это взаимодействие носит противоречивый характер. На современное состояние и на дальнейшее развитие СНГ и его роль в международно-политическом развитии оказывают влияние несколько обстоятельств.

Во-первых, объективно существующая взаимозависимость между странами, возникшими на территории бывшей огромной страны, создает весомые предпосылки для их сотрудничества по линии СНГ. Но такое сотрудничество может рассматриваться и как фактор, сдерживающий диверсификацию, определяется в качестве важной задачи практически всеми постсоветскими государствами, это в определенной степени снижает приоритетность СНГ во внешнеполитическом мышлении и поведении лидеров государств-членов.

Во-вторых, превалирующее положение в этой организации, безусловно, занимает Россия, что обуславливает ее интерес к СНГ и выдвигает ее на роль единственного возможного лидера в рамках СНГ, способного инициировать его поступательное развитие. Но для ряда других государств-членов именно указанное обстоятельство является причиной осторожного подхода к СНГ как к образованию, которое на стадии политической и экономической несбалансированности способно увековечить доминирование одного участника и периферийное положение других. По мнению А. Малашенко, Россия сможет

сохранять свои позиции в СНГ лишь в том случае, если откажется от жестких методов продвижения собственных интересов, и постарается стать более привлекательной как политически, так и экономически [422]. Профессор университета Джорджа Вашингтона Ш. Робертс утверждает, что «Пока Россия сохраняет советские методы воздействия и продолжает играть роль «большого брата», она будет восприниматься негативно» [423]. На наш взгляд, если Россия теряет контроль над постсоветским пространством, то это может повлечь неприятные последствия геополитического и экономического характера. Так как пусто место свято не бывает. Его в первую очередь заполнит Китай (особенно в Центральной Азии), а на западе (ЕС и США).

В-третьих, СНГ дает возможность (пусть даже в большинстве случаев чисто формальную) организовать многостороннюю поддержку ряда акций, в которых заинтересованы отдельные страны Содружества, или инициировать его обращение к тем проблемам, которые для них являются особенно актуальными. Однако для других стран это может создать нежелательную перспективу вовлечения в такие ситуации, которые не затрагивают их напрямую.

В-четвертых, заинтересованность разных стран в налаживании многостороннего взаимодействия в рамках СНГ неодинакова, что привело к формированию структур ограниченного состава внутри этой организации. К таким структурам можно отнести, например, «союз двух» (Россия и Беларусь), «союз четырех» (Россия, Беларусь, Казахстан, Кыргызстан с планируемым присоединением Таджикистана), «центральноазиатское сообщество» (в составе четырех государств Центральной Азии), ЕврАзЭС (Россия, Беларусь, Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан). Впрочем, вопрос о действенности всех этих образований остается открытым. Примером иного рода можно считать группу ГУУАМ (Грузия, Украина, Узбекистан, Азербайджан, Молдова), участники которой в своем взаимодействии стремятся ослабить зависимость от России.

В-пятых, для большинства государств-членов преимущества консолидированного выступления на международной арене весьма ограничены. Хотя СНГ формально и обладает международной правосубъективностью, оно пока практически не присутствует на международной арене в качестве самостоятельного действующего лица. Это радикальным образом отличает СНГ от таких структур, как ЕС или НАТО в плане возможного воздействия на организацию международно-политического порядка и в Европе, и в Азии [424, с.77].

Последние социологические исследования показывают, что почти во всех бывших союзных республиках (низкий процент только в Прибалтийских республиках) около 70% населения хотели бы жить совместно, а не врозь [424]. Тем более, что опыт «цветных революций» в ряде стран бывшего СССР показывает, что внутривнутриполитическая обстановка в государствах после их свершения только обостряется. Особенно это касается Грузии и Кыргызстана. Элиты, внезапно получившие всю полноту власти, раздирают внутренние противоречия. Во главу угла путем радикального передела сфер влияния в

экономике ставится материальное благополучие верхов. До жизни простого народа вчерашним лидерам оппозиции, достигшим властного олимпа путем мобилизации этого самого народа популистскими лозунгами, дела уже нет.

Таким образом, большинство политиков и экспертов в последнее время выступают за дальнейшее существование и развитие СНГ. «Если бы было побольше совместных крупномасштабных проектов, и политических, и экономических, Содружество приобрело бы новое лицо. Когда все зависят друг от друга, то не возникает сложных проблем. Взаимодействие бизнеса зависит от успеха взаимоотношений государств, и все только выиграют, если отношения будут развиваться» - сказал глава Делового Центра СНГ А. Казаков. Далее он добавил: «Из мирового кризиса СНГ выйдет более сильным и сплоченным» [422].

В целом, делая вывод о деятельности СНГ, следует признать, что данная организация является главным генератором и координатором усилий по интеграции и оздоровлению обстановки на постсоветском пространстве, разработчиком общих правил игры во взаимодействии государств-участников по различным направлениям, гарантом транспарентности их действий и одним из главных факторов гармонизации их внешней политики.

3.2 Влияние социально-экономического развития Украины на региональные противоречия

Ко времени развала СССР Украина представляла собой достаточно мощную индустриально-аграрную державу, занимавшую первые места в Европе и мире по многим ключевым показателям промышленности и сельского хозяйства, научного и культурного развития. Это способствовало культивированию в обществе иллюзий о благоприятных перспективах социально-экономического прогресса Украины за пределами единого народнохозяйственного комплекса СССР и блестящих возможностях интегрирования страны в общеевропейские процессы и структуры, в первую очередь в ЕС. Но слом советской системы хозяйствования вовлек все суверенные республики бывшего СССР в фазу бифуркации, ставшую началом почти тотального уничтожения производственного потенциала страны.

Казахстанский профессор Ф. Кукеева считает, что «стартовые позиции после развала СССР у Украины были превосходные» [423]. По словам директора Института мировой экономики и политики при Фонде Первого Президента Республики Казахстана С. Акимбекова, в Украине был грандиозный потенциал. Там было производство конечной продукции, а это очень весомый фактор. Украина была наиболее развитой республикой в СССР. Однако глубокий экономический спад, разразившийся в Украине после обретения независимости, вскоре трансформировался в системный кризис и поразил все важнейшие сферы жизнедеятельности общества. Сегодня Украина является единственной среди бывших союзных республик, допустившей значительный спад в экономике (на 40%) без внутренних межнациональных и этноконфессиональных конфликтов.

Интегральным показателем экономического потенциала государства, считается в первую очередь размер совокупного общественного продукта. В 1990-1999 гг. ВВП в Украине сократился на 59,2%, объем промышленной продукции на 48,9%, сельского хозяйства – на 51,5%. Реальная заработная плата уменьшилась в 3,82 раза, а реальные выплаты по пенсиям – в 4 раза [425, с. 105-107]. Количество безработных достигло в 2000 г. 1155,2 тыс. человек, и только 627,3 тыс. из них получали пособие по безработице. При этом необходимо отметить, что официальная статистика безработицы в Украине вызывает весьма большие сомнения в МОТ и противоречит исследованию Г. Стэндинга и Л. Жолдоса «незащищенность рабочих в украинской промышленности» [426, с.88], вышедшему в 2000 г. под эгидой МОТ. По данным экспертов МОТ, средний доход на душу населения в Украине в 1999 г. составлял 25 долл. [427]. По данным статистики ООН, где опубликованы объемы национальных доходов в расчете на душу населения, в Украине в 1990 г. он определен в размере – 4005 долл. США, в 1991 г. – соответственно – 2884 долл., а в 1992 году – всего 318 долл., то есть уменьшился в 12,7 раза. Катастрофическое падение [428].

Особенно тяжелое положение сложилось в 1999 г., и в июле 1999 г. Верховная Рада Украины приняла Обращение к Парламентской Ассамблее ОБСЕ и Европарламенту, а также к ПАСЕ и Межправительственной Ассамблее СНГ, ко всей европейской и мировой общественности. В этом Обращении говорилось: «Экономика нашей страны за годы, так называемых реформ доведена до краха. Утрачено две трети валового внутреннего продукта, три четверти промышленного и более половины сельскохозяйственного производства. Внешний государственный долг достиг 12,4 млрд. долларов, что равняется двум годовым бюджетам Украины» [429].

М. Вуравоу полагает, что с точки зрения системного анализа трансформация экономики Украины крайне противоречива. Аксиомой является то, что учреждение и становление рыночных институтов под силу только сильному государству, ибо «вопреки оптимистическим теориям модернизации, рыночных путей и рыночной экономики не существует [430, с.319-321]. Однако, действуя методом от обратного, украинские «реформаторы» начали экономические преобразования в стране с превращения государства в «ночного сторожа», демонтажа его основных институтов. Это содействовало решению только одной, по сути, антигосударственной задачи – разграблению общенародного достояния страны, созданного самоотверженным трудом нескольких поколений, и разрушению способности государства к воспроизводству экономики [431].

Гибель СССР оставила украинское индустриальное и сельскохозяйственное производства без потребителей продукции, без финансирования. Все это немедленно вызвало экономический кризис. Его усугубили:

- конверсия: перестройка оборонной промышленности для производства мирных товаров народного потребления;

- переход к непривычным для советской номенклатуры экономическим методам эксплуатации наемной рабочей силы (голод, нищета, безработица, низкие заработные платы);

- приватизация государственной собственности, в ходе которой бывшая советская бюрократия превратилась из «слуг народа» в его хозяев – капиталистов, не имеющих, однако опыта масштабной экономической деятельности в условиях рынка [432, с. 83].

В августе 1992 г. была принята Государственная программа приватизации имущества государственных предприятий на 1992-1994 гг. Приватизация стала одним из главных источников фантастического обогащения чиновников, отвечающих за ее проведение. Теоретически приватизации подлежали в первую очередь убыточные, разоренные, не работающие предприятия, не способные своими силами реанимировать производство и вернуться на рынок.

Но противоречие приватизации состояло в том, что самые влиятельные в стране лица позволили себе приватизировать не убыточные, а самые прибыльные предприятия, чтобы не утруждать себя реорганизацией производства, не тратить личные капиталы на его модернизацию, а сразу получать от них доход, эксплуатируя советское наследство. Украина вошла в рыночные отношения с большими противоречиями, как внутриэкономическими, так и внутривнутриполитическими [433, с. 104].

3-го июня 1992 г. Верховная Рада Украины ратифицировала договор о вступлении Украины в Международный валютный фонд (МВФ). Противоречие здесь в том, что ратифицировали этот договор вчерашние «преданные партии» коммунисты – это 385 депутатов, членов КПУ, и 40 депутатов от РУХа.

Вследствие выполнения требований МВФ разрушено промышленное производство и сельское хозяйство, развалены колхозы и совхозы. Украина превратилась в сырьевой придаток Запада. Оказались утрачены миллионы рабочих мест, 7 миллионов граждан страны выехало за рубеж в поисках работы (с 1993 – по 2003.) [434].

После ратификации страна приняла на себя обязательства выполнять все требования МВФ. Все ученые, эксперты, экономисты четко представляли, что сценарий для Украины пишется в Вашингтоне. Далее МВФ начинает выдавать кредиты, эти кредиты разворовываются верхушкой власти, расплачивается за кредиты весь народ, потому что и сами суммы кредитов, и проценты за них выплачиваются из бюджета страны. Это является большим противоречием, так как средства выделяются на развитие экономики, а они тратятся, мягко говоря, не по назначению. Как результат, - нет экономики, нет работы, появляются недовольные, возрастает социальная напряженность [435]. Другим противоречивым феноменом в Украине (как впрочем, и во многих странах СНГ) выступает феномен, встроенный в систему власти – это «семьи», понимаемые вполне традиционно, т.е. не в мафиозном понимании, а с точки зрения матримониальных и прочих отношений. Об этом феномене, еще в 2001 г. говорил профессор Кожокин Е.М. [436]. Он высказал свое мнение, что власть оказывается не только у самого президента, но и у его семьи. Именно через

«семью» часть власти получают те, кто получил в России название «олигархов».

На Украине олигархи институционализировались в «формате» депутатов, там, собственно, весь олигархический «цвет» присутствует в Верховной Раде. Если духовной основой буржуазии была протестантская этика с ее культом честного труда, то у украинской буржуазии такого этического стержня не было. Украинская буржуазия сформировалась из людей, которые, во-первых, в период распада СССР наиболее близко находились к государственной собственности и могли участвовать в ее распределении; во-вторых, несли в себе капиталистический «дух предпринимательства», точнее, обладали тем психологическим качеством, которое позволяло им без угрызений совести обворовывать и эксплуатировать ближнего [437].

Характерной чертой всей современной социально-экономической ситуации в Украине является постоянное снижение уровня доходов большинства населения, испытывающего мощное давление инфляционных процессов и спада производства товаров массового потребления. В опросах общественного мнения эта тенденция четко зафиксирована по субъективным оценкам респондентов, представлявших различные категории населения во всех регионах Украины. За годы независимости, по мнению многих ученых и экспертов, массовое обнищание населения страны становится реальностью, оказывающей существенное воздействие на формирование экономического сознания людей, их отношения к процессу обновления общества [438]. Ликвидация рабочих мест вследствие длительного паралича промышленности и сельскохозяйственного производства, отсутствие системы преемственности кадров, распродажа, а также физический и моральный износ всей производственной базы страны. Следствием этого стало резкое обеднение не только массы безработных, но огромного количества работающих людей, что является крайне противоречивым моментом.

Разные правительства Украины предпринимали неоднократные попытки борьбы с бедностью. Правительство Ю. Тимошенко в 2008 г. решило издать указ «О повышении пенсий, пособий и заработных плат». Однако представители МВФ в очередной раз выразили обеспокоенность тем, что вступление данного закона в силу «может отрицательно сказаться на экономическом восстановлении Украины» [439]. Главным фактором расширения бедности является масштабный экономический кризис. Тенденция спада производства сопутствует росту расслоения общества. Причины этого связаны с особенностями хода реформ в Украине, в том числе:

1. Формированием крайне несправедливого пропорционального перераспределения общественного богатства, что связано с медленным и непоследовательным ходом реформ.

2. Высокой инфляцией, способствующей быстрому снижению реальных доходов и обеднению населения.

3. Резким сокращением сферы социальных услуг и свертыванием системы социальной защиты в связи с бюджетным кризисом.

Социальной стабильности и даже жизнедеятельности угрожает тот факт, что 10 миллионов пенсионеров получают пенсию размером около 47 евро в месяц, т.е. существуют на 1,5 евро в день, а 1 миллион работников бюджетной сферы работают за 58 евро в месяц [440].

Сельское хозяйство Украины в основном развивалось экстенсивным путем. Оно наращивало свое производство вследствие расширения площадей обработки, особенно пашни (Украина распахана как никакое другое развитое государство – на 57%, в некоторых районах доходило – до 80%, для сравнения: в Венгрии – 37%, в США – 23%). Причем, в 50-70 –е гг. XX в. наблюдалась тенденция, которая противоречила мировой практике, где сокращались площади обработки на худших по качеству землях, а посевы размещались на более плодородных почвах. В Украине, наоборот, возрастали площади в полесских районах и уменьшались в лесостепных и особенно в степных.

Благоприятные климатические условия и почвы Украины обеспечивали в условиях СССР относительно высокую урожайность. В 1985 г. СССР дала 46,5 % всей пшеницы, 56% кукурузы, 60,5% сахарной свеклы, 50% подсолнечника. Производство говядины составляло 24% от общесоюзного. В последующие годы, особенно в годы независимости, сельскохозяйственное производство Украины стало снижаться: в 1991 (1997) Украина произвела 38,7 (35,4) млн. тонн зерна, 36,3 (17,5) млн. т. сахарной свеклы, 4,1 (1,9) млн. т. мяса и 2,7 (13,7) млн. т. молока. Сокращение производства связано с дезорганизацией сельского хозяйства [441, с.133]. Естественно, что необходимость реформирования АПК Украины оказалась, обусловлена низкой производительностью труда в сельском хозяйстве, которая значительно ниже, чем в передовых странах мира. Противоречивым моментом здесь выступает факт того, что за период независимости, несмотря на предпринимаемые реформационные усилия, деграционные процессы усиливались, наметилась устойчивая тенденция к снижению объемов производства основных видов продукции сельского хозяйства [442].

2006 год был провозглашен годом села в Украине. С тех пор на всех уровнях постоянно обсуждается проблема организации рынка земли. Каждый новый бюджет принимается с увеличением бюджетных ассигнований на сельское хозяйство. Нарастают объемы бюджетных ресурсов, направляемых на компенсацию ставок по банковским кредитам сельского хозяйства. Но противоречие в том, что при этом все большее количество земель в Украине пустуют, - на них не ведутся никакие сельскохозяйственные работы и подобная ситуация наблюдается во всех регионах. Как говорят эксперты, банковские кредиты с государственной компенсацией не стали источником получения кредитных ресурсов фермерами [443].

Вопрос сотрудничества фермеров с поставщиками сырья, нужного для изготовления аграрной продукции, и вопрос их контактов в части сбыта произведенной продукции – не решен, а обе эти сферы, как всегда, являются монополистами по отношению к фермеру-производителю. В свою очередь, успех развития аграрной сферы находится в зависимости не только от эффективной государственной политики, но и от предпринимательской

активности самих аграрных производителей. В развитых государствах подобное противоречие в свое время было разрешено благодаря аграрной кооперации.

Однако эксперты отмечают, что к острейшим социально-экономическим проблемам села относятся: безработица, низкий уровень доходов сельского населения, отсутствие мотивации к работе, трудовая миграция, упадок социальной инфраструктуры; углубление демографического кризиса; обезлюдение и отмирание сел [444]. В Украине существует общая тенденция к постепенному уменьшению численности лиц, которые проживают в сельской местности. Так, на протяжении 2003-2008 гг. происходило ежегодное уменьшение сельского населения в среднем на 1,2% или 194,2 тыс. человек за год, а в 2006 г. имела место наибольшая за последние годы миграция, из сельской местности – выехало 219,6 тыс. человек.

Миллионы украинцев живут в других странах, зарабатывая там себе на жизнь. Только в Западной Европе трудятся около 2 млн. заробитчан (трудовых мигрантов). В основном они работают нелегально, но даже бесправная жизнь там устраивает их больше, чем отсутствие работы в Украине [445]. Согласно результатам социологического мониторинга Института социологии НАН Украины на работу за границу хотя бы раз выезжали около 10% взрослого населения Украины [446, с. 63].

Переход к рыночной экономике в стране происходит крайне противоречиво. С одной стороны, он сопровождается формированием качественно новых правовых социально-трудовых отношений, а с другой – нарастанием конфронтации, социальной напряженности, о чем свидетельствуют массовые недовольства – коллективные трудовые споры и конфликты, в том числе забастовки. Это показывает, что в Украине существует необходимость в осуществлении государством и обществом мероприятий по увеличению количества сельского населения, особенно в трудоспособном возрасте, которые должны быть связаны с ростом в сельской местности количества рабочих мест с надлежащей оплатой труда и формированием занятости рабочей силы в аграрной сфере.

Главным компонентом развития любой территории, основной производительной силой общественного производства является население [447, с.49, 61]. Причем не только количественные, но и качественные демографические характеристики, в конечном счете, обуславливают экономическое и социальное развитие региона. Именно люди с их здоровьем, образованием, квалификацией, профессиональным опытом и культурой определяют возможности и границы необходимых перемен [448, с. 40-41].

В марте 2009 г. в региональном издании был сделан сравнительный анализ вклада различных регионов Украины в общегосударственную «копилку». Оказалось, что Юго-восток (47,34% населения страны) производит 49,41% общенационального ВВП, а Запад и Центр (без Киева, занятого в основном перераспределением произведенного в других регионах) – 32,98% ВВП, при 46,61% от населения Украины. В 2006 г. ВВП на душу населения на Юго-востоке составил 12421 гривну, в центре – 9033 грн., на западе – 7386 грн.

Доминирующая роль Юго-востока в экономике Украины видна отчетливо. Западные области – при 20,28% от населения страны, дающие лишь 12,7% ВВП. Юго-восток обеспечивает не менее трех четвертей экспортных поступлений Украины. Лишь 11,12% выручки от экспорта товаров и 2,98% от экспорта услуг обеспечивает центральный регион (причем около трети – одна область, - Полтавская) и западный регион при 20,28% от населения страны – 6,245 экспорта товаров и 2,83% экспорта услуг.

Таблица 2

Регион	Население, человек	% к Украине	ВВП, млн. гривен	% к Украине	ВВП на душу населения грн.	Реальные доходы млрд. грн	Доходы на душу населения грн.	Коэффициент потребления
Юго-Восток	21864620	47,34	268883	49,41	12421	174737	7992	0,64
Центр	1257480	26,33	109828	20,18	9033	90308	7428	0,82
Запад	9365890	20,28	69176	12,7	7386	61833	6602	0,89
Киев	2756117	5,96	95267	17,51	34561	36708	13317	0,36
Украина в целом	46179226	100	544153	100	11360	363586	7771	0,67

Промышленно развитый регион Юго-Востока играет важнейшую роль в экономике страны, поскольку именно там сосредоточены важнейшие отрасли украинской промышленности: металлургия, судо- и машиностроение, авиастроение, развита инфраструктура и высок кадровый потенциал. К примеру, в течение последнего десятилетия горнометаллургический комплекс, в котором задействованы 558 тыс. человек, обеспечивает производство около 27% ВВП страны и свыше 40% валютных поступлений от экспорта. Как указывает Э.Г. Задорожнюк (Институт Славяноведения РАН), «в целом Юго-восток – это доминирующий в плане людских ресурсов и промышленного потенциала регион, без которого хозяйственно-экономическая жизнь Украины как крупного европейского государства непредставима» [449, с.125].

Однако после прихода к власти «оранжевых» важнейшим и составляющим украинской политики стали популизм и этнонационализм. Популизм в социально-экономической политике привел в 2005 г. к резкому повышению налоговой и общей фискальной нагрузки на предпринимателей с целью обеспечения поступлений в бюджет. В то же время бюджет «проедался», поскольку был ориентирован на повышение социальных выплат, не предусматривая вложений в развитие наукоемкого производства, в частности, ВПК, стимулирование инвестиций и т.п. Долгосрочные экономические интересы были принесены в жертву интересам срочного пополнения бюджета. Вместе с непродуманной, противоречивой политикой «реприватизации» - это привело к резкому замедлению экономического роста и инвестиционному

кризису. Почти все сторонники «оранжевой власти» рассчитывали, что с приходом к власти В. Ющенко из Западной Европы и США на них польется «золотой» дождь из евро и долларов. И главное, в быстром темпе Незалежная окажется в объятиях ЕС. Однако основное противоречие заключалось в том, что, реальные перспективы вступления в ЕС оказались призрачными. Такими же несбыточными являются надежды на обильную финансовую помощь из бюджета Евросоюза. Например, в 2005 г. он составляет 117 млрд. евро, из которых 15 млрд. выделяется на развитие десяти новых стран-членов, а 80 млрд. – на помощь фермерам и регионам ЕС-15 [450, с.4].

Украина, даже если предположить, что вступит в ЕС, окажется на периферии европейской интеграции. Ее хозяйственный цикл и структура экономики будут сильно отличаться от ядра европейской группировки, что не позволит ей войти в валютный союз и присоединиться к целому ряду других важных проектов. При этом финансовые ресурсы ЕС будут и дальше распределяться в основном в пользу западных, а не восточных стран и регионов (для чего Брюсселем заблаговременно введен тезис «о низкой поглощающей способности» экономик новых членов).

Как выразился бывший президент Украины Л. Кучма: «Нам не с чем идти в Европу. О какой Европе можно говорить, если мы внутри страны не можем найти компромисс? Сидите и не чирикайте» [451]. В начале 2006 г. Министр экономики Украины Арсений Яценюк заявил: «Украина остро нуждается в реальной экономической поддержке развитых стран Европы. Мы остались одни. С россиянами у нас ничего не получилось в экономических отношениях уже с европейцами у нас ничего не получается еще. Моя позиция проста: если идем в Евросоюз – я двумя руками «за». Но если нам закрыли рынок в Европе на 100 млн. долл., открывайте нам этот рынок в Европе, нам нужно как-то жить».

М. Погребинский и А. Финько отмечают: «Возможно, на самом деле украинские власти полностью отдают себе отчет в том, что территориальная экспансия ЕС на Восток остановлена всерьез и надолго» [452, с. 101]. А. Яценюк считает, что, принимая экономические решения относительно Украины, европейские страны и США должны принимать во внимание и геополитические аспекты. «Если мы в геополитическом аспекте считаемся союзниками, то без подкрепления реальными, «живыми» деньгами геополитика ничего не стоит. И нужно осознать базовую вещь, которая мне стала понятна по Единому экономическому пространству Европы: политическая независимость страны – это химера» [453]. Одним из ключевых моментов поддержки «оранжевой власти» на Майдане в 2004 году, в том числе представителями многих областей восточной Украины, было желание вступить в ЕС. Это, по мнению многих жителей страны, дало бы возможность зажить хорошо и богато. При этом пришлось решать и болезненные территориальные споры. В 2009 г. Украина фактически лишилась значительной части нефтяного шельфа, проиграв Румынии судебный спор относительно принадлежности острова Змеиного. В судебном решении заявлено, что остров не может считаться частью прибрежной линии Украины при определении срединной линии при

делимитации континентального шельфа и исключительной экономической зоны [454].

«Оранжевая власть» находилась в чрезвычайно неопределенном положении. С одной стороны, были «всеуровневые выборы», в ходе которых хочешь, не хочешь, а приходится в той или иной степени адекватно реагировать на электоральные чаяния. Чайния эти, подогретые компанией раскулачивания и социальных подачек, носят вполне пролетарский характер: народ жаждет продолжения реприватизации и перераспределения, социальных благ. С другой стороны, политика реприватизации уже принесла свои ощутимые плоды, спровоцировав снижение темпов роста ВВП и притока инвестиций. Так охарактеризовали процесс реприватизации в 2005 г. многие эксперты [455]. Этот процесс был противоречивым. Ведь, например, Премьер-министр Ю. Тимошенко весной 2005 г., перед поездкой в Москву, заявила: «Поэтому призываю всех бизнесменов услышать мои слова: Реприватизации на Украине не будет» [456]. Затем летом 2005 г. решила вновь выставить металлургический комбинат «Криворожсталь» на продажу. Ведь победителями первых торгов стали соратники экс-президента Украины Л. Кучмы – его зять В. Пинчук и донецкий бизнесмен Р. Ахметов. Их концерну «Инвестиционно-металлургический союз» принадлежит 93,02% акций «Криворожстали», которые украинское правительство пытается отсудить у олигархов. Тяжба шла несколько месяцев. Ю. Тимошенко распорядилась национализировать акции, не дожидаясь решения вопроса законным путем [457]. Что касается идеологии этнонационализма, то она отражает настроения, характерные для части населения Запада и Центральной Украины, и не имеет никакого отношения к Юго-востоку. С подачи В. Ющенко этнонационализм стал в Украине официальной идеологией, приобретая ярко выраженную русофобскую окраску. И здесь, по мнению немецкого эксперта, «Украину можно сравнить с политическим минным полем» [458].

Исторически Юго-восточные территории были завязаны на теснейшую кооперацию с Россией. Откровенно антироссийская политика В. Ющенко привела к сворачиванию сотрудничества между Украиной и Россией в промышленной и военно-технической сферах. Это приводит к потере важнейших рынков сбыта для украинской обороной промышленности. Даже речь заходила о том, чтобы создать в России замкнутый цикл по обеспечению нужд оборонного комплекса страны и об отказе от закупок украинских комплектующих. По сути, националисты, сделав Украину заложником антироссийской внешней политики, нанесли сильнейший удар по украинскому высокотехнологическому наукоемкому производству.

Поэтому вынужденное со стороны России сворачивание в последние годы (до прихода к власти В. Януковича) многопланового сотрудничества с Украиной в передовых отраслях промышленности наложилось на экономический и финансовый кризис. Именно в Украине в результате варварской по отношению к собственному народу политики господствующей националистической группировки кризис приобрел особенно катастрофические масштабы. Как итог, десятки тысяч остались без работы. Как заявил министр

промышленной политики В. Новицкий, на предприятиях, находящихся в его подчинении, задолженность по зарплате на конец февраля 2009 г. составляет 104 млн. гривен, из которых 99% - задолженность на предприятиях ВПК, авиастроения, судостроения [459].

В плачевном состоянии оказались и металлургические предприятия. По итогам 2008 г. падение объемов производства в металлургическом комплексе составило 12,8%. Ноябрь 2008 г. был отмечен самым глубоким спадом, который в целом по промышленности, по данным Госкомстата Украины, составил свыше 34%. Это был рекорд! За все время независимости Украины наибольший спад был отмечен лишь в 1993 г. и составил немногим больше 27% [460]. Остановка «градообразующих» предприятий на Юго-востоке Украины и растущая безработица создают взрывоопасную ситуацию в рабочей среде крупных предприятий и городов.

По результатам исследования, проведенного «Research & Branding Group», число граждан, ощутивших влияние кризиса, возрастает с Запада (59%) на Юго-восток (78%). То же касается и количества тех, кто прибегнул к экономии (56% на Западе и (75,5%) на Юго-востоке, а также неудовлетворение своей жизнью (66,5% и 80% соответственно) [461]. Косвенно это подтверждается и данными Госкомстата Украины, по которым самые высокие темпы прироста безработицы зафиксированы в Донецкой, Днепропетровской и Киевской областях, а также в Киеве и Севастополе. При этом наибольший размер невыплаченных зарплат на 1 февраля 2009 г. был в Донецкой области – 362584 млн. грн., Луганской – 150145 млн. грн., в Киеве – 147053 млн. грн. [462]. В Восточном регионе Украины средняя продолжительность жизни составляет всего 58 лет. Это на 4-5 лет меньше, чем на Западе и в Центре страны. Об этом заявил Председатель Национального Совета по здравоохранению Украины Н. Полищук [463].

Относительно благополучны бюджеты в местах, где размещены экспортные производства или концентрируются потоки импортного ширпотреба. Например, в Одесской области только областной центр, города Ильичевск, Южный, Белгород-Днестровский и Овидиопольский район являются недотационными. В Одессе главным градообразующим производством вместо Черноморского пароходства стали внутренняя торговля и морской порт. Бюджет Южного формируется за счет торгового порта и припортового завода, экспортирующего химические продукты. В Овидиопольском районе расположен один из крупнейших в Украине оптово-розничных рынков, чьи отчисления в бюджет сопоставимы с Ильичевским портом. В Белгород-Днестровском зарегистрировано большое количество одесских торговых фирм [464]. В целом структура экономики непропорциональна, поскольку слишком большая доля приходится на тяжелую промышленность, и особенно на промышленные гиганты [465, с. 101]. Многие предприятия являются монополистами в своей отрасли. Доля готового продукта производства, а также доля потребительских товаров в промышленности очень мала. Большая часть промышленных предприятий имеет устаревшее оборудование, во многих случаях датированное 1930-ми годами.

В настоящее время Западная Украина – это преимущественно аграрно-промышленный регион с довольно развитым кустарным производством. Развитие экономики региона от предельно отсталой – к интенсивно развивающейся было прервано в начале 90-х гг. XX в. Созданная в советский период промышленная инфраструктура в значительной степени демонтирована, что привело к массовой безработице и резкому обнищанию людей в значительно больших масштабах, чем в среднем по Украине [466].

Искусственно созданная дотационность большинства регионов Украины особенно сильно ударила по Западной Украине. Здесь нет гигантских горно-металлургических и химических комплексов. Миллионы западноукраинцев работают за границей. Западные эксперты полагают, что большинство западноукраинцев не просто про-рыночно и про-европейски настроены – они ощущают себя европейцами, для которых до Варшавы и Будапешта значительно ближе и дешевле добираться, чем до Киева. И здесь столетние традиции пребывания в составе европейских государств переплелись с современным опытом миллионов отходников (мигрантов), ведь они в большинстве своем работают в странах Центральной и Западной Европы [467].

Уровень экономического развития Западных регионов Украины большинством экспертов оценивается как низкий. По производству национального дохода в расчете на душу населения только Львовская область превосходит среднереспубликанский уровень, а Закарпатская область имеет самый низкий показатель по стране. Промышленный комплекс региона производит почти 12% всей промышленной продукции Украины. Имея самый низкий в Украине уровень землеобеспеченности в расчете на душу населения, всего 6,4% площади сельскохозяйственных угодий и 5,3% пашни, Западный регион производит около 10% валовой продукции растениеводства и животноводства. В расчете на 100 га. сельскохозяйственных угодий здесь производится в 1,6 раза больше продукции сельского хозяйства, чем в среднем по республике. Однако показатель ее производства в расчете на душу населения отстает от среднереспубликанского на 20%. В целом эффективность сельского хозяйства в регионе низка, а поэтому оно не обеспечивает себя продуктами питания [468]. Низкими остаются урожайность сельскохозяйственных культур и продуктивность скота. Если брать за ориентир Венгрию, то, по сравнению с ней, средняя урожайность зерновых и зернобобовых в регионе ниже в 1,8 раза, сахарной свеклы, соответственно, в 1,6 раза, картофеля – в 2,5 раза, а удои молока от одной коровы – в 2 раза [469].

Промышленные области Востока Украины, которые дают основные поступления в госбюджет, занимают последние места по уровню бюджетного обеспечения на душу населения. Это довольно большое противоречие в экономическом развитии страны.

Последние места (с 22 по 26) отведены Днепропетровской, Донецкой, Харьковской и Луганской областям. Возглавляют список дотационные западные области. «Восток, давая практически 60% промышленного производства Украины, находится на последних местах» - заявлял в 2006 г. Председатель Донецкого областного совета Анатолий Близнюк [470]. Он также

отметил, Затем он же 22 марта 2010 г. – заявил: «Сегодня 4 донора и 23 реципиента – это никуда не годится. Дотационные регионы Украины умышленно занижают доходы» [471].

В целом на Востоке страны неоднократно ставили вопрос о том, что Киев изымает большую часть поступлений и отчислений из местных бюджетов. Происходящее затем централизованное распределение кроме экономической составляющей имеет и ярко выраженную политическую компоненту. Дотационные области Западной Украины, экспортирующие на всю ее территорию идеологический продукт известного содержания – ОУН-УПА, голодомор, Бандеру, Петлюру, Мазепу, по сути, за счет своих доноров и навязывают это им через механизм Центральной власти [472]. Как подтверждение этому Облсоветы Западной Украины продемонстрировали накануне 9 мая 2010 г. чествование Бандеры и Шухевича. Многие Горсоветы Западной Украины признали их почетными гражданами. Многие эксперты полагают, что в Советском Союзе Москва не была заинтересована в развитии инфраструктуры Западной Украины и предпочитала держать там народ в бедности [473]. Приводятся факты, что во Львове – столице Галиции – даже сейчас вода в квартиры подается на два часа утром и два часа вечером. Работы практически нет. Самые большие потоки денежных средств в Западные области поступают от рабочих, которые зарабатывают деньги за границей.

В Закарпатье сейчас основной «бизнес» выстраивается вокруг границы с европейскими государствами (Чехией, Румынией, Венгрией). Основная криминализация идет вокруг границ. Восемь контрабандных переходов через границу – это является своеобразной Закарпатской металлургией. Если Донбасс кормят шахты, Кривбасс – ГОК и металлургия, то здесь, в Закарпатье, вообще нет промышленности. Кормят эти переходы – таможни. У нас же консульства ближних стран свои, и практически 80% населения имеют в этих странах родственников. А это означает многократную визу на 3-5 лет. Поэтому, хоть каждый день можно провезти через границу бак бензина, пару бутылок водки, блок сигарет. А «ходят» по 2-3 раза в день, наваривают на свои старые «Мерседесы» пятисотлитровые баки. На каждом литре бензина – полдоллара «навара». Так что в день – до 100 долл. прибыли. Так что граница – кормилица. И этот бизнес четко контролируется [474].

Еще одним свидетельством того, что на Востоке Украины промышленность работала, а на Западе страны – нет, является состояние экологии. Экологическая ситуация в Запорожской, Донецкой, Луганской областях очень сложная, а в Западных областях она намного лучше, ведь даже в советское время начал широко развиваться «зеленый» туризм, причем в основном для туристов из Западной Европы.

В целом (особенно на Востоке) в Украине существует низкая экологическая эффективность производства. Энерго- и ресурсозатраты на единицу продукции в Украине значительно выше (примерно в 2-4 раза), чем в экономически развитых странах. С учетом высокой степени износа основных фондов предприятий (по отдельным отраслям до 80%) очевидна возможность возникновения чрезвычайных экологических ситуаций [475].

Ресурсная база Украины объективно является одной из лучших в странах с формирующимся рынком, но экономическая активность сильно зависит от положения на внешних рынках, особенно на российском. Трансформация институтов происходила медленно, конфликтно под воздействием глубокого кризиса переходного периода. Адаптация экономики страны шла по двум направлениям: попытки выживания «восточной» промышленности и экономическая миграция «западного» и сельского населения. Раздвоенность страны по уровню развития и экономическим интересам препятствовала формированию устойчивой политики развития, вела к предвыборным шараханьям и ненужным «газовым» противоречиям, ограничивала горизонты стратегического планирования в целом [476].

После развала системы промышленной кооперации, которая четко существовала в СССР, была демонтирована и система макроэкономического районирования, действовавшая в Украине. По большому счету, сегодня в Украине действует только один индустриальный макрорегион – «Донбасс». За период независимости не было создано ни одного нового мощного экономического кластера, который мог бы составить экономический каркас для образования новых макрорегионов.

Поэтому новая региональная политика, в которой остро нуждается Украина, должна решать двуединую задачу – создавать новые экономические кластеры, как основу новых макрорегионов и формировать современную инфраструктуру управления макрорегионами. Без создания трех-пяти новых экономических кластеров Украина не сможет диверсифицировать источники наполнения государственного бюджета и радикально снизить межрегиональные диспропорции в отношении уровня экономического развития. Таким образом, создание новых экономических кластеров следует рассматривать как главный инструмент снижения напряженности между регионами – донорами и реципиентами во время распределения общегосударственного бюджета.

А так Украина остается аграрно-промышленной страной, которой присущ экономический и социокультурный разрыв между деревней и городом. Страна унаследовала от СССР региональные диспропорции, которые связаны с существованием квазиурбанизированных областей и областей с высокой долей сельского населения, индустриальных и аграрно-ориентированных областей.

Многие эксперты, политики, аналитики полагают, что сложившаяся в стране клановая структура – явление широко известное, а его продолжающееся воздействие на политическую действительность современной Украины связано именно с характером формирования украинской государственности [477]. Есть донецкий (восточный) клан, есть киевский (центральный) клан, есть львовский (западный) клан. У каждой из этих групп существуют немалые мобилизационные возможности, и каждая опирается на структурированные экономические интересы, причем возможности западной группы в большой степени связаны с освоением притекающих из-за рубежа средств [478, с.44]. Землячество и кумовство как неформальные институты прочно укрепились в Украине. Любая политическая элита, дорвавшаяся до экономической власти, реализует, прежде всего, свои экономические интересы, отличительной

характеристикой которых является престижное потребление, и перераспределение определенной части национального достояния в пользу представителей элиты. Такая быстрая смена политических элит за столь короткое время усилила экономические дифференциации общества [479].

Все годы независимости Украины Крымский полуостров является особой зоной стратегических интересов стран Европейского союза, России и США.

Как говорит украинский эксперт Виктор Чумак, за годы независимости украинская власть оставила Крым «без присмотра» и практически не контролировала то, что происходило на полуострове. Но не потому, что не хотела, а потому что «власть не смогла предложить Крыму определенную формулу эффективного социально-экономического развития». На фоне безвластия, на полуострове поначалу господствовали криминальные кланы, которые впоследствии были заменены «политически и экономически организованными группами – те взяли на себя контроль над экономикой полуострова».

На сегодняшний день Крым – «дотационная территория», зависимая от вливаний из госбюджета. Полуостров занимает 25-е место по социально-экономическому развитию региона, странно слышать такие цифры о такой популярной курортной зоне, но «порядка 60% индустрии, обслуживающей курортную среду, находится в тени – эти деньги не доходят до госбюджета» [480].

Украина опасается, что крымские татары объявят о создании своего государства. В разгар курортного сезона в Крыму начинаются волнения крымских татар, связанные с нерешенностью земельных вопросов. Данная тема возникает регулярно с момента провозглашения независимости Украины. Но с начала 2010 г. эксперты отмечают новую опасную тенденцию: конкуренция и конфликты намечаются внутри крымско-татарской общины, в которой все более весомую роль играет радикальное крыло [481].

До последнего времени главной организационной структурой крымских татар был Меджлис – нелегитимный парламент крымско-татарского народа. Сделав однозначную ставку на «оранжевую власть», лидеры организации не сумели разрешить многолетние проблемы, что породило внутреннюю оппозицию и противоречия внутри. На этом фоне в 2007 г. была зарегистрирована общественная организация «Авдет», формально дистанцированная от политики и занимающаяся исключительно юридическим решением земельных вопросов. «Между Меджлисом и «Авдетом» очень сложные отношения», - говорит крымский политолог Андрей Мальгин [481]. По его словам, общественная организация «Авдет» стремительно набирает вес, превращаясь в мощное политическое движение.

Ресурсный потенциал Крыма и климатические условия имеют безусловную инвестиционную привлекательность. Однако не только этот факт является основной причиной повышенного интереса Запада к полуострову. Почти все эксперты единогласны в том, что это большая политика, без нее не обходится [482, с.44].

Посол Германии в Украине Г.Ю. Гаймзет в декабре 2009 г. заявил, что ЕС намерен усилить помощь Крыму не только из-за реализации проекта по созданию общеевропейского туристического центра, но и потому, что «эта территория имеет большое стратегическое значение» [483].

По совокупности минеральных, земельных, водных, лесных, природных ресурсов Крым занимает 4-ое место в Украине. Для автономии характерен высокий уровень хозяйственного использования территории (около 76%). Сельскохозяйственные земли в общей площади составляют 71,3%, из которых на долю пашни приходится 48,1% - выше в сравнении с развитыми странами, но ниже среднего показателя по Украине (53,8%) [484].

Полуостров Крым находится в числе регионов с относительно невысоким уровнем производства валового регионального продукта и в расчете на человека. При относительно невысоком уровне экономического развития Крым входит в первую десятку регионов по общему объему инвестиций в основной капитал, прямых иностранных инвестиций [485].

В первом квартале 2009 г. рост безработицы на полуострове составил 36%. Каждый 15-й работник находится в неоплачиваемом отпуске. В режиме неполного рабочего дня работает каждый 8-ой работник в промышленности, строительстве, на транспорте и в системе связи. Предприятия всех основных отраслей промышленности работают лишь с 10-30% загрузкой мощностей [486]. Курортная экономика Крыма сильно зависит от России, а экономическая жизнь Севастополя практически полностью связана с пребыванием там российского Черноморского флота. Тема Черноморского флота волнует здравомыслящих людей в Украине, сказал депутат верховной Рады профессор Д. Табачник. Черноморский флот – это градообразующее предприятие для Севастополя как самостоятельного региона Украины [487].

По информации Э. Ахтемова – начальника управления экономики Севастопольской городской администрации, Севастополь и Феодосия с 2005 по 2009 гг. получили 100 млн. грн. в виде субвенций из государственного бюджета РФ в соответствии с межправительственным соглашением об участии РФ в развитии социально-экономической сферы Севастополя и других населенных пунктов, в которых дислоцируются воинские формирования ЧФ РФ [488].

Споры о правомерности передачи Крыма не утихают. Сторон в этом споре как минимум три – это Украина, как государство, и практически все политические силы, представленные в Украинской Раде, включая и «Партию регионов», которая считается пророссийской. Эта сторона считает, что Крым передан Украине законно и должен оставаться в составе Украины, сохраняя нынешний статус. Вторая сторона – это крымские татары, настаивающие на том, что Крым должен быть татарской национальной Автономией в составе Украины. Третья сторона – это значительная часть русскоязычных жителей Крыма, некоторые пророссийские политические движения крымского и общеукраинского масштаба и ряд российских политиков, считающих, что Крым должен быть возвращен России [489, с. 103].

Ряд российских и пророссийских политиков пытаются оспорить факт передачи Украине Севастополя, который был городом республиканского

подчинения РСФСР. Этот город ни в одном из перечисленных документов не упоминается, говорят они. Однако противоречием является тот факт, что сторонники «украинского Крыма», утверждают, что во всех документах, напрямую касающихся Севастополя, этот город после 1954 г. фигурирует, как город республиканского подчинения УССР [490].

В 1944 г. Крымские татары были обвинены в сотрудничестве с немецко-фашистскими оккупантами и в полном составе депортированы в Среднюю Азию и Казахстан. Автономия Крыма была отменена, и он превратился в обычную область. Более того, практически все татарские названия населенных пунктов были заменены на русские (например, Коктебель превратился в Планерское) [491]. Именно тогда и завязался этот клубок противоречий, который оказывает сегодня огромное влияние на жизнь Крыма. После депортации крымских татар абсолютное большинство населения Крыма стало русскоязычным. А крымским татарам было запрещено возвращаться в Крым вплоть до 1989 г. И начавшееся после этого возвращение привело к конфликтам со славянским населением – прежде всего из-за земли и из-за статуса полуострова.

В настоящее время крымские татары составляют меньше 15% населения Крыма, однако крымско-татарские политики настаивают как минимум на национальной автономии и признании крымских татар титульной нацией [492]. Помимо этого, крымские татары считают, что они имеют особые права на Крымскую землю, причем на ту, которая для них лучшая. Это, естественно, противоречит законодательству и мнению остальных жителей Крыма [493]. В марте 2006 г. пятьдесят активистов крымско-татарского Меджлиса заняли территорию оружейных складов Министерства обороны Украины в Симферополе. Участники акции выдвинули требования – предоставить им территорию складов в центре столицы республики под индивидуальное строительство. 8 июля в г. Бахчисарай произошли столкновения между татарами и русскими из-за земельного вопроса. Захваты земель неизменно сопровождались требованиями узаконить эти акции, дав, таким образом, легитимацию «черному переделу земли по-крымски» [494].

Противоречия и конфликты, в которых вовлечены власти Украины, власти Крыма и разные группы политиков и населения, кажутся трудноразрешимыми, в том числе из-за непродуманной политики Киева в отношении Крыма. Но, несомненно, одно – разрешение этих противоречий необходимо проводить цивилизационным путем, с учетом международного опыта разрешения межнациональных конфликтов, соблюдения прав национальных меньшинств и функционирования региональных языков.

Существуют отдельные противоречия между Конституцией Украины и конституцией АРК. Правовой анализ, проведенный экспертами Центра Разумкова, показал, что существует до восьми противоречий между нормами Конституции Украины и законами Украины и Конституцией АРК [495].

Для большинства Западных аналитиков проблема Крыма в основном сводится к спору России и Украины вокруг наследства бывшей Советской империи. Хотя, на мой взгляд, здесь в полной мере проявились и

глобализационные противоречия, связанные с разделом советского наследства и противоречия между региональным сообществом и центральной Киевской властью.

Итак, за период независимости региональные отличия внутри страны не уменьшились, а наоборот, усилились. Разница между самыми богатыми и самыми бедными регионами в Украине довольно существенная – в 7,5 раза по уровню ВРП. А, например, по инвестициям – в 92 раза, это между Киевом и Тернопольской областью – об этом в 2009 г. заявил заместитель регионального развития и строительства Украины А. Ткачук [496].

Государственная региональная политика, которая до недавнего времени в Украине воспринималась исключительно как помощь бедным регионам, себя не оправдала. Асимметрии в развитии страны не исчезают, вместо этого постоянное перераспределение ресурсов от экономически более состоятельных регионов к менее состоятельным ведет к межрегиональному противоречию и напряжению, и в то же время лишает регионы стимулов к экономическому росту. Государство фактически утратило инструменты влияния на региональное развитие, и страна трудится без учета общегосударственной стратегии регионального развития. Имеющиеся 300 государственных программ в разных сферах социально-экономического развития - секторальные, не привязаны к территориям. В то время как должны действовать региональные проекты и программы, которые финансируются государством с тем, чтобы реализация каждого из них поднимала экономический потенциал региона, в полной мере использовала его конкурентные преимущества.

С мнением о том, что Украина как государство может исчезнуть, выступил директор Агентства моделирования ситуаций в Украине В. Бала. Он отметил, что в стране нет единства, и это - очень негативный фактор. Как полагает В. Новицкий, заместитель директора Института мировой экономики и международных отношений НАН Украины, не было месяца в течение украинской независимости, когда происходила эффективная макроэкономическая политика и когда Украина не деградировала. Все время происходит ухудшение структурного кризиса [497].

На основе вышесказанного можно заключить, что различным украинским регионам присущая разная острота общеукраинских социально-экономических противоречий, а значительная их дифференциация по показателям, особенно индексу человеческого развития, является дополнительным фактором общественного напряжения и отчуждения между регионами. Внутри государства образуются замкнутые региональные пространства со своей экономикой, образовательной, культурной, информационной составляющими. И главное противоречие заключается в том, что эти пространства между собой не пересекаются, образовалась как бы сама в себе виртуальная автономизация.

Большая часть экспертов уверена в том, что экономика Украины исчерпала имевшиеся ресурсы экстенсивного роста. Поэтому без решения данной проблемы, социально-экономические противоречия регионального характера будут возрастать год от года [498].

Таким образом, к 2011 году, после долгих не всегда успешных попыток самоидентификации, украинское государство оказалось на том же перекрёстке, с которого двадцать лет назад начались поиски своего места под солнцем. Что делать? С кем Украине выгоднее сблизиться? С Европой или Россией? Вот тот вековой вопрос, который так и не удалось кардинально разрешить за все годы украинской независимости.

Изначально вопрос не был особенно сложен. Если 70% населения Украины говорит по-русски, если существует огромное количество культурных, экономических, торговых и родственных связей между Россией и Украиной, выбор интеграционного направления с точки зрения логики выглядит очевидным. Однако такой вектор категорически не устраивал украинскую элиту, которая предлагала и долгое время пыталась внедрять свой вариант внешней политики. В рамках этого сценария Россия должна была играть роль партнера, у которого на основании общей истории и родства можно было бы просить кредиты, скидки на энергоносители и т. д. А объединяться, интегрироваться и согласовывать свою деятельность украинская держава планировала совсем с другими странами и блоками.

Такая концепция долгие годы была жизнеспособной. Тем более, что Россия до определённого времени действительно пыталась финансово идти Украине навстречу, рассчитывая на ответную лояльность Киева по другим вопросам.

Однако Россия перестала испытывать желание дотировать Украину без всякой видимой отдачи. И успешная ранее переговорная стратегия «скидки в обмен на декларативное братство» актуальность утратила.

Возможно, решение о вхождении Украины в ЕЭП и ТС уже принято и будет столь же неожиданным для украинцев, как были неожиданными «харьковские соглашения» о продлении базирования Черноморского Флота России в Севастополе. Как в 2010 году, так и сегодня, Украина неспособна оплатить растущие цены на газ, а значит, придётся чем-то пожертвовать. Дело остаётся за малым, объяснить украинцам, что выполнение всех требований «чернобыльцев», бюджетников возможно только за счёт развития добрососедских отношений с Россией, о чём и говорил Янукович на прошлых выборах.

Обострение глобального экономического кризиса даёт Януковичу надежду на то, что проблема геополитического выбора решится... сама собой. Если проблемы Евросоюза будут нарастать, то Виктору Фёдоровичу не останется ничего другого, как развести руками и поставить крест на евроинтеграции Украины. До этого момента Янукович вынужден разыгрывать многовекторную комбинацию из трёх пальцев в кармане, делать двусмысленные обещания и готовиться к выборам.

Мечты о членстве в ЕС поддерживаются Брюсселем лишь в той степени, в которой это выгодно как самому Евросоюзу, так и определённой прослойке политиков в тех странах, где евроинтеграция возведена чуть ли не в статус государственной религии и наделена сакральным смыслом. Украина для ЕС выступает в качестве удобной буферной зоны, которую в ЕС не примут,

но готовы использовать для решения широкого спектра задач, в первую очередь экономических. Для Евросоюза Украина является рычагом, одна из основных задач которого — влиять на Россию в вопросах энергетики.

До последнего времени, вариантов было немного. Евросоюз виделся чарующим маяком, обещающим процветание, защиту, всевозможные гарантии и минимум побочных эффектов. Причём для желающих достичь успеха без особенных трудов, этот «европейский путь» был безальтернативным. Что, к примеру, позволяло руководству той же Украины с выгодой и без какого-либо противодействия оперировать мечтой о быстром превращении небогатого украинского обывателя в респектабельного бюргера. Теперь же приходится учитывать как минимум три новых фактора — затяжную болезнь европейской денежной системы, связанную с ней неясность европейских политических перспектив и Таможенный Союз.

Таким образом, в настоящее время вся тщательно пестуемая конструкция знаменитой украинской «многовекторности» зашаталась, и вполне может обрушиться непосредственно на наших глазах. Ведь, по состоянию на данный момент, украинская идеология и элита зашли в совершенно безвыходный логический тупик.

Выявление межрегиональные противоречия определенным образом влияют на международные отношения с государствами СНГ, в первую очередь с Россией, и государствами ЕС и США.

3.3 Проблемы социально-экономического развития Кыргызстана как фактор региональной нестабильности

Несмотря на приобретение политической самостоятельности, Кыргызстан в экономическом отношении продолжал оставаться зависимым от других государств. Это было обусловлено тем, что промышленность республики в общесоюзном комплексе народного хозяйства в основном специализировалась на поставках сырья и полуфабрикатов. Неэффективная экономика Кыргызстана – наследие советского периода. С распадом СССР отработанные экономические связи были нарушены, и республика оказалась в тяжелейшем материальном и финансовом положении. Кыргызская Республика (КР), наряду с Таджикистаном, имеет наименее выигрышное положение в ЦАР и ограниченную минерально-ресурсную базу. Вместе с неэффективной экономической политикой, усугубленной социальной нестабильностью внутри страны, это привело ее хозяйственную систему в сложное положение [499].

В целях улучшения социально-экономической ситуации в стране было принято решение провести приватизацию. Законодательной основой приватизации в Кыргызстане был закон «Об общих началах разгосударствления, приватизации и предпринимательства Республики Кыргызстан», принятый 20 декабря 1991 г. [500, с. 83-87]. Согласно закону, приватизация должна была осуществляться с учетом интереса народа, без ущемления чьих-либо прав, в зависимости от подготовленности населения, трудовых коллективов и отдельных субъектов. Однако вопреки желаемому, эти принципы с самого начала стали довольно противоречивыми и начали грубо

нарушаться. Государственные чиновники, руководители предприятий и хозяйств начали распродавать подлежащее приватизации имущество по своему усмотрению. Отдельные группы людей, имеющих власть или доступ к крупным финансовым средствам, за короткое время успели приобрести или распродать самую значимую часть государственного имущества. Все это проводилось без учета интересов народа. При этом Комитет госимущества из-за неспособности на должном уровне организовать соответствующую работу нанес государству и народу невосполнимый урон. Были попорчены основополагающие гражданские права людей [501, с.99-100]. По мнению подавляющего большинства экспертов, все доходы от приватизации пошли прямым ходом в карманы президентского окружения [502]. В результате приватизации 67 предприятий машиностроения было продано по средней цене в 1,1 млн. сомов. Хотя балансовая стоимость была в сотни раз больше. Например, приватизируется угольный разрез в Таш-Кумыре за 1,3 млн. сомов, вместе со всем оборудованием – экскаваторами, бульдозерами и т.д. Хотя стоимость только одного экскаватора превышала 2 млн. сомов. Имущество, которое служило всему народу и создавалось десятилетиями, которое должно было обеспечить нормальную жизнь людям в республике и потомкам, было по дешевке продано кучке мошенников [503].

Но даже вырученные от приватизации средства – мизер (реальная стоимость объектов, по оценке экспертов достигала 24 млрд. долларов). До казны государства деньги так и не дошли (и это безобразие было не только в Кыргызстане, но и во многих бывших советских республиках). Согласно данным Госимущества, оценочная стоимость приватизированных за первые пять лет объектов составила порядка 14 млрд. сомов. При этом в казну поступило лишь 0,3 млрд. сомов. В сравнение с 24 млрд. долларов – это лишь 2,2% [504]. Если в 1990 г. было произведено 48 тыс. центробежных насосов, то в 2000 г. – только 74 штуки, электромашин – 1263 и 26 соответственно. В 1980-м году на долю промышленности республики приходилось 55,6% общей валовой продукции, в 2008 г. – только 14%. Причем наибольший урон понесло именно высокотехнологичное производство – приборостроение и машиностроение [505, с. 140-141].

Многие эксперты считают, что властвующая элита страны по сути дела до нынешнего дня не смогла поймать попутный ветер, определиться с целями развития страны и путями их достижения. Об этом свидетельствуют многочисленные и по большей части неудачные попытки реализации государственных программ, предпринятых органами управления страны после обретения ею независимости [506]. Во многом это стало следствием того, что в управляющей элите независимого Кыргызстана начисто отсутствует стратегически мыслящая ее часть, способная разработать отсутствующий до сих пор собственный проект стратегии развития страны на длительную перспективу, модели и варианты их реализации. На эту особенность обратил внимание эксперт Аналитического консорциума «Перспектива» С.С. Слепченко. Он считает, что «исторически сложилось так, что последние сто лет у Кыргызстана не было возможности формировать полноценный социальный слой, несущий на себе стратегическое видение будущего, соразмерного стране.

В самостоятельное плавание страна вошла без стратегического слоя. К сожалению, в последние годы кардинальных изменений не произошло, ситуация, возможно, стала еще более сложной» [507].

Кыргызстан - преимущественно аграрная страна, где две трети трудоспособного населения занято в сельском хозяйстве и дают в совокупности 40% валового национального продукта. Сельское хозяйство играет значительную роль в экономике страны на протяжении очень длительного исторического периода. Поэтому анализ социально-экономического положения в сельском хозяйстве является исключительно важным в нашем исследовании (Общие сведения об аграрном секторе Кыргызстана. Общая земельная площадь Кыргызстана составляет 19,6 млн. га., из них 10,6 млн. га., или 55,8%, пригодны для ведения сельского хозяйства. Не пригодны – 44,2%. Из пригодных земель (учитывая огороды) 12,3% используются под пашню, на целину приходится 0,1%, под многолетние растения отводится 0,4%, под сенокосы – 1,7%, естественные пастбища составляют 85,6% [508].

Начало упадка сельского хозяйства относится к 1990-м годам, когда колхозно-совхозная система была разрушена и сельское хозяйство начало представлять из себя пестрый конгломерат из более, чем 300 тысяч мелких фермерских хозяйств. Этим хозяйствам довольно трудно вести свое хозяйство. Начиная с президента Акаева, кыргызские власти начали выполнять «рекомендации» западных финансовых институтов по созданию фермерских хозяйств. За это они выделили стране многомиллионные кредиты и гранты, которые, по мнению большинства кыргызстанцев, до рядовых фермеров не дошли, а осели в карманах высшего чиновничества.

Одно из основных противоречий кроется в том, что одни ругают колхозно-совхозный строй, а другие полагают, что он был достаточно успешным. Например, в 1989 г. в СССР было 24720 колхозов. Они дали 21 млрд. рублей прибыли. Убыточных по всей стране было 275 колхозов (1%), и все их убытки в сумме составили 49 млн. рублей (0,2%) от прибыли колхозной системы [509].

Широкомасштабное развитие сельского хозяйства невозможно без капитальных кредитно-финансовых инвестиций. С началом реформы государство через общество «Дыйкан ордо» и «Дыйкан банк» начало распределять кредиты. Однако многомиллионные кредиты повсеместно расхищались промежуточными инстанциями, и до сельских производителей доходила лишь незначительная их часть. А. Князев полагает, что инвестиции в Кыргызстан похожи на замкнутый круг. С одной стороны, инвестиции – «это якорь, с помощью которого можно остановить кризис экономики и начать работу по улучшению ситуации. С другой стороны, – крупные инвестиции невозможны, поскольку налицо несостоятельность кыргызского правительства, неспособность дать гарантии под них, очевидная слабость, неуверенность, бессистемность в его работе. То же самое наблюдается и у президентского окружения. Плюс ко всему непредсказуемость парламента и его низкий профессионализм. Все это не привлекает в нашу страну инвесторов. Замкнутый круг? Да. А без инвестиций кыргызская экономика не поднимется [510]. Западные эксперты оценивают инвестиционный климат в стране как

неблагоприятный, прежде всего, из-за коррумпированности властей и социальной нестабильности.

Сложнее пришлось жителям сел. После развала колхозов им достались только земельные наделы (без сельскохозяйственной техники). В северном регионе, где пахотных земель всегда было больше – наделы оказались крупнее. А на густонаселенном юге крестьяне получали наделы 4-6 соток, что для традиционно многодетных семей региона означало почти неизбежное прозябание в нищете. Стремительно растущее население юга задыхалось без доступа к воде, земле и работе. Ведь оседлое население более исламизировано, ислам запрещает регулирование рождаемости. В советское время резко улучшились стандарты здравоохранения, и сократилась смертность, а вот рождаемость осталась почти на том же уровне. В итоге, прирост населения увеличился, а земли наоборот стало меньше – за счет засоления, заболачивания, эрозии, необходимости строить дома и дороги.

Требовалась помощь государства, но ее было. По всей стране началась стихийная миграция населения. Народ начал массово переселяться из регионов в столицу и, особенно, с юга на север. Кольцо новостроек, опоясавшее Бишкек в 1990-х, начале 2000-х в основном населяли выходцы из переселенных южных областей. Первыми самозахватчиками земель были бездомные сельские студенты, которые хотели остаться в столице для постоянного проживания. Они знали, что возвращаться домой нельзя – там нет работы, нет земли, нет перспективы для роста и развития их детей.

Считалось, что рынок все сам рассудит. Но дело в том, что большинство сельчан, привыкших работать в советской командной системе, не знали рыночных правил и не умели проявлять инициативу. Новые власти, пришедшие после марта 2005 г. ничего не стали менять. Во время предвыборной поездки в Нарынскую область уже бывший Президент К. Бакиев сообщил, что по сравнению с 2005 г. финансирование сельского хозяйства увеличилось в семь раз. Это заявление было весьма противоречивым по отношению к реальной суровой действительности [511].

Впрочем, об эффективности того или иного действия говорят даже не затраченные на него средства, а конечный результат. А результат этот далек от положительного. Давно известно, что существует прямое соотношение между величиной хозяйства и его производительностью. Чем мельче хозяйство, тем меньше у него возможностей иметь современную сельскохозяйственную технику, удобрения, проводить мелиоративные работы. Это не под силу мелкому фермеру. Между тем, средний размер фермерского хозяйства в Кыргызстане составляет 3 га (для примера в США – около 200 га). Вот и скатывается большинство фермерских хозяйств к примитивному ведению хозяйства. Возвращаются от тракторов и комбайнов к плугу и тягловой силе. При этом о грамотной обработке земли и вовсе речи не идет. В итоге урожайность снизилась (по данным специалистов, на 40-60%). Значительная часть хозяйств вернулась к производству только для собственных нужд, а тысячи молодых людей, не находя себе работы на селе, мигрируют в города,

где пополняют ряды маргиналов и бродяг, при этом увеличивая уровень преступности.

Противоречием является тот факт, что сокращение сельскохозяйственной занятости не сопровождалось адекватным ростом производительности аграрного труда (в 1970-1990 гг. отставание от США по производительности труда в сельском хозяйстве увеличилось с 3 до 12 раз) [512, с.43]. Село, несмотря на высвобождение трудовых ресурсов из аграрного сектора, оставалось внутренней сферой сельского хозяйства: в сельской местности слабо развивались промышленность, сфера услуг и другие несельскохозяйственные отрасли. В результате проблемы с трудоустройством высвобождающегося населения сдерживали и продолжают сдерживать рост эффективного сельскохозяйственного производства. Еще одним ограничивающим фактором является серьезная социальная нагрузка, которую исторически несут сельскохозяйственные предприятия [513].

В проекте Концепции Национальной продовольственной безопасности республики на 2009-2013 гг., подготовленном Институтом экономики Национальной академии Наук КР, говорится, что основным итогом аграрной реформы в Кыргызстане стал кризис в сельском хозяйстве [514]. А главные факторы все те же – резкий рост издержек производства (связанный с парцеллизацией – измельчением крестьянских наделов), резкое снижение расходов на сельское хозяйство в структуре государственного бюджета и как результат – невозможность конкурировать с импортной продукцией.

Более 95% сельхозтехники давно уже отслужило свой срок и держится лишь на честном слове. Многие эксперты в области сельского хозяйства полагают, что даже если будет техника, то в состоянии ли нищий фермер приобрести ее [515, с. 79]. Противоречием здесь выступает то, что поддержка от государства формально существует, но составляет она 30 млн. долларов в год или около 3 долларов на гектар сельскохозяйственной земли. Правительства многих стран мира понимают необходимость поддержки, субсидирования собственного сельхозпроизводителя. В Европейском Союзе, к примеру, на 1 гектар земли расходуется порядка 855 долларов из госбюджетов. Если сравнить 3 доллара и 855 долларов, то разница просто огромная.

В свое время, вступая в ВТО, руководство Кыргызстана совершило на наш взгляд большую ошибку. Оно обязалось не превышать порог в 5% в бюджетном субсидировании сельского хозяйства (хотя всем развивающимся странам при вступлении в ВТО разрешается достигать порога в 10%). Помимо этого, кыргызские власти установили уровень экспортных субсидий в сельском хозяйстве на нулевой ставке. Это означает, что Кыргызстан обязуется не субсидировать экспорт. Оказавшись заложниками необдуманного решения своих бывших правителей, Кыргызстану будет крайне тяжело вытаскивать сельское хозяйство из затяжного кризиса.

В Кыргызстан завозится продукция из Ирана и Китая. Согласно обязательствам по ВТО им нельзя препятствовать. Продукция этих стран оказывается дешевле, чем произведенная в Кыргызстане. По мнению ряда кыргызских экспертов, Кыргызстан стал страной, которая паразитирует на

экономиках других стран. Ни одна отрасль нормально не работает. Необходимо избавляться от системы перекупщиков сельхозпродукции и нужно возрождать обработку сельхозпродукции. Ведь в советское время пищевая промышленность республики находилась на очень высоком уровне. Работали мясокомбинаты, молочные заводы, рыбные заводы. Это десятки предприятий, тысячи рабочих рук. Значительная часть данного потенциала разрушена. Здесь решающую роль должно сыграть государство – введя госзаказ на сельхозпродукцию, наладив систему ее переработки и сбыта.

Бывший министр сельского хозяйства КР А Ногоев говорил, что если бы у истоков земельно-аграрной реформы стояли сведущие люди, то сегодня мы имели бы развитое сельское хозяйство. Далее он говорит: «на первый взгляд все сделано как будто правильно: земли отданы в частные руки, появился новый класс – фермеры. Но без системной государственной поддержки он оказался наедине со своими проблемами. Он противоречит, утверждая: «Хочу подчеркнуть, что продовольственной безопасности Кыргызстана ничего не угрожает...». [516]. Хотя прекрасно понимал, что отрасль лежит на боку. Тем не менее, он заявил: «Сельское хозяйство должно стать прорывным и выступить локомотивом экономики». Естественно как министр он должен защищать сферу, которую представляет. Но многие эксперты полагают, что попытка выстроить сельское хозяйство и на этом подняться есть абсолютная блажь и ошибка.

Во-первых, все мировые экономики не строят свое развитие на сельском хозяйстве. Почти все развитые государства дотируют эту отрасль за счет госбюджета. Во-вторых, культура работы с землей в Кыргызстане практически отсутствует. Никакие международные гранты и кредиты не могут изменить менталитет по работе с землей. В-третьих, отсутствует четкая концепция развития сельского хозяйства в стране. В-четвертых, имеется отсутствие квалифицированных менеджеров, квалифицированных фермеров-агрономов, и отсутствует внятная маркетинговая стратегия Кыргызстана в области сельскохозяйственной продукции на рынке. Ведь сегодня на международном рынке конкуренция просто огромная. Можно, конечно, и нужно что-то производить, но когда каждый фермер есть отдельное маленькое хозяйство, а кыргызское общество относится к феминистическим типам, т.е. строится вокруг семьи, то консолидировать их, чтобы получить идентичный тип продукции в нужных количествах, практически невозможно.

Эксперт - политолог Ш. Бактыгулов подчеркивает, что «На смену конфликтам, вызванным земельным, водным, межэтническим и другими конфликтами, придут конфликты, основанные на недовольстве системой госуправления [517]. А бывший советник бывшего президента А. Акаева, А. Ослунд считает, что «Кыргызстан одна из наиболее привлекательных стран и единственно свободная страна на постсоветском пространстве. В Кыргызстане радушное население, хорошо образованные представители гражданского общества и открытость процветает как нигде на территории бывшего Советского Союза». Он утверждает, что «В начале посткоммунистического переходного периода Кыргызстан удивил наблюдателей благодаря А. Акаеву,

который занимал должность президента с 1990 по 2005 гг. Упрощенная система налогообложения послужила взлету для малого бизнеса. Своевременные земельные реформы и низкие фиксированные налоги для мелких крестьян послужили росту сельского хозяйства. Кроме того, Кыргызстан стал первой страной СНГ, вступившей в ВТО в 1998 г, что способствовало активной торговле с Китаем. Благодаря превосходной реформе здравоохранения продолжительность жизни мужчин увеличилась на четыре года, и эти показатели намного лучше, чем в Казахстане [518].

В 2009 г. бывший президент К. Бакиев совершил рабочую поездку по регионам Кыргызстана. Основной темой его выступлений стали грядущий рост промышленности, стабильность экономической ситуации в стране, а также необходимость подъема жизненного уровня населения. К. Бакиев остался доволен увиденным, но рассчитывать на помощь из-за рубежа не переставал. Он заявил: «Несмотря на определенные трудности, связанные с мировым экономическим кризисом, экономика нашей страны развивается стабильно. Согласно данным статистики на этот год (2009), по показателям роста экономики нашей страны, она занимает второе место среди стран СНГ». Он часто повторял обещание облегчить жизнь предпринимателям, уменьшить количество проверок, а также «прижать коррупцию к ногтю». Все это будет делаться для улучшения жизни населения [519].

Однако в реальности, как считают эксперты, ВВП Кыргызстана более чем на 50% формируется за счет торгово-посреднической деятельности и оказания услуг [520]. Реализация Министерствами и ведомствами всевозможных программных установок оставляет желать лучшего. В результате складывается ситуация, когда все реформы хороши на бумаге, а уровень жизни населения катастрофически снижается, приводя к формированию недовольства и озлобленности людей в отношении всей системы госуправления.

Таким образом, в ходе реформы был допущен ряд просчетов и недостатков, появились новые трудности и противоречия:

- обескровлена материально-техническая база сельского хозяйства, разрушены и расхищены техника, оборудование, сельскохозяйственные здания и сооружения;
- катастрофически снизилось производство, в результате упала рентабельность и доходность сельского хозяйства;
- образовался большой дефицит средств на приобретение сельскохозяйственных машин и оборудования, семян, удобрений, горюче-смазочных материалов и т.п.;
- заброшены ранее использовавшиеся плодородные земли;
- в сельской местности широко распространилась безработица и бедность среди населения, в особенности среди молодежи;
- появились трудности в реализации выращенной продукции [521].

Остро стоит проблема малых городов. В условиях переходного периода к рыночной экономике, в силу неравных стартовых возможностей и условий малых городов и поселков городского типа Кыргызстана по стабилизации социально-экономического развития республики обострились диспропорции в

их развитии. Противоречием выступает тот момент, что, несмотря на принятые концепции государственного регулирования политики и программы социально-экономического развития малых городов КР, в которых были определены цели и задачи, общие проблемы, а также пути их преодоления с определением приоритетных направлений социально-экономического развития малых городов на среднесрочный период (на 1998-2000 гг.), обострены и не разрешены многие проблемы развития малых городов [522].

При этом пути реформирования малых городов и поселков городского типа, опирающиеся на использование льгот, дотаций, грантов и спонсорских средств, в основном исчерпали свои возможности. Болевыми точками практически всех малых городов и поселков Кыргызстана (равно как Казахстана и Украины), являются высокий уровень безработицы и существенное снижение жизненного уровня населения, находящегося за чертой бедности, что усиливает миграцию [523].

Серьезные противоречия образовались в гидроэнергетике. По своему гидроэнергетическому потенциалу Кыргызстан в СНГ занимает третье место после России и Таджикистана. Однако гидроресурсы используются только на 8% и, причем, довольно бездарно. Энергетическая система Кыргызстана долгое время строилась на беспощадной эксплуатации одной Токтогульской ГЭС без вложения средств на ее реконструкцию и поддержание в рабочем состоянии. В итоге возросли потери в энергосистеме. Большой проблемой стали долги за потребленную энергию. Попытка реформировать энергосектор (разделить его на несколько самостоятельных структур и приватизировать их) привела к еще большему обострению ситуации. В настоящее время, по оценке экспертов, потери достигают до 45%, а долги энергетиков перед бюджетом приблизились почти к 2 млрд. сомов. Одной из главных причин неудач реформирования этого сектора называют коррупцию [524].

Износ оборудования на некоторых гидроэлектростанциях достигает до 80%. Отключение в Кыргызстане Токтогульской ГЭС 15 апреля 2009 г., привело к тому, что Алматы и часть Алматинской области остались без электроэнергии на многие часы. Все это говорит о больших проблемах и противоречиях в энергетике Кыргызстана [525].

В своей статье, опубликованной американским исследовательским Центром Джеймстоун Фаундейшн, аналитик по Центральной Азии Э. Марат отмечает, что «из-за детально разработанных пирамидных схем, приносящих пользу только немногим избранным в этом секторе, Кыргызстан собирает только 30% выплат за производимую электроэнергию, Тогда как, даже по грубым подсчетам, более 40 млн. долларов прибыли ежегодно присваивается обманым путем» [526].

Стоит отметить, что географическое положение Кыргызстана существенно повлияло на разделение энергосистемы на две части: Юг и Север. По балансам мощности северная часть энергосистемы является дефицитной, а южная – энергоизбыточной. И в совокупности проведенные исследования показывают, что выдача мощности новых электрических станций страны на перспективу до 2020 г. при интенсивном росте экономики страны с приростом

электропотребления 4% в год потребует соответствующего развития магистральных электрических сетей 220-500 кВТ для передачи избыточной электроэнергии с юга на север Кыргызстана, а это, примерно, около десяти новых линий электропередач. Исходя из этого, необходимо предусмотреть усиление связи между югом и севером, так как реальная пропускная способность высоковольтной линии Токтогульской ГЭС (ВЛ 500 кВТ) не может обеспечить прогнозируемого прироста электропотребления севера страны. Что в результате грозит образованием дефицита электроэнергии и неспособностью развития экономики [527].

Роза Отунбаева в ходе донорской конференции в июле 2010 г. в Бишкеке заявила: «Обеспечение прозрачности в энергетической отрасли, которая была наиболее коррупционной при прежних руководствах страны, дело архиважное» [528]. 19 июля 2010 г. на заседании временного правительства были одобрены проекты декретов о национализации ряда энергетических объектов. Заместитель председателя временного правительства А. Бекназаров представил проекты декретов о национализации ОАО «Чакан ГЭС» акций ОАО «Нарынспецгидроэнергомонтаж». По его словам, акции данных объектов были приватизированы незаконным путем, и необходимо их вернуть в государственную собственность [529].

Противоречие проявляется в том, что в стране, имеющей огромный потенциал для производства электроэнергии, ощущается энергетический кризис, иногда свет отключают на 10 часов в сутки. Естественно, предприятия не могут работать стабильно. В 2009 г. при недостатке электроэнергии для внутренних нужд Кыргызстан, тем не менее, экспортирует ее в Казахстан – около 12 млн. кВт. Часов в сутки [530].

В Центральной Азии определяющим фактором становится не просто геополитика, а гидрополитика. В государствах Центральной Азии накопилось немало противоречий специфического характера. Это касается в первую очередь сферы гидроэнергетики, где интересы стран региона иногда не только не совпадают, но и противоречат друг другу.

Кроме гидроресурсов, Кыргызстан имеет достаточные запасы угля. В 2009 году, например, Кыргызстан потребил 1,5 млн. тонн. При этом в среднем кыргызские шахты добывают 400 тыс. т. в год. Остальной уголь (более 1 млн. тонн) завозится из Казахстана. В советское время шахтеры Кыргызстана добывали 7-8 млн. тонн. Кыргызстан был на 4 месте по запасам в СССР (после РФ, Казахстана и Украины). Запасы угля доходят до 1,3 млрд. [531]. В настоящее время почти все шахты, способные вести угледобычу, приватизированы и испытывают серьезные материальные трудности. На многих из них уголь добывается вручную, отрасль отброшена на начало XX века. Имевшиеся комбайны, тракторы, экскаваторы давно распроданы, транспортное оборудование разобрано и продано как металлолом. На шахтах за последние десять лет (1998-2008 гг.) сменилось по несколько хозяев [532].

Крайне непростая ситуация складывается и в легкой промышленности, некогда занимавшей приличную долю в экономике Кыргызстана (22%). В 2005 г. правительство ввело мораторий для легкой промышленности. Результаты

себя ждать не заставили. Многочисленные мелкие и средние швейные предприятия вышли из тени, и поступления в бюджет возросли от 800 млн. сомов, до 4 млрд. Однако правительство стало ужесточать налоговое законодательство. Как результат, кризис и налоговый кодекс поставили на грань закрытия сотни швейных цехов. В каждом, как правило, трудятся от 10 до 20 человек. По статистике, это почти половина всех предприятий легкой промышленности республики. Противоречием здесь выступает то, что вместо облегчения деятельности предприятий, особенно в кризис, правительство осложняет им жизнь. Государственный внешний долг Кыргызстана на 1 мая 2009 г. составил 2 млрд. 348,6 млн. долларов, что равнозначно половине ВВП страны.

Наиболее сложным в плане социально-экономических противоречий является Южный Кыргызстан. Особую тревогу у всех без исключения экспертов, аналитиков, политиков вызывает Ферганская долина – очаг перманентной нестабильности и огромного количества противоречий.

Многие историки, в том числе и зарубежные, напрямую связывают ряд этнических и пограничных конфликтов в ЦА с определенными историческими особенностями [533, с.183-185]. Ферганская долина отличается высоким уровнем перенаселенности, ростом безработицы, возрастающими исламскими настроениями. На территории долины проживает более 7,5 млн. человек, из них 75% в сельской местности. Большую часть населения во всех частях долины составляют узбеки. Плотность населения в некоторых местах достигает 500-600, а в отдельных местах – до 1000 человек на кв.км. По этому показателю лишь один район во всем мире, расположенный в южном Китае, превосходит Ферганскую долину. Роль мощного конфликтогенного фактора играет наличие этнических общин, проживающих на территории долины (в том числе на территории Кыргызстана). Российский ученый И. Артемов говорил: «Жизненные пространства Центральной Азии ограничены пустынями и горами, поэтому дальнейшая «демографическая революция» может привести на рубеже XX и XXI веков к борьбе за перераспределение сфер национального влияния внутри региона и экспансии вовне, где «единственный вектор движения направлен на север», т.е. – в Казахстан» [534, с.47].

Другой российский эксперт А. Грозин полагает, что «Феномен «народа без пространства», и «консервация искусственных границ» рано или поздно приведут к конфликтам, которые будут вспыхивать пока границы не придут в соответствие с жизненными условиями народов» [535]. На территории Кыргызстана в Баткенской области расположены анклавов. Это анклавов Сох, Шахмардан, Калача, Джангайл. В Ферганской области Узбекистана расположились кыргызский анклав Барак и Таджикиский анклав – Сарван. В Баткентской области находятся и два таджикских района – Ворух и Западная Калача [536]. «Анклавов в силу своей географической расположенности и отрезанности от материковой части являются достаточно существенным источником напряжения», - говорит сотрудник госадминистрации Баткенской области М. Бердишев. «Местные жители вынуждены по несколько раз в день пересекать пограничные и таможенные посты, что изматывает людей, а во

время проверок контролирующие органы требуют с них мзду, что приводит к противоречиям, которые усугубляют ситуацию в анклавах» [537].

Всего же в Кыргызстане, в основном на юге, проживает свыше 700 тыс. узбеков – 18% населения страны. Как правило, это торговцы, предприниматели, то есть социально активная группа людей. Жители анклавов сетуют на нехватку пахотной земли и пастбищ. Это приводит к столкновениям между жителями соседних сел. С начала 2000 года кыргызские неправительственные организации, специализирующиеся на предотвращении конфликтов в Ферганской долине, зафиксировали более десятка пограничных столкновений с участием жителей анклавов [538].

Другими противоречиями выступают водные проблемы. Нехватка водных ресурсов является взрывоопасным фактором. Почти все эксперты единодушны во мнении, вода и земля (их нехватка), рано или поздно приведет к войне.

Ферганская долина – рай для экстремистов. Здесь всегда были сильны исламские традиции. А жители долины всегда отличались оппозиционностью по отношению к любой власти. В Кыргызстане, например, в годы президентства А. Акаева, уроженца северной части страны, противостояние с югом, а фактически с Ферганской долиной, было особенно сильным. Дело доходило до использования вооруженных сил [539].

Устойчивые коммуникации между южными областями Кыргызстана (Ошской и Джалал-Абадской) в настоящее время возможны только через узбекскую территорию [540]. Таким образом, нынешнее состояние государственной границы таит в себе почву для возможных разногласий и противоречий, которые могут проявиться как территориальными, так и этнокультурными притязаниями. В свою очередь этническая чересполосица и нерешенность территориальных границ являются одними из факторов, мешающих заложить надежный фундамент в строительство общего пространства безопасности в регионе [541]. Только около 60 спорных участков имеет Таджикистан и Кыргызстан. В основном они локализируются в южной части Ферганской долины на стыке границ Узбекистана, Таджикистана, Кыргызстана [542, с.81].

Южный Кыргызстан (включая Ферганскую долину) – регион крайне сложный, противоречивый и взрывоопасный. Бывший председатель службы национальной безопасности Кыргызстана К. Иманкулов 18 января 2005 года заявил, что «Экстремисты могут ангажировать кандидатов в депутаты, чтобы через них лоббировать законы и превратить Кыргызстан в базу для завоевания всей Ферганской долины». По его словам, имеется «информация, что кое-кто из числа еще недостаточно «раскрученных» политиков не исключает варианта организации беспорядков». А единственные революционеры, на которых может ставить оппозиция – это люмпенизированная молодежь, которая не может назвать ни одной политической партии, но за деньги готова участвовать в демонстрациях, и «достаточно пары-тройки провокаций, чтобы пролилась кровь» [543].

Апрельские «революционные» события 2010 года показали, что маргинальная, люмпенизированная молодежь, методично раскачивала зыбку

ситуацию. Это люди, которые в марте 2005 г. приехали в столицу с юга, чтобы изгнать А.Акаева. Затем «народ-освободитель» решил просто осесть в этих местах. В Бишкеке, в отличие от периферии (особенно на юге), есть хоть какая-то работа. Осесть – это в данном случае значило прийти, выбрать место и строить здесь дома. Ну и что с того, что эта земля уже принадлежит кому-то? «Мы – народ, который сделал революцию!» - вот и весь ответ. К. Бакиев, разумеется, спорить с людьми, на чьих руках он был внесен в кресло президента, не стал.

Одним из противоречий здесь выступает факт манипуляции людьми. Очень четко срабатывает фактор «свой-чужой» (северянин-южанин). Люди, которые рвутся к власти, в первую очередь заинтересованы получить эту власть, используя людей из своего региона (земляков). А.Князев рассуждает: «посмотрите на самого Бакиева и его окружение. Это абсолютно некомпетентные, безответственные личности с очень провинциальной, торгашеской в худшем смысле этого слова психологией. Они решили, что власть дана для того, чтобы заработать деньги исключительно для себя» [544].

Численность населения столицы Кыргызстана Бишкека, несмотря на массовый исход русскоязычного населения за 10 лет (с 1999 по 2009 гг.), выросло более, чем в два раза. Это говорит о том, что это главное место в стране, где можно жить достаточно благополучно. Население Бишкека насчитывает примерно 20% от общего населения страны [545]. Несмотря на привлекательность столицы, в ней также существует ряд противоречий.

Многие эксперты считают, что маргинальные толпы людей очень легко подвержены радикальным религиозным течениям. Поэтому через них происходит религиозная экспансия со стороны традиционных исламских государств, которые считают Центральной Азию своей вотчиной, потерянной во время советской власти. Еще З. Бжезинский охарактеризовал Среднюю Азию среднеазиатскими Балканами, констатируя, что «вследствие разного этнического состава страны Центральной Азии уязвимы для внутренних и внешних конфликтов, что в совокупности делает их привлекательными для вмешательства со стороны более могущественных соседей» [546].

Как полагает казахстанский политолог Досым Сатпаев «ни А. Акаев, ни К. Бакиев не занимались такой важной проблемой как экономика». В стране, где уровень бедного населения всегда доходил до критического, еще и диспропорция между регионами в экономическом развитии колоссальная. И, по сути, в Кыргызстане есть только один центр более-менее нормального экономического развития – это Бишкек, который словно государство в государстве [547].

По итогам 2008 г., то есть до мирового финансового кризиса, произведенный страной валовой внутренний продукт достиг 10,38 млрд. долл. США и составил на душу населения около 1935 долл. Это позволило республике занять в мировом рейтинге по уровню жизни 110-е место [548, с.32].

В Бишкеке уровень бедности составляет 22,4 %, по Чуйской области – 46,3%, по Ошской – 67,2% (по данным Национального статистического

комитета. 2007.). При этом уровень безработицы на юге страны в среднем составляет 80% населения. На жизненный уровень существенное влияние оказывает состояние природных ресурсов, уровень развития промышленности, сельского хозяйства и торговли. Отсюда следует, что наиболее бедные отдаленные села в высокогорных или предгорных районах со слабо развитой экономикой и культурой и южные перенаселенные регионы. По данным статистики, на 2008 г. в Чуйской области было произведено потребительских товаров в расчете по 5 тыс. сомов на каждого человека, по Нарынской области – 857 сомов, по Иссык-Кульской – 1434 сома, по Ошской – 725 сома, по Джалал-Абадской – 629 сома, по Бишкеку – 2,7 млн. сома. Как видно, разница огромна [549, с. 64-65].

Доходы на душу населения по областям в 2006 г. варьировались незначительно: от 1023,8 сома (11%) в Джалал-Абадской области до 1932,9 сома (20%) в Чуйской области. Таким образом, жители «самой» доходной Чуйской области зарабатывают в среднем на 809,1 сома (9%) больше, чем в мало доходной Джалал-Абадской области. Если доходы рассматривать в долларовом выражении, то разница между самой доходной и самыми мало доходными областями составляет 24 доллара США. Доходы на душу населения в Джалал-Абадской и Нарынской областях – по 27 долларов США, в Баткенской -25 долларов, в Чуйской области – 51 доллар. Средний доход на человека по Кыргызстану составляет всего 1417,3 сома в месяц, или 37 долларов США [549, с.66-67].

Некогда благополучная и даже по кыргызским меркам процветающая Иссык-Кульская область из-за «революционных потрясений» постепенно превращается также в бедный регион. По словам Т. Кокчекиева, экс-советника местного МВД, когда опрашивали народ, то 99% сказали: «Когда тут была русская власть, мы жили как в раю. А теперь голодаем». Я предложу, чтобы в октябре 2010 г. на первой же сессии нового парламента, депутаты поставили вопрос о срочном присоединении Киргизии к РФ» [550].

В Иссык-Кульской области ситуация, как и по всей республике, тоже сложная – 17,4% безработных. Эта область уникальна тем, что она является курортной зоной страны, популярной среди жителей многих стран СНГ. В курортный сезон, в течение 3-4 месяцев, местные жители стараются заработать на весь год. В другие сезоны года большая часть населения не получает постоянного дохода.

В целом лидерство по количеству безработных принадлежит югу страны. Высокий уровень рождаемости, характерный для Ошской, Джалал-Абадской и Баткенской областей, обуславливает быстрый рост населения. Доля южан составляет 51% от общей численности населения Кыргызстана. Отсутствие промышленных предприятий в этом регионе определило основное занятие жителей – орошаемое земледелие при постоянном недостатке поливной воды. По итогам 2007 г. самый низкий уровень ИЧР – 0,650 сложился по Баткенской, Нарынской и Ошской областям. А самый высокий – в Бишкеке (0,828) [551]. В силу геополитического расположения Баткенской области еще со времен бывшего СССР здесь существуют земельно-водные споры с приграничными

республиками – Узбекистаном и Таджикистаном, которые всегда имели особую остроту и вызывали межнациональные противоречия.

68 процентов школьников Баткенской области в 2007 году внесены в список льготной категории школьников, их семьи считаются живущими за чертой бедности. В 2001 году таких школьников было – 48 процентов [551]. Однако у кыргызского государства в данный момент нет денег на оплату льгот, одна надежда на благотворительные международные организации.

Негативные последствия экономического кризиса очень сильно сказываются на системе здравоохранения. Бесплатное медицинское обслуживание постепенно сокращается. Повышаются цены на медицинские препараты. 94% лекарств завозятся из-за рубежа. Основные слои населения испытывают большие трудности в получении медицинской помощи. За последнее время недопустимо снизилась активность санитарно-эпидемиологических учреждений. В связи с этим увеличилась заболеваемость такими социальными болезнями, как туберкулез и бруцеллез. Как говорят специалисты, самая плачевная ситуация в южных регионах страны, например, в Баткенской области очень много претензий к врачам. Бесплатно лечить не хотят, нет лекарств, их дефицит доходит до 89%. Именно оттуда идет очень большой отток врачей. Они уезжают в страны ближнего зарубежья. В 2006-2008 гг. только из Джалал-Абадской области уехало 82 врача [552].

Состояние экономики южных областей Кыргызстана оставляет желать лучшего. Людей с насиженных родных мест гонит низкий уровень жизни, тотальная безработица – такое мнение высказал Г. Агасарян, генеральный консул РФ в городе Ош. Согласно статистике, огромное количество жителей Кыргызстана трудятся в качестве трудовых мигрантов в России и Казахстане (90% из них жители южных областей). Только в 2007 г. они направили в Кыргызстан более 1,5 млрд. долларов [553].

Противоречия резко обострились после начала экономического и финансового кризиса в России и Казахстане, с конца 2008 г. Трудовые мигранты лишались работы и были вынуждены возвращаться к себе на родину. Только в город Ош, по данным городского отдела Госкомитета миграции и занятости населения, к середине 2009 г. Зарегистрировано более 4,5 тыс [554]. безработных, возвратившихся из России и Казахстана. Но, как говорят многие эксперты, это официальная статистика. Реальная же картина намного серьезнее [555]. «В случае их массового возвращения домой нас ждут социальные потрясения» - считает Нур Омаров. Армия потенциальных безработных привезет с собой проблемы, которые государственные структуры не готовы, а точнее, не знают, как решать, полагает он [556].

«Немецкая волна» отмечает, что проблема безработицы в Кыргызстане официально признается. Ссылаясь на свои источники в Кыргызстане, издание утверждает, что трудовые мигранты действительно возвращаются на родину, более того: «с каждым днем их все больше и больше. Очевидцы даже упоминают целые вагоны, переполненные мигрантами, которые едут назад на родину, в Кыргызстан». В южных регионах Кыргызстана, где проблема безработицы стоит особенно остро, и по оценкам специалистов ситуация на

рынке труда начинает приобретать катастрофический характер [557]. Это лишь увеличит социально-экономические проблемы на юге.

Обесценивание национальной валюты сома привело к тому, что если считать в долларах, то Кыргызстан стал самой бедной страной СНГ – ВВП на душу населения по итогам 2009 г. составил лишь 630 долл. – это поистине африканский показатель, даже меньше, чем в считавшемся ранее беднейшим в СНГ Таджикистане (723 долл.) [558]. Накапливающиеся долгое время и нерешенные противоречия привели к «очередной революции» - апрельской 2010 г. А. Стризое, политолог – «подобные революции будут повторяться до тех пор, пока к власти не придет человек, который будет решать проблемы страны, а не заниматься передачей рычагов управления страной и экономикой своему клану [559].

Президент России Д. Медведев сказал, что в какой форме был выражен протест, свидетельствует о крайней форме возмущения действующей властью простых людей [560]. Премьер-министр РФ В. Путин говорил, «когда господин Бакиев приходил к власти, он очень жестко критиковал своего предшественника Акаева за коррупцию и семейственность. У меня такое впечатление, что сейчас господин Бакиев наступают на те же самые грабли» [561].

Заместитель директора Института стран СНГ В. Жарихин заявил: «Бакиев пытался сохранить баланс между традиционно враждующими в Киргизии Севером и Югом страны. Но потом все пошло вразнос. На то, что сейчас происходит в Киргизии, люди решаются, когда затрагивают их экономические интересы. Спусковым крючком могла стать программа приватизации гидроэнергетики. Ее у северян начали отбирать. Второй фактор – стремление Бакиева сохранить власть на долгие годы. Это заявление, что Курултай, а не народ должен решать, кто будет Президентом» [562]. Т. Усубалиев, бывший руководителем Советского Кыргызстана отмечает, что «Разделение кыргызстанцев на два лагеря приведет страну к расколу и разрушению принципов государственного устройства» [563]. Когда 8 апреля 2010 г. журналисты ВВС спросили Бакиева о том, существует ли опасность раскола страны на две части, он ответил: «Думаю, раскол в определенной мере есть» [564].

Президент Казахстана Н. Назарбаев, выступая на IX Евразийском медиафоруме в Алматы, сказал: «Апрельские события в Кыргызстане – замена одних элит другими и борьба за власть» [565]. Депутат Законодательной Палаты Олий Мажилис Узбекистана Ш. Дехканов в интервью наманганской газете «Диенат» («Честь») заявил, что среди причин, приведших к кровавой бойне в июне 2010 г., главными являются бедственное положение кыргызской экономики и кланово-коррупционные отношения» [566].

Еще в 2005 г. эксперт С. Бирюков сказал: «Кыргызское общество по-прежнему ориентировано на «короткие связи» и имеет клановую структуру, основанную на региональных различиях» [567]. А в марте 2003 он же писал: «В Кыргызстане власть разделена между северными (Чу, Иссык-Куль) и южной (Ош) группировками. ... Социально-экономические трудности все чаще

вызывают акции протеста жителей юга и юго-востока республики, что вкупе со слабостью и неэффективностью способно нарушить весь существующий «клановый баланс» [568]. А. Акаев соглашается с мнением А. Князева о том, что среди причин, послуживших детонатором мартовского госпереворота 2005 года, обоснованно названо обострение в республике межрегиональных противоречий. А. Акаев сказал тогда: «Город Ош был мною, как президентом, объявлен второй столицей республики, к руководству страной были привлечены многие выходцы с Юга, южная молодежь получила широкий доступ к образованию. Социально-экономическая политика выстраивалась с приоритетным вниманием к нуждам Юга. Но не хватало времени, чтобы все это принесло плоды, в то время как трудности, особенно с безработицей на Юге, нарастали» [569, с.65-66].

Стоит подчеркнуть, что по поводу разделения Кыргызстана на две части – Север и Юг имеются довольно противоречивые мнения [570].

Так, в марте 2005г. А. Мигранян в эфире российского канала заявил, что кыргызы всегда делились на северян и южан. Он также предположил, что кыргызское государство распадется на две части, первая из которых отойдет Казахстану, вторая – Узбекистану [571]. Однако в статье кыргызских политологов Н. Рақыбайуулу и А. Шыкмаматова «Регионализм в Кыргызстане: мифы и реальность» утверждается, что все разделения – мифы, и выгодны определенным политикам. Кыргызцы никогда не делились на северных и южных».

Большинство экспертов едины во мнении, что главными предпосылками негативных событий в Кыргызстане стали в первую очередь диспропорции в региональном развитии страны, большие противоречия в самих регионах и между ними, серьезные недостатки в решении социально-экономических проблем, а также неэффективность применявшихся механизмов для устойчивости экономики, установления долгосрочных отношений с основными торговыми партнерами. Заместитель директора Центра анализа общественных рисков Казахстана К. Берентаев заявил: «В Кыргызстане используется один из сценариев использования родоплеменных клановых противоречий для демонтажа государства». Он также полагает, что Киргизия экономически обречена [572].

Согласно данным американского журнала «Forbes», Кыргызстан по масштабам коррупции находится на 4-м месте в мире после Чада, Зимбабве и Камбоджи. Одно из главных противоречий – политическое. Элита не может между собой договориться по определенным сферам влияния. У них постоянная вражда и нестабильность политической ситуации, это сказывается на экономике. Нет уверенности в будущем, бизнесу тяжело развиваться. Этнический конфликт, разгоревшийся 11 июня 2010 г. на юге Кыргызстана, угрожает стабильности всего среднеазиатского региона. Фактически развалившееся кыргызское государство не в состоянии справиться с ситуацией и уповает только на помощь извне [573].

Еще остаются без ответа вопросы о том, что именно стало причиной возникновения беспорядков в Оше и Джалал-Абаде с 10 по 14 июня 2010 г.,

однако недостатка теорий нет. Поговорите с кыргызами и узбеками в Оше и в его окрестностях, и вы услышите взаимно противоречивые объяснения.

По словам Президента Казахстана Н. Назарбаева: «Корни большинства межнациональных конфликтов питает нерешенность социально-экономических проблем» [574].

Президент РФ Д. Медведев на пресс-конференции в 2010 году по итогам переговоров со своим американским коллегой Б. Обамой в Вашингтоне заявил: «По сути, страна (Кыргызстан) разделена де-факто на части, продолжаются гражданские столкновения, в том числе, что особенно печально, на этнической почве, погибло много людей, власти оказались неспособны предотвратить то, что произошло» [575]. Президент РК Н. Назарбаев в ходе конференции ОБСЕ по толерантности и недискриминации 28 июня в Алматы заявил: «Бедность и отсутствие толерантности привели Кыргызстан к трагическим последствиям» [576]. Как заявила Р. Отунбаева в ходе донорской конференции в Бишкеке 27 июля 2010 г., ... другим важным направлением является отказ от продвижения семейных и клановых интересов, открытая приватизация и заслон рейдерству. На это должны быть направлены основные усилия правительства и его структур [577].

Сепаратисты призывают разделить Кыргызстан на две демократические республики – Южную, со столицей в Оше, и Северную, со столицей в Бишкеке, с делегированием им равных полномочий. Временное правительство считает эти идеи «опасными тенденциями», а экс-премьер КР Ф. Кулов уверен, что народ никогда не поддержит подобные заявления. Призывы о разделении государства на две части начали звучать на юге Кыргызстана, как сообщил и.о. министра внутренних дел КР Б. Алымбеков, соответствующие листовки и видеоматериалы распространяются на территории Ошской и Джалал-Абадской областей некими «деструктивными силами». В то же время глава Комитета защиты свергнутого президента К. Бакиева Т. Дыйканбаев заявил о намерении добиваться в Кыргызстане федеративного устройства [578].

В августе 2010 г. на страницах британской газеты «The Guardian» Л. Арбур, в прошлом – Верховный комиссар ООН по правам человека, а на август 2010 г. – глава International Crisis Group, сказала, что, к сожалению, предотвратить распад страны, возможно, уже не удастся. Американское издание «New York Times» пишет: «Долгие годы накапливались разнообразные противоречия в экономике страны, люди настолько обнищали, что доведены до крайности и готовы срывать свое недовольство, в том числе и на представителях других народностей».

Премьер-министр Кыргызстана А. Атамбаев 24 января 2011 года заявил: «Тенденции к распаду Кыргызстана действительно существуют. Правительство Кыргызстана должно вести разумную, трезвую политику. Разумные, конструктивные силы, которых, думаю, в нашей стране больше, понимают, что речь уже идет не только об экономической ситуации, а о целостности Кыргызстана, его существовании и независимости. Некоторые зарубежные и местные эксперты говорят, что есть тенденции к распаду республики. И на

самом деле это так. Экономика, конечно, база для всего. Но без стабильности, межэтнического согласия, трудно развивать ту же экономику [579].

Таким образом, бессистемное, хаотичное развитие за годы суверенитета, в условиях отсутствия четко разработанной и поддержанной всем кыргызстанским обществом стратегии движения, породило массу противоречий и проблем, решение которых, как правило, носило и носит конфронтационный характер. Как проанализировано в диссертационной работе, межрегиональные противоречия в Кыргызстане имеют место, как исторически, так и особенно на современном этапе развития государства, и связаны они напрямую между регионами страны, а именно между Севером и Югом. При этом существуют более благополучные регионы Севера: Бишкек, Чуйская область и Иссык-Кульская области, и менее благополучные регионы, а точнее депрессивные, – это регионы Юга: Ошская, Джалал-Абадская, Баткенская области.

Данные межрегиональные противоречия оказывают определенное, зачастую негативное влияние на состояние международных отношений с государствами СНГ (Казахстаном, Узбекистаном, Россией) и государствами ЕС, США, Китаем, Ираном и т.д.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Неравномерность развития регионов в определенной степени является фактором прошлого историко-культурного и социально-экономического развития изучаемых государств. Как показало проведенное исследование, по прошествии многих лет независимости межрегиональные противоречия Украины и Кыргызстана не только полностью сохранились, но и углубились, превратившись в одно из главных препятствий в социально-экономическом и социокультурном развитии данных государств. Эти противоречия непосредственно отражаются на их международных отношениях и на всем политическом климате в СНГ.

Мы пришли к выводу, что **межрегиональные противоречия** – это исторически сложившиеся пространственно-географические неоднородности экономического и социокультурного развития, которые оказывают значительное влияние на эволюцию государственного устройства, структуру и эффективность экономики, стратегию и тактику институциональных преобразований, на ухудшение межнациональных и межконфессиональных отношений, и как следствие, приводят к перманентной нестабильности, ослаблению экономического развития и к непредсказуемости развитию международных отношений. А коррупция и волюнтаризм к усилению международных криминальных структур, что ведет к подрыву национальной безопасности.

Причины межрегиональных противоречий можно подразделить на следующие группы (это очень важно для разработки адекватных мер по ликвидации или сглаживанию этих противоречий):

Во-первых, причины природно-географические: различная обеспеченность такими факторами производства как трудовые ресурсы, природные условия и ресурсы, различное экономико-географическое положение.

Во-вторых, причины разного цивилизационно-исторического развития регионов Украины и Кыргызстана. Разные социокультурные (цивилизационные) регионы – это территории, отличающиеся от соседних регионов существенными культурно-цивилизационными характеристиками, особенностями, процессами (этнонациональным составом населения, традициями, религиозными предпочтениями, языком, элементами образа жизни) и соответствующими им внешнеполитическими ориентирами.

В-третьих, влияние первых двух факторов вполне очевидно, но в современной экономике важнее причины конъюнктурного и структурного характера. Сегодня главной причиной отставания большинства депрессивных регионов является их неконкурентоспособность, отсталая отраслевая структура, и, в частности, неразвитая инфраструктура: транспорт, связь, сфера услуг и т.д.

В-четвертых, мы пришли к выводу, что до сих пор ни в Украине, ни в Кыргызстане нет целостной концепции региональной политики. Это происходит потому, что каждый раз после очередных выборов, та или иная региональная власть смотрит на эту острую проблему диаметрально

противоположно. И, естественно, это приводит каждый раз к пересмотру региональной политики, принятой предшественниками.

Накапливающиеся долгие годы противоречия между регионами, как в Украине, так и Кыргызстане, их культурные и этнические различия обусловлены разностью исторических судеб. Поэтому основной причиной межрегиональных противоречий в рамках рассматриваемых государств являются исторически сложившиеся противоречия неоднородности экономического и социокультурного пространства. Это оказывает первостепенное влияние на эволюцию государственного устройства, структуру и эффективность экономики, стратегию и тактику институциональных преобразований и в социально-экономической и внешней политике. Межрегиональные противоречия предстают как негативные процессы, выраженные в противоположности интересов регионов, несущие социальную напряженность в обществе, социальную нестабильность в экономическом развитии, и как следствие, оказывающие сильное влияние на подрыв национальной безопасности Украины и Кыргызстана.

В диссертации исследованы многие противоречия, имеющиеся в современных Украине и Кыргызстане, которые связаны с кризисом идентичности этих государств. Прежде всего, противоречия представляют системный кризис социоэкономического и культурно-исторического характера, что ведет к скачкообразному развитию внешней политики, истоки которого обнаруживаются в динамике исторического развития этих государств. Особенности территорий и природно-климатических условий, а также момент исторической преемственности в развитии общества, сохранение определенных противоречий предыдущего этапа, как неразрешенных, обуславливают их переход на иную стадию развертывания и разрешения.

Выяснено, что если избегать решения противоречий, то это напрямую вызывает острый неуправляемый кризис, а неуправляемый кризис может обернуться катаклизмом и негативным образом влиять как на внутреннюю, так и на внешнюю политику, из-за этого часто международные отношения портятся и как следствие международные связи приходится начинать с нуля и с ослабленных позиций. Все это, в целом порождает негативные явления, сомнения в строительстве международных отношений.

К числу основных и наиболее опасных проявлений политической нестабильности относятся противоречия, связанные с территориальными спорами и притязаниями, обладающие, особенно во времена глобальных политических сдвигов и экономических кризисов, огромным деструктивным потенциалом. Это не может не влиять на тонус отношений стран СНГ.

В диссертации проанализирован комплекс потенциально конфликтных проблем в Украине и Кыргызстане, исследованы особенности диспропорций и противоречий, состояние и тенденции развития этнодемографической, этноязыковой и этносоциальной структуры населения на региональных уровнях; показана деформация этнического сознания вследствие реализации политики формирования этнонациональных государств и основополагающих принципов международных отношений внутри СНГ. В классификации

современных государств Украину и Кыргызстан все чаще относят к статусу «несостоявшихся», а, следовательно, достаточно уязвимых для реализации геополитических стратегий, в частности подходящих плацдармов «цветных революций». Последние имеют свою логику и формат, обуславливая определенный процесс, который приводят к перманентности кризиса развития подобных государств и порой приводят к ухудшению связей, а то и к пресечению связей с другими фигурантами СНГ.

Геополитическое положение Украины на границе европейского и евразийского цивилизационного пространств является одним из определяющих факторов ее исторической и политической судьбы. Украина как центрально-европейское государство исторически и политически длительный период находилась под воздействием одновременно, евразийской и европейской социокультурных традиций. Национальная ментальность украинского народа оказалась расщепленной, соответственно, не было единственных геополитических приоритетов, национальных интересов, единственной национальной стратегии. Все это обусловило неудачу построения национального государства в начале XX века, а также современные трудности и противоречия становления страны и формированию ее внешней политики. На фоне стремительно ухудшающего социально-экономического климата в Украине дальнейшие попытки балансировать на межрегиональных противоречиях могут обернуться не только радикализацией западных регионов Украины, но и вероятностью региональных столкновений, которые однозначно приведут к расколу государства и угрожает единству СНГ в деле адекватной реакции вызовам изменяющейся международной обстановки.

В структуре основных идейно-политических и социокультурных разделений Украины ее региональная дифференциация предстает наиболее ярким элементом, фокусирующим ключевые проблемы и противоречия генезиса украинского национального государства и в определении «врагов» или «друзей» среди стран СНГ.

Надо четко осознавать, что для России и Европы «украинская карта» - это способ обеспечения и сохранения статус-кво в своих цивилизационных плоскостях. В конечном итоге в очередной раз в истории Украина стоит на распутье геополитического выбора и познания своей цивилизационной идентичности.

Аналогичные процессы, имеющие место в Украине, происходят и в Кыргызстане. Взаимоотношения между Северной и Южной частями Кыргызстана всегда были предметом повышенного интереса со стороны советской властной элиты, как и сейчас они являются предметом острой озабоченности властей страны.

В настоящее время в Кыргызстане в составе элит преобладают выходцы из сельского населения. Если до «революции» 2005 года родоплеменные отношения проявлялись, прежде всего, во внегородской среде, формирующей большинство населения республики, то сегодня трайбализм как система общественных отношений закрепляется и в городах. Это во многом объясняется усилением внутренней миграции (с юга на север), которая приобрела массовый

характер в 2005-2010 годах, обострив противоречия между северянами и южанами. Также резко возросла эмиграция славянского населения из Кыргызстана (в основном в Россию). Межэтнические противоречия все более смещаются в область противостояния между коренными этносами, что придает им гораздо более опасный характер ввиду проблем, являющихся актуальными для страны на современном этапе. Внутренние противоречия, экстраполирующиеся на этнический конфликт – это реальность кыргызской действительности. Не исключается переход противоречий из двустороннего формата в международную проблему в рамках нашего региона.

Как проанализировано в исследовании, для причин раскола Кыргызстана существуют исторические предпосылки. Южный Кыргызстан всегда входил в состав благодатной земледельческой ферганской долины, которая и в древние, и в средние века являлась эпицентром формирования оседло-земледельческой культуры, восточных деспотий с соответствующим образом жизни, поведенческой, политической и религиозной культурой, национальным менталитетом, который активно формировался под влиянием оседлых народов – узбеков и таджиков. В отличие от них, северные кыргызы жили относительно самостоятельно и свободно, тесно общались с такими же кочевыми и свободными народами, как и они сами – казахами. С вхождением в состав России северные кыргызы подвергались большей русификации, нежели южные кыргызы. Поэтому разделение страны на Север и Юг – это не только культурная, географическая и внутривластная проблема, но и внешнеполитическая.

Внутренняя политика Кыргызстана после 1991 года осуществляется под знаком борьбы за власть между Севером и Югом. В ходе смены правящих группировок сила, пришедшая к власти, ведомая «реваншистскими» настроениями, всегда стремится свести к минимуму влияние свергнутых кланов. Обострение регионального вопроса, в немалой степени вызвано тем, что отдельным оппозиционерам не удалось удовлетворить личные интересы, связанные с получением высоких должностей, и для достижения своих целей они всегда используют «региональный ресурс», который в свою очередь продолжает линию раскола, как по родоплеменным, так и по региональным отчуждениям. Это зачастую ведет к поиску поддержки извне.

Таким образом, в контексте осуществления государственной политики в Украине и в Кыргызстане важно осмыслить необходимость уделять равное внимания всем регионам каждой из республик во избежание всевозможных диспропорций развития, а также социального напряжения, которые могут привести к дестабилизации. Эти государства исторически располагаются на стыке нескольких цивилизаций, что приводит к определенным социокультурным противоречиям, поскольку их «прародителями» являются сложные исторические процессы. И в Украине, и в Кыргызстане происходит столкновение двух культур.

За годы независимого развития Кыргызстану так и не удалось преодолеть дихотомию Севера и Юга, сепаратистские настроения значительной части

узбекского населения. Появляются все новые противоречия, обусловленные как историческим прошлым, так и современными социокультурными процессами.

Противоречивость процессов, происходящих на постсоветском пространстве, свидетельствует о том, что перенесение социального опыта одних цивилизационных структур в другие без учета универсальных механизмов их развития зачастую приводит или к углублению кризиса, или к полному извращению данного опыта. В постсоветский период региональная дифференциация в Украине и Кыргызстане усилилась, а социально-экономические противоречия обострились. Региональный раскол имеет тесно взаимосвязанные как социально-экономические, так и политические аспекты. Социально-экономические различия опираются на неравномерное индустриальное развитие регионов и обусловленные этим социокультурные различия.

В диссертационном исследовании проведен анализ влияния межрегиональных противоречий в Украине и Кыргызстане на их внешнюю политику и международные отношения в рамках СНГ, в целях достижения в регионе стабильности и гражданского мира, как императивных условий социально-экономической, общественно-политической и социокультурной модернизации большей части постсоветского пространства.

Показано, что межрегиональные противоречия в Украине и Кыргызстане влияют на их современное положение в рядах СНГ и строительство их международных связей в регионе. Слабость Украины и Кыргызстана серьезно влияет на безопасность соседних с ними государств и СНГ в целом.

Основополагающим выводом данного исследования является утверждение, согласно которому исторически заложенные межрегиональные противоречия в таких странах, как Украина и Кыргызстан будут усиливаться и вызывать все новые и новые конфликтные ситуации, что будет приводить к ухудшению уровня жизни граждан данных государств, пока не будет задействована модель равенства всех регионов, с вовлечением в интеграционную схему Единого экономического сотрудничества СНГ. Содружество, на наш взгляд, исторически более близко изучаемым странам (за исключением Западной Украины) и имеет огромный потенциал и возможности по развитию стратегического партнерства и взаимовыгодного сотрудничества. При этом доминирующая роль России будет воспроизводиться, но речь, в то же время, не идет об утрате суверенитета государств СНГ. В эпоху глобализации быть полностью независимым невозможно, и поэтому в условиях глобальной экономики сотрудничество следует рассматривать в качестве основного средства жизнеспособности самостоятельного субъекта. Интеграция и конкурентоспособность, как основные характеристики глобализации регионального пространства, предстают в качестве управляемых процессов, что обуславливает поиск новых подходов к оценке возможностей функционирования евразийского содружества как нового экономического центра, как оплота стабильного развития суверенных государств, появившихся после распада СССР и их международных отношений на постсоветском пространстве.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

- 1 Гидденс Э. Девять тезисов о будущем социологии // THESIS: теория и история экономических и социальных институтов и систем. Альманах. Зима. - 1993. - Т.1, вып.1. - С. 67.
- 2 Без отсутствия внутренней стабильности нет развития // Известия. – 2010, май – 21.
- 3 Мунтян В.И. Перспективы и проблемы регионализации национальной экономики в контексте стратегии экономического развития СНГ. – 2009, ноябрь – 13 // <http://www.econoosfera.com.ua/ru/post/3/>
- 4 Куколев И. Региональные элиты: борьба за ведущие роли продолжается // Власть. - 1996. - №1. - С. 37.
- 5 Украина пока не сможет войти в Европу // http://www.portal.rada.gov.ua/rada/pls.zweb_u/webpro.Ukrgold.net/links/219
- 6 Бусыгина И. Политическая регионалистика. - М., 2006. - С.6-7.
- 7 Симонян Р.Х. Концепция мезоуровня применительно к региону. // Социологические исследования. - 2010. - №5. - С.55.
- 8 Huntington E. Mainsprings of Civilization. - New York, 1945. – P. VII.
- 9 Тойнби А. Дж. Постигание истории: сборник. – М.:Рольф, 2001.- 640 с.
- 10 Колосов В.А. Политическая география. – Ленинград: Наука, 1988. - 180 с.
- 11 Медведев Н.П. Политическая регионалистика. – М.: «Альфа-М», 2005. - 447 с.
- 12 Овчинников А.П. Политическая Регионалистика: три уровня власти в региональном измерении. – Самара: «Самарский университет», 2002. – 144 с.
- 13 Туровский Р.Ф. Центр и регионы: проблемы политических отношений. – М.: дом ГУ-ВШЭ, 2007. – 400 с.
- 14 Хантингтон С. Политический порядок в меняющихся обществах. – М., 2004. - 480 с.
- 15 Эйзенштадт Ш. Революция и преобразование общества. – М.: Аспект Пресс, 1999. – 416 с.
- 16 Парсонс Т. О структуре социального действия. – М.: Академический проект, 2000. - 880 с.
- 17 Лейпхарт А. Демократия в многосоставных обществах: сравнительное исследование. – М., 1997. – 227 с.
- 18 Меркель В., Круассан Ф. Формальные и неформальные институты в дефектных демократиях // Полис. – 2002. - №1. - С. 6-17; №2 – С. 20-30.
- 19 Изару У. Методы регионального анализа: введение в науку о регионах. - М.: Прогресс, 1966. – 309 с.
- 20 Лексин В.Н., Швецов А.Н. Государство и регионы. Теория и практика государственного регулирования территориального развития. – М.: Эдиториал УРСС, 2003. – 368 с.
- 21 Василенко В.Н. Конкурентоспособность регионов: истоки, оценки и перспективы. // НАН Украины. Институт Экономико-правовых исследований. – Донецк: ООО «Юго-Восток Лтд», 2008 – 363 с.

- 22 Морозов Е. Теория Новороссии // Русский геополитический сборник. – 2008. -№1. - С. 16-28.
- 23 Темненко В.А. Три Украины. // «Таврические ведомости» (Симферополь). – 1997. - №1. - С. 27-28.
- 24 Субтельный О. История Украины. – Киев: «Лібідь», 1994. – 536 с.
- 25 Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. – М., 2003. - 603 с.
- 26 Гіроакі Куромія. Свобода і терор у Донбасі Українсько-російське прикордоння 1870-1990 роки. – Киев, 2002. – 162 с.
- 27 Геец В.Противоречия глобального характера и признаки возможного уравнивания стратегических интересов Украины. - Киев, 2007. – 198 с.
- 28 Касенов У.Т. Новая «Большая игра» в Центральной Азии // URL: http://www.ca-c.org/journal/08_1997/st_11_kasenov.shtml.
- 29 Олкотт М.Б., Брил М., Котт О. Второй шанс Центральной Азии. - М., 2005. – 487 с.
- 30 Исаев К.И. Деревня Киргизии: вчера, сегодня, завтра. – Фрунзе, 1985. – 98 с.
- 31 Элебаева А.Б. Развитие межэтнических отношений в новых независимых государствах Центральной Азии / учеб. пособ. для ВУЗов. - Бишкек, 1995. – 175 с.
- 32 Бугазов А.Х. Социокультурные особенности Кыргызского общества: Долговременные перспективы развития // Кыргызстан. – 2025. – 2009. – С.28-40.
- 33 Эркинбеков Т.Ж. Региональные особенности социального неравенства в современном Кыргызстане: автореф. ... канд. социол. наук. – Бишкек, 2011.
- 34 Утемуратов Б. Никто не сможет «разменять реформы для народа» // Казахстанская Правда. – 2011, апрель – 16.
- 35 Князев А. Сегодня Киргизия – классическое несостоявшееся государство // http://inoform.ru/inostrannay_pressa/aleksandr_knyazev_14-02-2011.
- 36 Акказиева Г.Б. Эволюция политической элиты Кыргызстана в условиях переходного периода: дис. ... канд. политолог. наук. - М., 2006.
- 37 Конституция Украины // Ведомости Верховной Рады Украины (ВВР Украины). – 1996. - №30. - С. 141.
- 38 Конституция Кыргызской Республики. (введена в действие Законом КР от 27 июня 2010 г. // <http://www.dcsmfa.kg/index.php>.
- 39 Кабинет Министров Украины // http://www.rbc.ua/rus/tag/kabinet_ministrov
- 40 Органы официального опубликования Указов и постановлений Кыргызской Республики // <http://www.kg.spinform.ru/organi.html>.
- 41 Законодательные акты Украины // <http://search.ligazakon.ua>
- 42 Законодательные акты Кыргызской Республики // http://www.kg.spinform.ru/main_law.html.
- 43 Комплексная основа развития Кыргызской Республики на период до 2010 года // http://www.sng.allbusiness.ru/content/document_z_FF47B6B5-B42F-4191-80F1.

- 44 Стратегия развития Кыргызской Республики (2007-2010 гг.). - Бишкек, 2007. – 48 с.
- 45 Стратегия преодоления угроз национальной безопасности Украины в начале XXI века // http://zu.ua/POLITICS/o_strategi_preodoleniya_ugroz_natsionalnoy_bezopasnosti
- 46 Совместная стратегия помощи стране для Кыргызстана (2007-2010 гг.). 26 мая, 2007 г. Отдел стран ЦА // http://www.publicintelligence.info/JCSS_RUS_part1.pdf.
- 47 Региональный стратегический документ ЕС для Центральной Азии 2007-2010 годы // http://www.donors.kg/upload/docs/reports_and_studies/EC_RegionalStrategy_2007
- 48 Европейский Союз и Центральная Азия: новое партнерство в действии. Июнь 2009 // http://www.eeas.europa.eu/central_asia/docs/2010_strategy
- 49 Рамочные программы сотрудничества ПРООН и Страновые программы в Кыргызстане // <http://www.undp.kg/ru/about-undp/kyrgyzstan-country-office>
- 50 Совместная стратегия ЕС относительно Украины // <http://www.kmn.gov.ua/control%5Cru%5Cpublish>
- 51 Солнцев В.Н. Учение о ландшафте. Избранные труды. – М.: МГУ, 2001.- 541 с.
- 52 Бромлей Ю.В. Очерки теории этноса. - М.: Наука, 1983.- 412 с.
- 53 Гумилев Л. Биография научной теории // Знамя. - 1988. - № 4. - С. 208.
- 54 Гончаренко А. География физическая, экономическая и социальная. – Киев, 2003 - 310 с.
- 55 Chorny S.G. Soil protection effect of the irrigation in Ukraine // E.S.S.C. Newsletter. - 1999. - №1. - P. 12-14.
- 56 Докучаев В.В. К учению о зонах природы. - С-Петербург: Спб. Градонач-ва. Отд. Отт, 1899. - 28 с.
- 57 Косенко А. Фізична географія України. - Львів, 2006. - 357 с.
- 58 Социально-экономическая география Украины / под. Ред. О. Шабля. – Львов: Свит, 1998. – С. 250, 640.
- 59 Климат и окружающая среда / под общей ред. Е.М. Родиной. - Бишкек, 2003. - 208 с.
- 60 Бакиров Н.Б., Осмонов А., Исаев А. География Кыргызской Республики. – Бишкек, 1998. – 456 с.
- 61 Выходцев И.В., Никитина. Е.В. Флора и растительность // Природа Киргизии. – Фрунзе: Киргосиздат, 1962. – С. 172-200.
- 62 Левин М.Г., Чебоксаров Н.Н. Хозяйственно-культурные типы и историко-этнографические области // Советская этнография. - 1955. - № 4. – С.19-47.
- 63 Шубарт В. Европа и душа Востока / пер с нем. - М., 2003. - С.19, 21.
- 64 Гумилев Л.Н. Этносфера. История людей и история природы. - М.: Экспресс, 1993. – 495 с.
- 65 Чебоксаров Н.Н. Проблемы типологии этнических общностей в трудах советских ученых // Советская этнография. - 1967. - №4. - С. 87-99.

- 66 Коротчаев А.В. Социальная эволюция: факторы, закономерности, тенденции. - М.: «Восточная литература» РАН, 2003. - 287 с.
- 67 Чебоксаров Н.Н., Чебоксарова И.А. Народы, расы, культуры. - М.: Наука, 1985. - 224 с.
- 68 Хозяйственно-культурные типы и историко-этнографические области // Советская этнография. - 1955. - №4. - С. 25.
- 69 Павленко Ю.В. Історія світової цивілізації: соціо-культурний розвиток людства. - Киев: Либідь, 1996. - 451 с.
- 70 Павленко Ю.В. Классообразование у кочевников // Маргулановские чтения: сб. мат. конф. - М., 1990. - С. 33-39.
- 71 Саханова К.Б. Кочевой хозяйственный тип в Казахстане // Вестник КазГУ. Серия экономическая. - 1998. - № 9. - С.28-37.
- 72 История Казахстана: народы и культуры: учеб. пособие / под ред. Н.Э. Масанова. - Алматы: Дайк-Пресс, 2001. - 608 с.
- 73 Кычанов. Е.И. Кочевые государства от гуннов до маньчжуров. - М.: «Восточная литература» РАН, 1997. - 320 с.
- 74 Панин В.М. Проблема неолитической революции в свете новых данных археологии // Вопросы истории. - 1970. - №6. - С. 40-50.
- 75 Рыбаков Б.А. Из истории культуры древней Руси // Сборник научных трудов. - М., 1984. - 240 с.
- 76 Кульчицкий С., Курнос Ю., Коваль М. Історія України. - Київ: «Райдуга», 1992. - 517 с.
- 77 Пасетек Т.С. Раннеземледельческие (трипольские) племена Поднестровья // МИА. - 1961. - №84. - С. 58-69.
- 78 Відейко М.Ю. Путиами трипольского мира. - Киев: Наш час, 2007. - 296 с.
- 79 Стражний О.С. Украинский менталитет: Иллюзии. Мифы. Реальность. - Киев: Книга, 2008. - 368 с.
- 80 Блаватский В.Д. Земледелие в античных государствах Северного Причерноморья. - М., 1953. - 208 с.
- 81 Тереножкин А.И. Предскифский период на Днепровском правобережье. - Киев, 1987. - 246 с.
- 82 Межевич М.Н. Социальное развитие и город: философские и социологические аспекты. - Л.: Наука, 1979. - 175 с.
- 83 Иловайский Д.И. Становление Руси: История России (Периоды Киевский и Владимирский). - М.: Чарли, 1996. - 731 с.
- 84 Греков Б.Д. Киевская Русь. - М., 1953. - 569 с.
- 85 Гумилев Л.Н. От Руси к России Очерки этнической истории. - М.: Айрис пресс, 2003. - 318 с.
- 86 Тихомиров М.Н. Древняя Русь. - М.: Наука, 1975. - 432 с.
- 87 Хрестоматия по истории Кыргызстана (с древности до XX вв.) / сост. В.А. Воропаева. - Бишкек, 1997. - 310 с.
- 88 Рассудова Р.Я. О видах поливных и неполивных земель в Средней Азии // Хозяйственно-культурные традиции народов Средней Азии и Казахстана. - М., 1975. -125 с.

- 89 Археологические памятники Ферганской долины. – Фрунзе, 1975. - 203 с.
- 90 Рузанов В.Д. Новые данные о датировке Дальверзина и Чуста (по материалам топографического и химического исследований металлических изделий) // Новое о древнем и средневековом Кыргызстане. – 1999. - Вып. 2. – С. 46-48.
- 91 Кириллов В.В. История России: учеб. Пособие для вузов. – М.: Юрайт, 2007. - 661 с.
- 92 Чего в нас больше – Византии или Орды? // Комсомольская Правда. – 2010, август - 28.
- 93 Скрынников Р.Г. История Российская. 9-17 вв. - М.:Весь Мир, 1997. - 496 с.
- 94 Костюк М.Е. Языковые войны: Западные политические технологии. // Вестник Московского Университета. Серия 12. Политические науки. - 2009. - №4. - С. 93-95.
- 95 Греков И.Б., Шахмагонов Ф.Ф. Мир истории: Русские земли в XIII-XV вв. – М.: Правда, 1986. - 334 с.
- 96 Дыбковская А., Жарын М., Жарын Я. История Польши с древнейших времен до наших дней / пер. под ред. Мирославы Белевич. – Варшава: Научное издательство ПВН, 1995. - 381с.
- 97 Котляр М.Ф. Галицька Русь у другій половині XIV – першій чверті XV ст. – Київ, 1968. - 297 с.
- 98 Ефименко А.Я. История Украины и ее народа. - Киев, 1992. - С. 39, 45, 73, 82, 83.
- 99 Дорошенко Д. Очерк истории Украины. - Киев, 1991. - Т.1. – 142 с.
- 100 Прицак О. Происхождение Руси // Хроника 2000. - 1992. - №1. – 16 с.
- 101 Родин С. Химера похищения Руси. – Курск: Святогор, 2002. – 57 с.
- 102 Подоляк Н. Сторія середніх віків. - Киев, 2006. - 314 с.
- 103 Западная Украина – Русь // <http://www.ukrstor.com/dikij/dikij2-11.html>.
- 104 История национального движения в Украине 1800-1920 годы // <http://www.ukrstor.com>.
- 105 Смирнов А. История Южной России. - М.: Алгоритм, 2008. - 352 с.
- 106 Шамбаров В. Казачество. История вольной Руси. – М.:Алгоритм, 2007. – 688 с.
- 107 Соколов Л. Переяславский договор 1654 г. – договор равных или переход в подданство. - Донецк, 2001. - 203 с.
- 108 Переяславская Рада: как все было на самом деле // Правда. – 2004, февраль – 2.
- 109 Верстюк В.Ф., Дзюба Л.М., Репринцев В.Ф. Україна від найдавніших часів до сьогодні: хронологічний довідник. – Киев: Наукова Думка, 1995. – 688 с.
- 110 Михальский Ю. Польські політичні партії та українське питання в Галичині на початку ХХ століття (1902-1914). - Львів, 2002. - 29 с.
- 111 Chwalba A. Historia Polski 1795-1918. - Krakow, 2000. - 486 s.

- 112 Заруба В.М., Васковський Р.Ю. Історія України. - Днепропетровск: Ліра ЛТД, 2005. – 482 с.
- 113 Булахтин М.А. Краковские консерваторы и межнациональные отношения в Галиции в начале XX в. // Вестник Московского Университета. Серия 8 История. - 2008. - №5. - С. 58-59.
- 114 Крутиков В.В. «Источники по социально-экономической истории Украины периода капитализма (1861-1900 гг.)». – Днепропетровск: ДГУ, 1980. - 157 с.
- 115 Чунтулов В.Т. Экономическая история СССР / учеб. для эконом. вузов. – М.: Высшая школа, 1987. – 358 с.
- 116 Голобуцкий В.О. Экономическая история УССР. - Киев.: Высшая школа, 1970. - С. 49-58.
- 117 Украина в Первую мировую войну (1914-1917 гг.) // <http://www.ukrmap.kiev.ua/index.php?id=2608&lang=ru>
- 118 Волконский А.М. Историческая правда и украинофильская пропаганда. - Турин, 1920. - 129 с.
- 119 Ульянов Н.И. Происхождение украинского сепаратизма. - Нью-Йорк, 1966. - 278 с.
- 120 Субтельный О. История Украины. - Київ, 1993. - 536 с.
- 121 Север А. Русско-Украинские войны. - М.: Яуза–Пресс, 2009. - 384 с.
- 122 Borys Ju. The Russian Communist Party and the Sovietization of Ukraine. - Stockholm, 1960. - 211 p.
- 123 UKRAINA: от мифа к катастрофе // Полярная Звезда. – 2007, апрель 18.
- 124 Иванцов И. Мова в районном масштабе. Украинизация Кубани. 1922-1932 годов // Родина. - 2008. - №9. – С. 25-42.
- 125 Блінда Л.В. Українізація та її роль в суспільно-політичному житті українського народу в 20-і роки: автореф. ... канд. істор. наук. – Киев, 1992. – 117 с.
- 126 Рублов О.С., Черченко Ю.А. Сталінщина й доля західноукраїнської інтелігенції 20-50 роки XX ст. – Київ, 1994. - С. 41-45.
- 127 Рублов О.С., Черченко Ю.А. «Українізація» 1920-30-х років: передумови, здобутки, уроки. – Київ, 2003. - 100 с.
- 128 Борисенок Е. Феномен советской Украинизации. 1920-1930-е годы. - М.: «Европа», 2006. - 245 с.
- 129 Марчуков А. О «национальной концепции истории Украины» и фальсификациях // <http://www.perspektivy.info/srez/theory.2010-11>.
- 130 Ханин Г.И. Динамика экономического развития СССР. - Новосибирск: Наука, 1991. – 305 с.
- 131 Грицак Я. Формування модерної української нації XIX-XX ст. - Київ, 1997. - 251 с.
- 132 Myły Rocznic Statystyczny. - Warszawa, 1939. - 95 sir.
- 133 История Украинской ССР.– Киев: Наукова Думка, 1984. - Т. 7. - 409 с.
- 134 Полищук В. Горькая правда. Преступления ОУН-УПА (исповедь украинца). - Харьков, 2002. - 155 с.

- 135 Berkhoff. K.C. and M. Carynyk. The Organization of Ukrainian Nationalists and its Attitude toward Germans and Jews: Iaroslav Stetskos 1941. Zhyttieypys in: Harvard Ukrainian Studies.– 1999. - Vol. 23. - P. 149-184.
- 136 Чуев С. Проклятые солдаты. Предатели на службе «третьего рейха». – М.: Эксмо, 2004. - 576 с.
- 137 Гогун А.С. Деятельность вооруженных националистических формирований на территории Западных областей УССР (1943-1949 гг.): автореф. ... канд. ист. наук. - СПб., 2005. – 25 с.
- 138 Филар В. Уничтожение поляков на Волыни «воянами». – Варшава: Adam Maraszalek, 2007. – 148 с.
- 139 Исторический деятель времен Второй мировой войны накаляет страсти в Украине // The New York Times. – 2010, март. - 2.
- 140 Кентій А.В. Нарис боротьби ОУН-УПА в Україні (1946-1956 pp.). - Київ, 1999. – 189 с.
- 141 Дергачев В.А. Кризис украинской государственности // Вестник аналитики. - 2007. - №4. – С. 25-32.
- 142 Хромов П.А. Экономическая история СССР – М.: «Высшая школа», 1988. - 592 с.
- 143 Народное хозяйство УССР в 1960-х, 1970-х, 1980-х годов. Статиздат. – 1960-1981.
- 144 Кара-Мурза С. Советская цивилизация. От начала до наших дней. - М.: Изд: Алгоритм, 2008. – 1200 с.
- 145 Garnett S. W. Keystone in the Arch: Ukraine in the Emerging Security Environment of Central and Eastern Europe. – Washington: DC, 1997. – P. 3.
- 146 Дергачев В.А. Геоэкономика Украины (теоретические и прикладные основы). – Одесса: ИПРЭЭИ НАНУ, 2002. – 244 с.
- 146 Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. / пер. с англ. Т. Велимеева., Ю. Новикова. - М.: «Издательство АСТ», 2003. - С. 54-60.
- 147 Мушкатерова Н. Крым как яблоко раздора // Эхо планеты. - 2009. - №8. – С. 6-7.
- 148 Андреев А. История Крыма. – М.: Монолит – Евролинц – Традиция, 2002. – 340 с.
- 149 Орлова И.Б. Этнизация исторического знания в постсоветских государствах // Социологические исследования. - 2009. - № 10. - С. 127-128.
- 150 Основа многих противоречий // Вечерний Харьков. – 2010, сентябрь – 2.
- 151 Мадалиев Н.А. История археологического изучения Южного Кыргызстана (региональный источниковедческий анализ): автореф. ... канд. ист. наук. - Санкт-Петербург, 2003. - 25 с.
- 152 Зайнидин К. История Кыргызстана и кыргызов // Центральная Азия: собственный взгляд. – Бишкек, 2006. - 121 с.
- 153 Хуршит Э. Паркана – Даван – Фергана. – Бишкек, 1998. - 239 с.
- 154 Бартольд В.В. История турецко-монгольских народов // Соч.– М., 1968. - Т. 5. - 870 с.

- 155 Гумилев Л.Н. Гетерохронность увлажнения Евразии в древности // Вестник ЛГУ. - 1966. - №6. – С. 48-57.
- 156 Бернштам А.Н. Очерки истории гуннов. – Ленинград: ЛГУ, 1951. - 256 с.
- 157 Таскин В.С. Материалы по истории Сунну (по китайским источникам). - М., Вып 1. – 1968. - С. 36.
- 158 Литвинский Б.А. Этногенез и этническая история народов Средней Азии и Казахстана в древности и средневековье // Проблемы этногенеза и этнической истории Средней Азии и Казахстана. - М., 1990. – Вып. 1. - 24 с.
- 159 Кычанов Е.И. Аппарат управления у енисейских кыргызов (по китайским сведениям) // Источники по средневековой истории Кыргызстана и сопредельных областей Средней и Центральной Азии: Тезисы докладов и сообщений. - Бишкек, 1991. – С.48.
- 160 Асанканов А.А., Осмонов О.Дж. История Кыргызстана (с древнейших времен до наших дней). - Бишкек, 2002. – 575 с.
- 161 Бартольд В.В. Киргизы. Исторический очерк. Избранные труды по истории кыргызов и Кыргызстана. – Бишкек, 1996. – С.102.
- 162 Караев О. История Караханидского каганата. – Фрунзе: Илим, 1983. - 302 с.
- 163 Реальная история наших друзей по Советскому Союзу // Известия. – 2003, август. - 30.
- 164 Табышалиев С.Т. Происхождение киргизского народа. – Фрунзе, 1990. - 480 с.
- 165 Бактыгулов Дж. С., Момбекова Ж.К. История Кыргызов и Кыргызстана с древнейших времен до наших дней. – Бишкек, 2001.- 342 с.
- 166 Абрамзон С.М. Кыргызы и их этногенетические и историко-культурные связи. – Ленинград: Наука, 1971. – 244 с.
- 167 Мокрынин В., Плоских В. Этногенез кыргызов. История Кыргызстана. - Бишкек, 1995. – 223 с.
- 168 Златкин И.Я. История джунгарского ханства. – М., 1983. - 334 с.
- 169 Аткуров С. Тайлак батыр. – Бишкек, 1994. – 147 с.
- 170 Омурзаков С. История кыргызов и Кыргызстана / учебное пособие. – Бишкек: Илим, 1995. – 186 с.
- 171 Плоских В.М. Киргизы и Кокандское ханство. – Фрунзе, 1977. - 368 с.
- 172 Гейдар Д. Казахстан просто выступает за все то лучшее, что было в Советском прошлом // Континент. – 2009, март - 25.
- 173 Кыргызстан-Россия. История взаимоотношений (XVIII-XIX вв.) // Сборника документов. - Бишкек, 1998. – Т.1. - 257 с.
- 174 Хасанов А.Х. Народные движения в Киргизии в период Кокандского ханства. – М., 1977. - 164 с.
- 175 Кронгард Г.К. Население Киргизии в последней трети XIX- начале XX века. (по материалам северных регионов). - Фрунзе: Илим, 1989. – 89 с.
- 176 Омаров Н. Кыргызская государственность: взгляд через призму веков. 13.03.2007 // <http://www.easttime.ru/analitic/1/4/121.html>

- 177 Воропаева В. Кыргызстан-Россия: история и современность. – М.: Ca&CC Press@ AB, 2002. – 187 с.
- 178 Галицкий В.Я. Товарно-промышленное развитие Киргизии в конце XIX - начале XX вв.: К истории социально-экономических укладов Кыргызстана. – Фрунзе, 1972. - 133 с.
- 179 Восстание 1916 года в Кыргызстане // Сборник материалов научной конференции, посвященной 75-летию восстания. – Бишкек, 1993. – 192 с.
- 180 Усенбаев К.У. 1916: героические и трагические страницы. – Бишкек, 1997. – 202 с.
- 181 Ражабов К.К. Мустакил Туркистон фикри учун мужодалалор. (1917-1935 йиллар). – Тошкент, 2000. – С. 5-28.
- 182 Olcott M. The Basmachi or freemen revolt in Turkestan. 1918-1924 // Soviet studies. – Glasgow University Press, 1981. - Vol. XXXIII, №3. – P. 352-362.
- 183 Бегалиев С. Басмачество: новый взгляд // Кыргызы и Кыргызстан: опыт нового исторического осмысления. – Бишкек, 1994. – 194 с.
- 184 Пылев А. Война с басмачеством на юге Киргизии (1920-1930-е гг.) и ее региональные особенности.(по материалам Ошского областного архива) // <http://www.analitika.org/article.php>.
- 185 Котенев А.А. О разгроме басмаческих банд в Средней Азии // Военно-исторический журнал. – 1987. - №2. - С.59-64.
- 186 Захарова А.Е. Историко-архитектурное наследие города Ош (конец XIX- начало XX вв.). – Ош, 1997. – 115 с.
- 187 Чотонов У. Суверенный Кыргызстан (исторический анализ становления и развития): автореф. ... докт. ист. наук. - Бишкек, 1998. – 27 с.
- 188 Кунин А.И. Южная Киргизия в период гражданской войны (1918-1920 гг.). – Фрунзе, 1981. - 203 с.
- 189 Нуруулу Д. Совхозы Кыргызстана. - Фергана, 1993. - 189 с.
- 190 Медведев Р. Великий перелом крестьянства // Аргументы и Факты. Казахстан. - 2010. - №5. – С.42-49.
- 191 Олимов М. Бартольд В.В. О национальном размежевании в Средней Азии // Восток. - 1991. - №5. – С.16-24.
- 192 Гордиенко А.А. Создание советской национальной государственности в Средней Азии. - М., 1959. - С. 126, 142-145, 168.
- 193 Прузаускас А.А. О «Записке» Академика В.В. Бартольда // Восток. - 1991. - №5. - С. 92-107.
- 194 «Долинный патриотизм» («оазисный патриотизм») // <http://www.Postsoviet.Ru/print>.
- 195 Масов Р.М. История исторической науки и историография социалистического строительства в Таджикистане. - Душанбе, 1988. – 208 с.
- 196 Голунов С. «Советская модель» трансформации традиционных центральноазиатских обществ: история и современность // ЦА и культура мира. - 2000. - №1-2. – С.32-39.
- 197 Бартольд В.В. // Сочинения. - М., 1966. - Т. 6. - С. 303-319.
- 198 Разборки на нейтральной территории // Независимая Газета. – 2010, июнь. – 18.

- 199 Жуманалиев А. Политическое развитие Кыргызстана (20-30-е годы). – Бишкек, 1994. – 170 с.
- 200 Allworth Edward. Central Asia. A Century of Russian Rule. - New York: Columbia University Press, 1990. – 415 p.
- 201 История Киргизской ССР. - Фрунзе, 1968. - Т. 2. - С. 101.
- 202 Атокуров С. Промышленность Киргизии в послевоенные годы (1946-1955). – Фрунзе, 1975. – 232 с.
- 203 История Кыргызстана: XX век. Учебник для ВУЗов. – Бишкек, 1998.- 259 с.
- 204 История Казахстана и Центральной Азии: учеб. пособие / под ред. М.Х. Абусеитовой. – Алматы: Білім, 2001. – 579 с.
- 205 Кара-Мурза С. Липовая независимость // Правда. – 2009, май – 25.
- 206 Материалы Госплана СССР за 1978-1984 гг. – М., 1985. – 510 с.
- 207 История Кыргызов и Кыргызстана. Учебник для вузов.- Бишкек, 1999.- 254 с.
- 208 Евразийская общность // <http://www.postsoviet.ru/print.php>.
- 209 Арсланов Р.А., Мосейкина М.Н. СССР в годы перестройки (1985-1991 гг.). - М., 1997. – 417 с.
- 210 Брусина О.И. Киргизия: социальные последствия аграрного перенаселения // Этнографическое обозрение. - 1995. - № 4. - С. 99-100.
- 211 «Новые организации». // Вечерний Фрунзе. – 1989, июнь – 20.
- 212 Huskey E. Kyrgyzstan: the politics of demographic and economic frustration // New States, New Politics: building the post-Sov. Nations/Ed. By Bremer G., Taraz R. – Cambridge, 1997. - P.659.
- 213 Undeland Charles, Platt Nickolas. The Central Asian Republics: Fragments of Empire, Magnets of Wealth. – New York: The Asia Society, 1994. – P. 46.
- 214 Сааданбеков Ж. Авторитаризм и демократия на Востоке.. – Астана: Общественно-политическое издание, 2003. – 78 с.
- 215 Сарыков Т.К., Сарыков А.Т. Ошский межнациональный конфликт: причины, последствия, поиски путей решения. Историко-социологический очерк. – М., 1993. – 99 с.
- 216 Эркебаев А. 1990 год: приход к власти А.Акаев. - Бишкек, 1997. – 84 с.
- 217 Мурсалиев Н. Политическая культура Кыргызстана в мозаике нескончаемых реформ // <http://www.Mursaliev.narod.ru/poly.htm>.
- 218 Человек – сущностные силы и социальные возможности. - Бишкек, 1993. – 72 с.
- 219 Байгелди Г. Менталитет как формула величия нации // Казахстанская правда. – 2010, октябрь – 15.
- 220 Пралиева Г. Определение национального менталитета // Мысль. – 2010, сентябрь. – С.58.
- 221 Орынбеков М.С. Предфилософия протоказахов. – Алматы, 1994. – 207 с.
- 222 Оспанов С.И. Ментальная духовность: истоки, феномены и проблемы // Казахстан Спектр. - 2007. - №3. - С. 72.

- 223 Корнева Т.С. Менталитет как Социокультурный феномен (философский анализ): автореф. ... канд. филос. наук. - Екатеринбург, 2005. - 184 с.
- 224 Зиммель Г. Избранное. - М., 1996. - Т. 2. - 599 с.
- 225 Симонян Р.Х. Концепция мезоуровня применительно к региону // Социологические исследования. - 2010. - № 5. - С. 31-40.
- 226 Макеев С., А. Патракова. Региональная специфика социокультурных различий в Украине // Социология: теория, методы, маркетинг. - М., 2004. - 110 с.
- 227 Центр Разумкова. Информационно-аналитический портал. <http://eurasiauhome.org/xml/t/socials.xml?lang=ru&nic=socials&pid=85&qyear>
- 228 Марк фон Хаген. Имеет ли Украина историю? // Ab Imperio. - 2000. - №1. - С. 40-45.
- 229 Панина Н. Факторы национальной идентичности, толерантности, ксенофобии и антисемитизма в современной Украине // Вестник общественного мнения. - 2006 - №1. - С. 25-34.
- 230 Историк: Проблема Украины не в Бандере, а в мифе о существовании отдельного украинского народа. 15.01.2011 // <http://www.imperiya.by/news.html?id=58846>.
- 231 Гульский М. Что такое Украина и как с ней объединяться? // Русский журнал. - 2001, август - 1.
- 232 Цымбурский В. Народы между цивилизациями // Pro et Contra. - 1997. - №3. - 168 с.
- 233 Лукацкий В. Украинские элиты перед выбором: реинтеграция или стихийная фрагментация? // Хвиля. - 2006, февраль. - С.13.
- 234 Лозинский Р. Кто такие галичане и почему они становятся сепаратистами? // Журнал «І». - 2001. - С. 47-59.
- 235 Почему галичане не захотели стать отдельной нацией // День. - 2004, ноябрь - 30.
- 236 Табачник Д. В. От Риббентропа до Майдана // Известия. - 2009, сентябрь - 12.
- 237 Кто враги украинской культуры // Слобідський край. - 2010, март - 23.
- 238 Революция должна начаться с Восточной Украины // Країна. - 2011, март - 10.
- 239 Мальгин А.В. Украина: Соборность и регионализм Украина: Соборность и регионализм. - Симферополь: Просвещение, 2005. - 123 с.
- 240 Грицак Я. Страсті за націоналізмом. - Киев, 2004. - 192 с.
- 241 Морозов Е. Теория Новороссии // Русский геополитический сборник. - 1996. - № 1. - С. 16-28.
- 242 Дацюк С. Геополитика, хронополитика и культурополитика Украины // <http://xyz.org.ua/discussion/chronos>.
- 243 Дифференциация регионов Украины // Агора. - 2006. - № 2. - 63 с.
- 244 Центр изучения Европейской интеграции. Quo Vadis, Украина? -. Львов: Издательская фирма «Алици-М», 2007. - 27 с.

- 245 Мальгин А.В. Две макрзоны Украины // <http://www.regnum.ru/news/843533.html>.
- 246 Кутуев П. Украинская политика сегодня: Карнавал во время чумы. 23 декабря 2009 // <http://parere.ru/strategy/show/381>.
- 247 Минаков С. Голгофа Евгения Кушнарева // КИД. – 2008, январь – 15.
- 248 Особое мнение // Ведомости. – 2010, февраль – 11.
- 249 Хотят ли украинцы демократии? // Зеркало недели. – 2009, май – 30. - № 19.
- 250 Образы регионов и межрегиональные отношения. // Столичные новости. – 2009, сентябрь – 3.
- 251 Что мы думаем друг о друге? // День. – 2007, октябрь – 7.
- 252 Программа Армена Оганесяна. Vis-à-vis с миром. Интервью Роя Медведева. 09.12.2004 // http://www.vor.ru/I/programme_rus.
- 253 Language issue in Ukraine // The Christian Science Monitor. – 2010, January – 22.
- 254 Трухачев В. Бандеровская бомба под украинской государственностью. - 2010, январь – 2. – Ч. 1. // <http://www.win.ru/school/3214.phtml>.
- 255 История Украины (на укр. яз.) / учебное пособие / под ред. В.А. Смолия - Киев, 1997. – 361 с.
- 256 Рябчук М. Дві України: реальні межі, віртуальні війни. – Київ, 2003. – 11 с.
- 257 Железный А.И. Происхождение русско-украинского двуязычия в Украине. - Киев, 1998. – 10 с.
- 258 Келебай Д. Языковые вопросы. – 2007, сентябрь - 20 // <http://www.ia-centr.ru/publications/120/>.
- 259 Половина Украины перейдет на русский язык // Независимая Газета. – 2010, май – 13.
- 260 Русский язык на Украине: как сгладить противоречия? // Парламентская газета. – 2010, май – 28.
- 261 Русские Украины требуют принять закон о языках. // Взгляд. – 2010, сентябрь – 29.
- 262 Язык с хреном по-львовски. // Известия Казахстан. – 2011, январь – 12.
- 263 Крымский парламент ввел в автономии региональный русский язык // Ник Вести. – 2010, май – 26.
- 264 Общаемся только на русском. // Одесская жизнь. – 2010, декабрь - 23.
- 265 Украина: языковая сегрегация. – 2010, январь - 23 // <http://ua.rian.ru/analytics/20100223/78317722.html>.
- 266 Языковой дискомфорт в Украине // День. – 2007, май – 25.
- 267 Вкус «национальной идеи». // Украина молода. – 2007, август – 6.
- 268 Зайцев В.А. К диалогу культур (Россия – Украина) // http://www.filosofy.vuzlib.net/book_045_page_18html.
- 269 Опасный раскол между двумя Украинами // День. – 2004, ноябрь – 30.
- 270 Наша история с пятнами разного цвета // Киевские ведомости. – 2010, февраль – 2.
- 271 Борьба противоположностей // «2000». – 2010, июнь – 12.

- 272 Саган Ольга, руководитель русского культурного центра Волыни // <http://odessa36.tv/index.php?option>
- 273 Неменский О.Б. Восточнославянский этнический сепаратизм: Русины и казаки. // Актуальные проблемы Европы: сборник научных трудов. - М., 2009. - № 3. – С. 151, 154, 164.
- 274 Сидор Д. Из выступления на VI Всемирном русском народном соборе. – 2001, декабрь // <http://www.netda.ru>
- 275 Longworth Ph. The Cossacks five centuries of turbulent life in Russian Steppes. – New York: Holt, Rinehalt and Winston, 1970. - P. 313-341.
- 276 Григорьянц В.Е. О некоторых вопросах государственно-церковных отношений в Украине и АРК. – 2009, февраль - 1 // <http://www.niss.gov.ua/crimea/files/cerkov.htm>.
- 277 Трухачев В. Бандеровская бомба под украинской государственностью. - 2010, январь – 12. - Ч. 1. // <http://www.win.ru/school/3214.phtml>.
- 278 Николаенко Д. Формирование крымского мифа в СССР // Рефлексия о советском пространстве и времени. Очерки советской исторической и географической науки // <http://www.krimtatar.com/Researches/nikolaenko.html>.
- 279 Сенюшкина Т.А. Управление местными сообществами в Крыму // <http://eawarn.ru/pub/Ethnocensus/Web>
- 280 Багров Н.В. Крым: время надежд и тревог. Мемуары. – Симферополь, 2001. – 28 с.
- 281 Муратова Э.С. Ислам и национальные интересы Украины // Национальные интересы Украины / под ред. д.ф.н. проф. О.А. Габриэляна. – Симферополь: «Энергия Дельта», 2007. – С. 174 -175.
- 282 Мазука Л., Тищенко Ю. Этнополитические аспекты межкультурного диалога // Профиль. – 2010, май – 22. - № 21 (139).
- 283 Бенхабиб С. Притязание культуры. Равенство и разнообразие в глобальную эру / пер с англ.; под ред. В.И. Иноземцева. - М., 2003. – 59 с.
- 284 Жеребцова Е.В. Специфика конфликтной ситуации в крымском регионе в постсоветский период // Научный потенциал: работы молодых ученых. - 2008. – № 1. - 227 с.
- 285 Ишин А.В., Беднарский І.Г., Швеєц О.Б. До питання щодо проявів етнополітичних суперечностей в Криму на сучасному етапі. - Сімферополь, 2005. – 33 с.
- 286 Бабинов Ю.К. вопросу о толерантности в межконфессиональных отношениях // Гражданское общество и религия / под ред. О. Габриэляна. - Симферополь, 2005. – С. 35-47.
- 287 Харабуга В. Власти України расшатали межнациональные отношения в Крыму, и теперь вряд ли сумеют найти управу на исламистов // Крымская Правда. – 2009, октябрь – 10.
- 288 Ислам – реальный фактор общественной жизни. Вопросы главного редактора «Голос Крыма» Эльдара Сеитбекирова заместителю председателя Республиканского комитета по делам религий Айдеру Булатову // Голос Крыма. – 2009, октябрь – 12.

- 289 Черный Е. Конфликтогенный потенциал межэтнических отношений // http://www.ppsychology.ru/yetnicheskaya_psihologiya/konfliktogennuj
- 290 К вопросу о религиозной судьбе Крыма. – 2010, ноябрь - 16 // http://www.kpunews.com/main_article11_459.html.
- 291 Ухудшающаяся экономика Украины вызовет этнический конфликт // <http://www.apn.ru/publications>
- 292 Различия в ментальном плане // События. – 2010, ноябрь – 1.
- 293 Одни только споры // Сегодня. – 2007, август – 8.
- 294 Безальтернативная альтернатива // Газета «Новая». – 2008, ноябрь – 19.
- 295 Неменский О. Украинский раскол. – 2007, август - 2 // <http://www.apn.ru/publications>
- 296 Благоприятным был переход к федерализму // Днепровская правда. – 2006, декабрь – 7.
- 297 Иванов А. Сепаратизм по-украински. - 2010, июнь - 13 // <http://rusiny.info/article/144/>.
- 298 Дугин А. Две геополитические идентичности на Украине // Закон і Бізнес. – 2005, сентябрь – 21.
- 299 Маслов О.Ю., Прудник А.В. Распадется ли Украина до 2015 года? // <http://www.polit.nnov.ru/2007/04/03/uk>
- 300 Филатов А.С. Русский Мир – это мир русских, которые являются сверхэтническим образованием. - 2010, март - 23 // <http://www.russkie.org/?module>
- 301 Крым считает: Кремль сам отказался от русской славы Севастополя // Свободная Пресса. – 2009, октябрь – 17.
- 302 Никифоров А. Геополитические перспективы независимой Украины // «ОК». – 1999, январь. - №1.
- 303 Щедров М. К новой модели идеологии сотрудничества между Украиной и Россией. // Одна Родина. – 2010, февраль – 27.
- 304 Ярков А.П. Развитие этнокультурной истории в полиэтническом государстве (на примере еврейской диаспоры Кыргызстана): автореф. ...докт. ист. наук. - Бишкек, 2002.
- 305 Урманбетова Ж.К. Современные тенденции развития кыргызской культуры. - Бишкек, 2009. – 92 с.
- 306 Князев А. Причина миграции русских // Вечерний Бишкек. – 2008, сентябрь – 18.
- 307 Страх перед сползанием к гражданской войне. // «Spiegel» Германия. – 2005, март – 28.
- 308 Что дальше. // Литер. – 2010, июнь.
- 309 Князев А.: Эксперимент с демократией в Киргизии постепенно подходит к концу // Де-Факто. – 2007, октябрь – 24.
- 310 Идет некая игра южных и северных элит. – 2010, май - 14 // <http://www.kreml.org/interview/244335936>.
- 311 Бирюков С. Киргизское общество по-прежнему ориентировано на «короткие связи // Коммерсант. – 2005, март – 23.

- 312 Киргизия: третья попытка // Итоги недели. – 2010, апрель – 11.
- 313 Бобушев Т. Демократия в Кыргызстане: первые уроки и содержание развития. – 2005, август // <http://elibrary.auca.kg>.8080
- 314 Зейхан П. Кыргызский кризис и российская дилемма // «Stratfor». – 2010, июнь – 17.
- 315 Ханова И.Е. Трансформация общества и власти в ЦА: постсоветский опыт (социально-философский анализ): а втореф. ... канд. филос. наук. – Тверь, 2007.
- 316 Традиционный восточный характер // Слово Кыргызстана. – 1995, июль – 15.
- 317 Уникальные обстоятельства. Может ли появиться общекиргызская гражданская нация? // «АИФ» Казахстан. - 2010. - №15.
- 318 Савин И. Воюя за себя, воюем против? О роли этничности в трагедии на юге Кыргызстана. - 2010, июнь - 21 // http://www.open.kg/ru/theme/analit/?theme_id=154&id=605.
- 319 Ахиезер А.С. От культурологического к социокультурному анализу инноваций в обществе // Вестник МГУ. Серия 12. Политические науки. - 1996. - №2. - С. 34-45.
- 320 Акмолдаева Ш.Б. Древнекиргизская модель мира (на материалах эпоса «Манас»). - Бишкек, 1996. – 150 с.
- 321 Айдарбекова Г.Б. Взаимосвязь социально-экономической консолидации и исторической общности людей: дис. ... канд. философ. наук. – Бишкек, 2008. – 104 с.
- 322 Малашенко А. Киргизия: к парламенту по натянутому канату // <http://www.newsizv.ru/blog/17/>.
- 323 Исаев К. Глобальная демократия в Кыргызстане (противоречия и перспективы) // <http://www.isras.ru/files/File/socis/2004-04/11.Issaev>.
- 324 Ногойбаева Э. Традиционное – это мощная социальная защита // <http://www.akipress.org/-htm/bec-2.htm/>.
- 325 Фонд «Сорос – Кыргызстан». Аналитическая записка. Этническое развитие Кыргызстана: проблемы и пути решения. - 2005, ноябрь // <http://www.open.kg/ru/theme/analit/>
- 326 Субэтнорегиональные отношения в Кыргызстане // <http://www.peoples-rights.info/2010/04/Kyrgyzstan/>.
- 327 Кыргызская элита раздроблена – мнения экспертов // Весть. – 2010, август – 5.
- 328 Бездарная неэкономическая политика в Кыргызстане // Аламединский вестник. – 2010, июль – 10.
- 329 Грозин А.В. Псевдогосударство Киргизия // Независимая Газета. – 2010, июнь – 24.
- 330 Современные риски и угрозы в Кыргызстане // Лица. – 2009, май. – 5.
- 331 Торогельдиева Б.М. Особенности политической культуры современного кыргызского народа // Вестник КРСУ. - 2008. - Т. 8, № 7. – С. 21-32.

- 332 Кузьмина Е.М. Особенности внутривосточной и международной ситуации в ЦА // Политекс - 2008. - №1. – С.18.
- 333 Ханин В. Кыргызстан: Этнический плюрализм и политические конфликты // ЦА и Кавказ. – 2000. - №3 (9). – С. 17-29.
- 334 Сафаргалеев И.Ф. Тезисы доклада на VII съезде российских востоковедов, Звенигород, 13-16 сентября 2010 // <http://www.materik.ru/rubric/detail.php?ID=10928>.
- 335 Трудности Кыргызстана // Независимая Газета. – 2010, июнь – 25.
- 336 Ривз М.В. Кыргызстане происходит этнизация общественной жизни // [<http://www.polit.ru/institutes/2010/06/>]
- 337 Гражданское общество в странах ЦА: повестка сотрудничества или миссия предупреждения конфликтов // <http://Igi.osi.hu/cimg>
- 338 Земельный передел накаляет обстановку на юге Кыргызстана // Казахстанская Правда. – 2010, декабрь – 16.
- 339 Кыргызстан: размышления вслед ушедшему году // <http://rus.ruvr.ru/2011/01/12/39407853.html>.
- 340 Глушкова М. Как найти баланс между традиционными и современными нормами // Лица. – 2009, октябрь – 5.
- 341 Князев А.: «Надо найти способы возвращения Киргизии к нормальному состоянию». – 2010, август – 28 // <http://www.fergana.ru/article.php?id=6701>.
- 342 Мирсаидов Х. Жаркое лето на юге Киргизии // ResPublica. – 2006, июль – 3.
- 343 Лукашов И. Ситуация на юге Кыргызстана: найти общий язык» 11.06.2010 // <http://www.fergana news.com/article>.
- 344 Национальный Статистический Комитет КР. – Бишкек, 2009. – 418 с.
- 345 Киргизский фактор Юг vs.Север устарел // НП. – 2010, август – 20.
- 346 Перемены идут // Слово Кыргызстана. – 2008, август – 2.
- 347 Специфическая этносоциальная ситуация в Кыргызстане // <http://www.kneazev.org/>.
- 348 Кыргызцы считают узбеков виновными в насильственных действиях, а СМИ – в разжигании межнациональной розни // Global Post. – 2010, october - 21.
- 349 Правда и ложь о дебоше в Оше // Экспресс–Казахстан. – 2011, январь – 12. - № 2.
- 350 Межобщинный конфликт на юге Кыргызстана: комментарий этнолога // Фергана. URL: <http://www.fergana.ru/article>.
- 351 Джакишев А. Этническое многообразие Кыргызстана. - 2010, июнь – 29 // <http://www/open.kg/blog/?p=179>.
- 352 Glenn John. The Soviet Legacy in Central Asia.- London: Macmillan, 1999. - P. 49.
- 353 Ривз М. Расцвет новых тюльпанов // Русский журнал. – 2010, июнь – 28.
- 354 Джонсон Д.М. О программе разрешения межнациональных конфликтов // Кентавр. – 1992, март-апрель. – 82 с.

- 355 Усубалиев Э. Этническая характеристика и особенности идентификации мусульман Кыргызстана // <http://www.islam.ru/pressclub/histori/kirgetu/>.
- 356 Абишова Б. Политическое активирование региональной идентичности кыргызов // <http://elbilge.usog.ru/publ/15-1-0-206>.
- 357 Матвеев А. Долгое эхо ошских событий // Военно-промышленный курьер. - 2010. - №325 (341). - С. 47-59.
- 358 Кыргызстан на пути легитимизации власти // Деловая неделя. – 2010, ноябрь – 12.
- 359 Региональные различия вышли на первый план // Итоги недели. – 2010, октябрь – 12.
- 360 Жители южных и северных регионов страны придерживаются кардинально противоположных мнений // <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1286873820>.
- 361 Трагические события в Кыргызстане. Мнение президента Узбекистана // <http://www.today.kz./ru/news/politics>
- 362 Русских в Киргизии остается все меньше // Российская газета. – 2009, ноябрь – 2.
- 363 Русские в Кыргызстане не желают обострять межнациональные противоречия // <http://www.kyrgyzstan.russian-club>
- 364 Налицо тенденция моноэтнизации // <http://inland.linguanet.ru/scientificwork/scientificArticles/detail.php>
- 365 Епифанцев С. Революционные погромы уничтожают среду обитания русских в Кыргызстане // <http://www.ruskiymir.ru/ruskiymir/ru/news/common/news9240html>.
- 366 Абытов Б.И. Кыргызстан – страна религиозных конфессий: состояние и перспективы. – 2007, март - 5 // <http://www.easttime.ru/analitic/1/2/117.html>.
- 367 «Хизб-ут-Тахрир» активизировались в Кыргызстане // Азаттык Уналгысы. – 2010, ноябрь – 18.
- 368 Кто целеустремленно работает с населением в Кыргызстане // Вечерний Бишкек. – 2010, июнь – 18.
- 369 Маликов К. Религиозная ситуация в Кыргызстане – анализ и перспективы развития. - 2008, январь - 26 // ЦА <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1201336980>.
- 370 Табышалиева А. Взгляд на религиозную ситуацию в Кыргызстане // SA&CC PressR.AB.- Sweden, 1998-2010.
- 371 Исследовательский проект. Политический экстремизм, терроризм и СМИ в ЦА // <http://www.monitoring.kg/?pid=139>.
- 372 Роль ислама в ЦА // Российская газета. – 2008, ноябрь – 9.
- 373 Богатырев Валентин. Кыргызстан: в поисках идентичности // <http://www.ipp.kg/ru/fnflysis/847/>.
- 374 Киятин В., Акунов А. Исламское возрождение в республиках ЦА // <http://www.analitica.org/article.php>.
- 375 Волнения в Кыргызстане – колокол, прозвеневший для всей ЦА. - 2010, декабрь - 19 // <http://iwpr.net/ru/repoet-news/>.

- 376 Сташевский Н.Г. Наследство Советской империи. - Донецк, 2003. –103 с.
- 377 От катастрофы к возрождению: Причины и последствия разрушения СССР. – М.: Былина, 1999. – 319 с.
- 378 Федулова Н. «Замороженные» конфликты в СНГ и позиция России // МЭМО. - 2008. - № 1. – С. 57-67.
- 379 Многое хочется поделить // Московские новости. – 1991, март – 17.
- 380 Дружба закончилась? // Московские новости. – 1992, март – 19.
- 381 Президент. // Юридическая газета. – 2009, март - 1.
- 382 Миграция – проблема номер один в Содружестве // Комсомольская правда. – 2007, декабрь – 28.
- 383 Шумский Н. Интеграция в СНГ: проблемы и перспективы // МЭМО. - 1999. – №11. - С. 29-38.
- 384 Гайдар Е.Г. Государство и эволюция. - СПб., 2009 – 336 с.
- 385 Дергачев В.А., Вардомский Л.Б. Регионоведение: учеб. пособие для студентов вузов. - М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2004. – 288 с.
- 386 Исингарин Н. Проблемы интеграции в СНГ. - Алматы, 1998. – 157 с.
- 387 Глушкова С.И. Взаимовыгодное экономическое сотрудничество как главный приоритет стран СНГ. - Екатеринбург, 2001. – С. 51-53.
- 388 Соловьева А.А. Приоритеты интеграционной политики Украины в контексте ее присоединения к ВТО. // Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика. - 2008. - №1. – 52 с.
- 389 Петраков М. О концепции дальнейшего развития СНГ // Международная жизнь. - 2009. - № 8. – 41 с.
- 390 Лебедев С. СНГ – территория реального сотрудничества // Международная жизнь. - 2009. - № 2-3. – 13 с.
- 391 Гвозденко Д. Состояние и перспективы интеграции стран СНГ // Экономист. - 2004. - №4. – 63 с.
- 392 Татаринцев В.М. Содружество независимых государств в начале XXI века: проблемы и перспективы. - М.: Научная книга, 2007. – 359 с.
- 393 Клепацкий Л. Опыт СНГ // Международная жизнь. - 2008. - № 6. – С.46.
- 394 СНГ – это исторический экспромт. - 2006, декабрь - 13 // <http://www.apn.kz/publications/article7533.htm>.
- 395 Рудов Г. Влияние России и других ведущих внешних сил в регионе Центральной Азии // Дипломатическая служба. - 2010. - №3. - С. 11-21.
- 396 Косачев К.И. Законотворческая и внешнеполитическая деятельность Комитета по международным делам в рамках международного сотрудничества Государственной Думы // Дипломатическая служба. - 2009. - №5. – С. 12-23.
- 397 Какие дальнейшие действия России в СНГ? // Ведомости. – 2004, июль – 29.
- 398 «Доктрина Путина»: Россия стремится к гегемонии в СНГ». Фонд Конрада Аденауэра // Financial Times Deutschland. – 2005, август – 10.
- 399 Позиция лидеров СНГ // Российская газета. – 2008, июль – 10.

- 400 Маркедонов С. Интеграционный баланс. - 2009, декабрь – 24 // <http://www.polit.ru/author/2009/12/24/balans-print>.
- 401 Хан Г.Б., Хан И.Г., Юн С.И., Булекбаев С.Б., Рахманова Г.Б. Проблемы современных международных отношений. – Алматы: Print Express, 2008. – 364 с.
- 402 Медведев Д. Россия объявлена в Белоруссии врагом. - 2010, октябрь - 3 // <http://www.vesti.ru/doc.html?id=396733>.
- 403 Тасбулатов А.С. Выступление на конференции. - 2008, ноябрь - 16 // <http://ia-centr.ru/expert/2691/>.
- 404 Сотрудничество по военным вопросам. // Дело. – 2010, август – 13.
- 405 Экономические стратегии стран СНГ и Россия / под. ред. А.Н. Барковский. - М.: Изд-во РУДН, 2003. – 479 с.
- 406 Ланьков А. Директор украинского филиала Института стран СНГ. В статье «Перспективы большие» // Харьковский курьер. – 2009, февраль – 17.
- 407 Васильев А.Т. На что способно СНГ // Обозреватель. – 2004. - № 5. – С. 15.
- 408 Аморфность СНГ – правда или вымысел? // АИФ в Украине. – 2005, март – 28.
- 413 Развод уже завершен, а воссоединение не состоялось // Коммерсант. – 2006, сентябрь – 12.
- 414 Нужный механизм СНГ // Одесская жизнь. – 2008, июль – 5.
- 415 Пивоваров Е.И. Постсоветское пространство: альтернативы интеграции. Исторический очерк. – Изд. 2-е, испр. и доп. – СПб.: Алетейя, 2010. – 398 с.
- 416 Шатилов А. Будущее СНГ противоречиво // Взгляд. – 2006, ноябрь – 28.
- 417 Как играть роль большого брата? // Комсомольская правда в Белоруссии. – 2006, декабрь – 15.
- 418 Сегодня в стране. Президент. // Юридическая газета. Зан. – 2009, март – 11.
- 419 Жить лучше, вместе или порознь? // Град столичный. – 2009, сентябрь – 5.
- 420 Смбатян А.Б. Единое гуманитарное пространство – наш общий интерес // Независимая Газета. – 2010, апрель – 4.
- 421 Содружество Независимых Государств. Исполнительный комитет СНГ. – М.: «Произв-изд. комбинат ВИНТИ», 2004. – 140 с.
- 422 Содружество надо развивать // Самарские Вести. – 2009, январь – 28.
- 423 Время, назад? Размышления об уроках украинской «контрреволюции» // АИФ Казахстан. - 2010. - №42.
- 424 19 лет, прошедшие не зря // Страна и Мир. – 2010, декабрь – 13.
- 425 Соціально-економічне становище України за 2000 рік. Повідомлення державного комітету статистики України // Статистика України. – 2001. - №1. – С. 105-107.
- 426 Standing G., Zsoldos L. Worker Insecurities in Ukrainian Industry. – Geneva: ILO, 2000. - 88 p.

- 427 Жизнь в эпоху независимости. // Заграница. – 2000, июль – 12.
- 428 А где же улучшения? // Коммерсант. – 2008, июль – 2.
- 429 «Содружество». Ежемесячное приложение к «Независимой Газете». – 2000, ноябрь - 20.
- 430 Burawoy M. The End of Sovietology and the Renaissance of Modernization Theory // Contemporary Sociology –1992, november. - P. 784.
- 431 Арсеенко А. Украина в тисках «транзитологии» и западня глобализации на изломе веков. - 2002, декабрь - 16 // <http://russian.Kiev.ua/print.php?id=9001534>.
- 432 Мирошниченко Н.П. Как Украинцы капитализм себе строили. Новейшая история Украины (1991-2001). - Киев, 2002. – 141 с.
- 433 Круглый стол. Итоги парламентских выборов в 2006 г. и перспективы политической реформы в Украине // МЭМО. - 2007. - № 5. – С. 100-110.
- 434 Западные страны диктуют свою волю Украине // Одесская жизнь. – 2008, ноябрь - 15.
- 435 Нагорный А., Коньков Н. Куда пойдет Украина? // Завтра. – 2010, февраль – 17.
- 436 Научно-исследовательский институт социальных систем МГУ им. М.В. Ломоносова. Центр постсоветских исследований МГИМО МИД России. (Стенограмма семинара на тему: «10 лет СНГ: некоторые итоги». - 2001, май 25 // <http://niiss.ru/s.sts.shtml>.
- 437 ООО «ФОМ Украина» // Газета по-украински. – 2008, август – 2.
- 438 Обнищание населения Украины – это реальность // Столичные новости. – 2009, март – 11.
- 439 Как нам победить бедность? // Инвестгазета. – 2008, октябрь – 10.
- 440 Как мы живем // День. – 2009, июнь – 6.
- 441 Тарасенко В., Москвин О., Шараева Н. Аграрная реформа в Украине: (социологическая диагностика). – Киев: Ин-т Социологии НАНУ, 1998. – 214 с.
- 442 Минка А.П. Реформирование и развитие аграрного сектора экономики Украины // <http://www.ucpb.org/rus/>
- 443 Пустующие сельскохозяйственные земли // Сельские вести. – 2007, март – 21.
- 444 Необходимо заметить, что численность сельского населения Украины на 1 января 2008 г. составляла 14779,2 тыс. человек, что на 6,2% (971,2 тыс. чел) меньше в сравнении с соответствующим периодом 2003 г. (по данным Государственного Комитета статистики Украины).
- 445 Украина станет страной «для людей», когда заботиться будут о каждом человеке. Презентация социального блока Программы Партии Регионов // Комсомольская Правда Украина. – 2009, ноябрь – 27.
- 446 Головаха. Е., Паніна Н. Українське суспільство 1992-2008: Соціологічний моніторинг. – Київ, 2008. – 63 с.
- 447 Население и глобализация. - М., 2002. – 139 с.
- 448 Кетова В., Русяк И.Г. Учет человеческого капитала при моделировании экономической системы региона // Вестник Московского Университета. Серия 6. Экономика. - 2008. - №3.– С. 40-51.

- 449 Задорожнюк. Э.Г. Украина как «ось консолидации» в 1990-х годах. // Регионы и границы Украины в исторической ретроспективе : сборник. – М., 2004. – 292 с.
- 450 Измениться или умереть // Эксперт. – 2005, апрель - 18. – С. 3-14.
- 451 Кучма Л. Экс-президент Украины // Страна и Мир. – 2009, март – 23.
- 452 Погребинский М., Финько А. Россия – Украина: что дальше? // Международная жизнь. - 2010. - № 9. – С.47.
- 453 Территориальная экспансия ЕС на Восток остановлена всерьез и надолго // «Голос Украины». – 2006, февраль – 18.
- 454 Что-то не вышло с территорией. // День. – 2010, июнь - 23
- 455 Приватизация на Украине в 2005 г. // Российская газета. – 2005, октябрь – 19.
- 456 Тимошенко продает «золотой запас». Зять экс-президента Украины выгоняют с «Криворожстали» // Российская газета. Центральный выпуск. – 2005, июнь - 20. - № 3799.
- 457 Kishor Sridhar. Die Ukraine ist wie ein politisches minenfeld // Frankfurter Rundschau. – 2009. –№ 11.
- 458 Юго-восток берет курс на север // <http://www.terra.md/ru/news/sug/ucr12/default.aspx>.
- 459 Экономика в бездне // Украинская транспортная газета Моряк. – 2009, апрель – 30.
- 460 Рекорд по спаду // Украинская Техническая газета. – 2009, май.
- 461 Дыхание кризиса // Сегодня. – 2009, май – 20.
- 462 Долги по регионам Украины // Сельские вести. – 2010, февраль - 4.
- 463 Здравоохранение в упадке // День. – 2009, апрель – 5.
- 464 Лукашин Ю. Почему Украина «просела» в кризис так глубоко // «2000». – 2010, февраль. - №7 (498). –С. 19-25.
- 465 Черемных Ю.Б. История Украины. - Киев, 2003.
- 466 Хавич О. Западная Украина: провинция или еврорегион? // Украинская правда. – 2002, июнь – 10.
- 467 Каков потенциал Западной Украины? // Капитал. – 2008, ноябрь.
- 468 Продуктивность сельского хозяйства Украины // Экономист. - 2008. – октябрь.
- 469 Уровень жизни на западной Украине – низкий // Газеты Выборчей. – 2006, ноябрь - 2.
- 470 Восток страны кормит Запад // Днепровская правда. – 2010, март – 25.
- 471 Дотационные регионы Украины // Новый регион. – 2010, май – 6.
- 472 Мнение: экономика первична // Корреспондент. – 2006, август – 12. - №31.
- 473 Мы особенные // Ведомости. – 2010, апрель – 5.
- 474 Бизнес выстраивается вокруг границы. // События. – 2008, март – 2.
- 475 Григорьев Л., Агибалов С., Салихов М. Украина: раздвоение трансформации // Вопросы Экономики. - 2009. - №3. – С.12.

- 476 Итоги парламентских выборов в 2006 году и перспективы политических реформ в Украине. Круглый стол // МЭМО. - 2007. - № 6. – С. 94-103.
- 477 Попов Э. Украина: война всех против всех // Комитет. – 2010, февраль - 2.
- 478 Гаршина О.К. Дуализм экономического менталитета украинских домашних хозяйств в трансформационной экономике // Научный вестник ДГМА. - 2009. - № 1. - С. 41-50.
- 479 Неформальные институты на Украине // Днепровская правда. – 2007, октябрь – 14.
- 480 Реальные проблемы спорного полуострова // Независимая газета. – 2009, апрель – 2.
- 481 Реальное положение дел на полуострове // Крымская правда. – 2010, июнь – 7.
- 482 Черкасова Е. Севастополь: еще раз о территориальной проблеме // МЭМО. - 1999. - №9. - С. 39-47.
- 483 Радева Л. Крым должен стать партнером европейских регионов // Крымские известия. – 2009, декабрь – 1.
- 484 Корвегин С. В Центре внимания стратегии развития Крыма – человек. // Крымские известия. – 2009, ноябрь – 20.
- 485 Исмаилов А. Мы должны остановить экономический беспредел в Крыму // Инвестгазета. – 2002, июль - 3.
- 486 Недоразвитый Крым // Украина молода. – 2007, август - 21.
- 487 Крым не повторит судьбу Косово // Российская Газета. – 2008, сентябрь – 26.
- 488 Черноморский флот – как градообразующее предприятие Севастополя. // Крымская правда. – 2010, апрель – 25.
- 489 Пироженко В.А. Возможное развитие ситуации в Крыму в контексте косовского прецедента. - Киев, 2008. – 182 с.
- 490 Горохов А.В. Внешняя политика России в отношении Украины. - 2007, январь - 21 // <http://www.anti-orange-ua.com.ru/cpntent/view/1644/42/>.
- 491 Бекирова Г. Крымско-татарская проблема в СССР (1944-1991 гг.). - Симферополь: Оджакъ, 2004. – 201 с.
- 492 Снова передел в Крыму? // Столичные новости. – 2006, январь – 22.
- 493 Гончарова Н. Так кто виноват, что землю «дерибанят»? // Крымская правда. – 2007, ноябрь – 3.- № 202.
- 494 Маркедонов С. Битва за Севастополь // Русский журнал. – 2010, февраль – 27.
- 495 Совсем разные дороги // МК. – 2007, май – 3.
- 496 Ряд противоречий в Крыму // Голос Украины. – 2009, март – 3.
- 497 Богатые и бедные регионы страны // Одесская общая газета. – 2010, июнь - 20.
- 498 Новицкий В. Вся история независимой Украины – это сплошной кризис. - Донецк, 2010. – 207 с.

- 499 Страны и регионы мира в современных международных отношениях / под ред. М.С. Ашимбаева, А.Ж. Шоманова. – Алматы: Ин. мировой экономики и политики при фонде Первого Президента РК, 2006. – 430 с.
- 500 Чотонов У. Суверенный Кыргызстан: выбор исторического пути. – Бишкек, 1996. – 248 с.
- 501 Бактыгулов Дж.С., Осмонов О.Дж., Самиева Ж.Д. Уровень жизни населения Кыргызстана (1961-1994 гг.) – Бишкек, 1995. – 205 с.
- 502 Шанс для Максима, Адила и Айдара // АИФ. - 2010. - №38.
- 503 Приватизировали все или еще что осталось? // Эпоха. – 2004, май – 5.
- 504 Кудабаев З. Некоторые итоги становления свободной экономики в Киргизской республике // МЭМО. - 2005. - № 2. – С.22
- 505 Центральная Азия: 1991-2009 гг. / под ред. Б.К. Султанова. – Алматы: КИСИ, 2010. – 300 с.
- 506 Современные преобразования на просторах СНГ // БГ. Деловая Газета. – 2008, май – 23.
- 507 Слепченко С.С. Состояние сельского хозяйства Кыргызстана // <http://www.kazakhzerno.kz/index.php>
- 508 Кожемякин С. Ничейная земля. Почему сельское хозяйство Кыргызстана продолжает находится в глубоком кризисе?- 2009, июнь - 25 // <http://www.centrasia.ru/newsA.php>.
- 509 20 лет мы катились в пропасть // АИФ Казахстан. - 2010. - №32.
- 510 Князев А. Национальная идеология Киргизии вообще не может быть придуманной. 08.08.2007. ЦА // <http://www.centrasia.ru/newsA>.
- 511 Сделано много. // Общественный рейтинг. – 2009, август.
- 512 Темирбаев Б. Рыночная модель развития аграрной экономики Кыргызстана в переходный период // НИТ. - 2009. - №3.
- 513 Барьеры в развитии сельского хозяйства. // Лица. – 2009, март – 9.
- 514 Трудности роста // КП – Кыргызстан. – 2008, сентябрь – 20.
- 515 Керимбекова Ч.К. некоторые проблемы социально-экономического развития села Кыргызстана в условиях перехода к рыночным отношениям. – Бишкек, 2000. – 163 с.
- 516 Ниязов М. У нас острый дефицит политических сил, способных вывести страну из кризиса // Репортер. –Бишкек, 2009, май – 15.- № 16.
- 517 Темирбаев Б. Рыночная модель развития аграрной экономики Кыргызстана в переходный период // НИТ. - 2009. - №3. – С.8.
- 518 Канаева И.Б. Развитие аграрного сектора экономики в условиях реорганизации государственного и местного самоуправления в КР. - Бишкек, 2007. – 132 с.
- 519 Куда идти: на лево или на право? // КП – Кыргызстан. – 2008, сентябрь – 20.
- 520 Ногоев А. «Утверждать, что нам угрожает кризис, нет оснований. Все это спекуляции» // Репортер-Бишкек. – 2008, июль – 18. - №25.
- 521 Кыргызстанский бизнес о послании президента // Лица. – 2006, октябрь – 9.

- 522 Дудка И. Трудности экономического подъема // Вечерний Бишкек. – 2010, август – 13.
- 523 Бактыгулов Ш. «Бедность как угроза устойчивости госуправления» // <http://www.bpc.kg/perspective/150-05-02-10>.
- 524 Диспропорции в развитии страны обострились // Итоги недели. – 2008, август – 2.
- 525 Авария в Кыргызстане парализовала Алматы // Караван. – 2009, апрель - 17.
- 526 Польза только для избранных // Эркинтоо. – 2009, май - 22.
- 527 Пращаева А. Энергетические проблемы Кыргызстана и пути их решения // Независимый обозреватель стран содружества. – 2010. - №5. – С.9
- 528 Что еще нам нужно сделать? // Лица. – 2010, июль – 29.
- 529 Национализаторы // Время. – 2010, июль – 21. - №104.
- 530 Энергетический кризис // Аламединский вестник. – 2009, август – 7.
- 531 Угольная отрасль в ауте // <http://www.bpc.kg/news/3969-11-07-08>.
- 532 Цена угля в Кыргызстане. РСБ. Информационно-аналитическое агентство. - 2009.
- 533 History of Civilizations of Central Asia. UNESCO Project. L. Miroshnicov. Bosworth and M.S. Asimov. – Paris: UNESCO Publishing, 2000. – 322 p.
- 534 Артемов И. Россия и Средняя Азия // Наш современник. - 1992. - №7. – 142 с.
- 535 Ферганская долина // Экспресс – К., 1994, октябрь – 17.
- 536 Салиев Э. В «мертвой петле» // Оазис. – 2010, июнь. - № 11 (127).
- 537 Лузянин С.Г. Анклавы ЦА. Этнотерриториальные и пограничные проблемы ЦА // <http://www.analitika.org>
- 538 Государство в государствах // Эксперт. – 2006, октябрь – 23. - №39.
- 539 Ферганская долина – рай для экстремистов // АИФ Кыргызстан. – 2009, февраль – 21.
- 541 Мир – это главное // Новое поколение. – 1993, май-июнь. - №10.
- 542 Керимбетова А.К., Молдобаев К.К. Введение в политологию безопасности. - Бишкек, 2000. – 204 с.
- 543 Лузянин С. Центральная Азия – 2008: экономические амбиции или «исламский социализм?» // Перспективы. - 2008.
- 544 Айып Н. Кыргызстан может быть использован экстремистами как база для завоевания всей Ферганской долины // Kyrghyz Weekly. – 2005, январь - 19.
- 545 Восставшие требуют земли в Бишкеке // КП. – 2010, апрель - 21.
- 546 Князев А. Знакомые моменты власти // АИФ Казахстан. - 2010. - №16.
- 547 Бишкек как Ноев ковчег // Де-факто. – 2009, октябрь – 22.
- 548 Кожемякин С. Под знаменем упадка. Бишкек, XXI в. // Вечерний Бишкек. – 2008, октябрь – 3.
- 549 Границы открыты для интервенции // АИФ. Каз. - 2010. - №16.
- 550 Сатаров А. Перекресток многих дорог, ведущих непонятно куда. - Андижан, 2006. – 59 с.
- 551 Байтелова Ж. Бунт толпы или воля народа? // Информационно-аналитический портал Республика. - 2010, апрель – 9 respublika-kz.info.

- 552 Абдуллаев Р. Какая форма правления эффективнее в Кыргызстане и ЦА: республика или монархия? // <http://www.kapital-rus.ru/articles/article/>
- 553 Статистический ежегодник Кыргызской республики // Национальный статистический комитет КР. – Бишкек, 2008. – 407 с.
- 554 Осмонбетова Д.К. Бедность в Кыргызстане и ее отражение в показателях водопотребления // Вестник Московского Университета. Серия 6. Экономика. - 2010. - №3. – С. 63-77.
- 550 Жители Киргизии: «Пусть Россия возьмет нас обратно» // АИФ. – 2010. - № 29.
- 551 Как реформируется здравоохранение в Кыргызстане // МСН. – 2008, октябрь – 12.
- 552 Сагибаева Д. Бесплатно лечить не хотят // Баткен Таны. – 2009, февраль – 10.
- 553 Трудная доля // Дипкурьер. – 2006, июль – 2.
- 554 Есеналиева Б.Б. Современный рынок труда и трудовая миграция в КР. 2009 // [http:// arch. Kyrlibnet. Kg /](http://arch.kyrlibnet.kg/)
- 555 Трудовые мигранты едут домой? // Замандаш. – 2009, август – 14.
- 556 Мигранты возвращаются в Кыргызстан, который не готов их принять. // Лица. – 2009, май - 4.
- 557 Позднякова Н. Гастарбайтеры постепенно возвращаются из России домой // Немецкая волна. – 2009, апрель – 13.
- 558 С какими еще трудностями столкнутся? // Российская газета. – 2009, февраль – 17.
- 559 Кияткин А. Киргизия из-за кризиса стала беднейшей страной СНГ – это привело к бунту // Маркер. – 2010, апрель – 8.
- 560 Чем закончится бунт в Киргизии // Комсомольская правда. – 2010, апрель – 9.
- 561 Горький опыт соседей // Казахстанская правда. – 2010, апрель – 14.
- 562 Сколько можно допускать ошибки // Итоги недели. – 2010, май – 4.
- 563 Литвинова Я. Нужна ответственная политика // Независимая Газета. – 2010, апрель – 9.
- 564 Разделение приведет страну к распаду // Kazakhstan Today.
- 565 Необходимые действия // Ведомости. – 2010, апрель – 23.
- 566 Бедственное положение кыргызской экономики // Диенат. – 2010, июль - 21
- 567 Бирюков С. Русский журнал // Политика. – 2005, март – 18.
- 568 «Клановый баланс» // Независимая газета. – 2003, март – 3.
- 569 Князев А. Государственный переворот 24 марта 2005 года в Киргизии. – Бишкек, 2007. - 161 с.
- 570 Противоречивые мнения по поводу раздела Кыргызстана // <http://www.24.kg/economics/2009/>
- 571 Кто потушит Ферганскую долину? // Эксперт. – 2010, июнь - 21.
- 572 Казахстан – это место цивилизационных национальных отношений // Казахстанская правда. – 2003, декабрь – 23.
- 573 Кыргызские события // Независимая газета. – 2010, июнь – 25.

574 Бедность и отсутствие толерантности привели Кыргызстан к трагическим событиям // Казахстанская правда. – 2010, июнь - 29.

575 Основные усилия правительства // Вечерний Бишкек. – 2010, июль – 28.

576 Ильина В. Сепаратисты хотят поделить Кыргызстан на две демократические республики – Южную и Северную. - 2010, апрель - 30 // <http://www.centrasia.ru/newsF.php>.

577 Каминник И. Независимый Ош: Архитектор Косово Ахтисаари едет в Киргизию // АИФ Кыргызстан. – 2010, сентябрь – 3.

578 Межэтнические столкновения на юге Кыргызстана // New York Times. – 2010, май – 21.

579 Правительство должно вести разумную политику // Деловые вести. – 2011, январь – 24.